

Девочки Братев Гримм #2

**ЗОЛУШКА,
Облаченная в пепел**

Кэмерон Джейс

Королева контролирует Локи через Руно Охотника за Сновидениями, и теперь, он враг Белоснежки. Никто не уверен в том, чего Королева Скорби захочет дальше, и какие у нее планы на Скорбь. В еще одном Дримори, они узнают, кем на самом деле была Золушка, откуда она родом, ее отношениях с Белоснежкой и в какой исторический период она перенесла страдания. А самое главное, что же такое Запретное Искусство?

Золушка, Облаченная в Пепел

Пролог

Осколки Зеркала

Дети Хэмлина не придали большого значения женщине, одетой в роскошную черную вуаль. Она заявила, что Чармвилль Глиммер послал ее поведать им необычайно важную историю, ту самую, что выдаст великий секрет зла Сказочного Мира. Детям все же не понравилось, что часть ее лица была скрыта. Она смогли разглядеть лишь ее голубые глаза и длинные ресницы, а еще на ней были шелковые белые перчатки.

— Где Цалмвилль? — подозрительно спросила шепелявая девочка. — Почему он сам не может рассказать нам эту историю?

— Чармвилль на сказочной миссии, — ответила женщина. — У него могут уйти годы на то, чтобы вернуться.

— Это объясняет, почему он не появился на прошлое Рождество, — предположил мальчик. — Санта Клаус беспокоился о нем.

Другой мальчик предложил версию о том, что Чармвилль сражается со злодеями, которые хотели похитить Книгу Прекрасной Лжи.

— Нет, он не потому уехал, — перебила его девочка с выпавшим зубом. — Он с Мальчиком — Тенью, верно?

— Что-то вроде этого, — кивнула женщина. Ее голос был глухим и бесстрастным. Она не была такой же жизнерадостной, как Чармвилль, который напоминал им об их чрезмерно консервативных родителях в Хэмлине. Она даже не разрешила им поиграть со своей вуалью, как Чармвилль, который позволял играть им со своей бородой..., у нее даже не было попугая!

— А у Вас тоже есть Книга Прекрасной Лжи? — спросил мальчик.

— Боюсь, что нет, — ответила женщина, немного смущенно.

— Тогда как Вы будете рассказывать нам свою историю? — нахмурилась девочка с выпавшим зубом.

— Чармвилль помог мне запомнить ее, — ответила женщина.

— Но Чармвилль говорил, что истории нужно записывать, — перебила девочка с заднего ряда. — Он сказал, запоминать историю недостаточно, потому что один рассказывает историю другому, потому еще одному, а потом еще одному. В итоге, конечная история будет отличаться от оригинальной версии.

Загадочная женщина вздохнула. Она приложила все усилия, чтобы не закричать "*Да поверьте же мне!*". Она выдохнула.

— Я удостоверилась, что запомнила эту историю слово за словом. Она важна, — она слегка наклонила голову, пристально глядя на них из-за огня. В ее глазах было нечто странное. — Могу я узнать, почему все вы называете его Чармвиллем?

Дети засмеялись над ней.

— Да потому что он — Чармвилль Глиммер, самый лучший сказочник во всем мире, — сказала девочка и подняла руки в воздух. Остальные дети последовали ее примеру.

— Так он никогда не говорил вам своего настоящего имени? — Взгляд женщины потускнел от замешательства.

— О чем Вы говорите? — спросила шепелявая девочка. — Это и есть его настоящее имя! Женщина, сидящая по другую сторону костра, прищурилась. Погрузившись в мысли, она

потирала подбородок, спустя некоторое время ее глаза расширились.

— Я просто шутила. Это его настоящее имя. Ну а теперь, если вы, конечно, не возражаете, я расскажу вам свою историю, — она потерла руки.

Промямлив "да", мальчики и девочки вздохнули. Они не верили, что кто-то другой сможет рассказывать такие же увлекательные истории, как Чармвилль, но они дали ей возможность попробовать.

Она начала:

— Давным-давно...

— Она будет скущной? — поинтересовалась шепелявая девочка. — Все истолии, котолые натинаяются "Давным-давно" закантиваются "И зыли они долго и сцастливо". Это скущно.

— Так коряво, — прокомментировал мальчик.

— Будто бы мы не знаем, чем все закончится, — сказала девочка с заднего ряда, — Вот почему нам нравятся истории Чармвилля. Они другие. Полные тьмы, юмора и тайн.

— Да. Никогда не знаешь кто есть кто в его истолиях, — сказала шепелявая девочка, — И осень слозно сказать кто холосый, а кто плохой.

— Значит, вам не нравится, когда вы можете различать, где добро, а где зло? — спросила женщина.

— А Чармвилль говорил, что не существует абсолютного добра или зла., - сказала девочка, сидящая сзади, — Это наш выбор: поступить так или иначе.

— Верно, — казалось, что женщина, скрытая вуалью, улыбается, — Зло — это точка зрения.

— А посему тогда все остальные ласказывают нам сясливые истолии? Кем они нас ситают? Детьми? — запротестовала шепелявая девочка.

Женщина в вуали снова вздохнула. И это был ни сколько вздох, сколько нехватка терпения. Ее взгляд стал холодным, словно женщина ненавидела детей.

— Мне нравились счастливые, нежные истории, когда я была в вашем возрасте, — произнесла она с сожалением.

— Думаю, сейчас вам уже не нравятся такие истории, — сказала девочка, сидящая сзади.

— Ты думаешь, что они мне не нравятся, — передразнила женщина, закатив глаза, — Я уже говорила, что Чармвилль хотел, чтобы я рассказала вам именно эту историю, в ней есть все эти страшные вещи, которые вы так любите, — она наклонилась ближе, в ее глазах отражались дети, которых захватывало пламя костра. — В этой истории есть дьявол.

Парочка детишек отодвинулись, словно женщина дохнула им огнем в лица. Шепелявая девочка мужественно раскинула ручки, чтобы защитить остальных.

— Так эта история по-настоящему страшная? — спросила девочка, сидящая сзади.

— Очень страшная, — голос женщины изменился, — Вы можете понять это уже по первому предложению. Слушайте: В одну темную, ветреную ночь....

Ветер шипел и раздувал пламя костра, а дети ощущали присутствие некой темной силы позади себя, в лесу. Медленно, они подались вперед. Страх увлекал и веселил их. Они желали послушать.

— Однажды в ветреную ночь в Аду, — начала свой рассказ женщина в вуали, — Дьяволу стало скучно.

Девочка, сидящая сзади, подавила смешок. Казалось, она чихнула. Женщина бросила на

нее пронзительный взгляд, и девочка замерла.

— Дьявол, коим был низенький уродливый тролль, тративший большую часть своего времени на обрезку ногтей, игру в дартс, и щелканье суставами, поправил три оставшиеся на голове волосины, — описала его женщина в вуали. — Он пробовал рыбачить в одном из множество озер Ада, но его уловом оказывались лишь пара мелких жареных рыбешек. Никакое занятие не могло избавить его от скуки до того момента, пока один из его учеников не принес ему в подарок зеркало. Он ни разу не видел ни зеркала, ни, тем более, своего отражения в нем. И Дьявол начал играть в шашки со своим отражением в зеркале. Игра была напряженной. Отражение оказалось очень умным, и повторяло за ним все его действия и ему даже удавалось применять некоторые хитрости, известные одному лишь Дьяволу. Неожиданно Дьявол, который полагал, что никогда ни при каких обстоятельствах не проиграет ... для этого у него было припасено несколько Дьявольских хитростей ..., потерял свое отражение, — женщина внимательно оглядела детей, убеждаясь, что они внимательно следят за ее рассказом. Дети слышали тревогу в ее голосе. У него было довольно силы, чтобы их ноги, буквально, приросли к земле. Ее голос был с оттенком страха. — Потрясенный тем, что отражение обыграло его в шашки, Дьявол спросил, откуда появилось зеркало, — продолжила женщина, — Ведь в то время еще не было зеркал, их еще не изобрели. Значит, кто-то из неизвестного царства прислал ему это зеркало. Ученики утверждали, что видели, как женщина выкинула его в горящем саду. Дьявол вытащил зеркало, и приказал ученикам посмотреть в него. В зеркале появились уродливые лица, похожие на те, что можно увидеть в комнате смеха; только в этом случае зеркало отражало злую сторону людей. Изумленный, он повернул зеркало в сторону сада, известного своей красотой. Вместо прекрасных лужаек он увидел бурлящую местность, казалось, будто гнилой шпинат сжигают в огне.

— Чье это зеркало? — спросил дьявол.

Одна из учениц утверждала, что зеркало шептало ей, когда она держала его. Она сказала, зеркало утверждает, что у него есть имя, Зеркало Андерсона.

— Дьявол начал разыскивать этого самого Андерсона, но не смог найти его, поскольку имя пользовалось большой популярностью.

В конце концов, Дьявол решил, что его совершенно не интересует изобретатель злого зеркала. Ему не терпелось использовать его в своих целях. Он подошел к краю Ада и посмотрел в телескоп на Небеса. На той стороне люди всегда выглядели через чур счастливыми и озорными, они пили молоко из лозы, свисающей с радужных деревьев, и размеренно проводили свою жизнь — в данном случае, загробную жизнь.

— И две идеи пришли в голову Дьяволу в виде двух уродливых рогов — кстати, именно так рога у него и появились. Все закончилось тем, что эти идеи окаменели. Одну из них он забыл, и так и не смог вспомнить. Я хочу поговорить с вами о второй.

Девочка, сидящая сзади, хихикнула, и сделала два рога из пальцев. Некоторые дети сделали так же. Женщина в вуали грозно посмотрела на них, тем самым заставив их снова замолчать.

— На покрасневшем лице Дьявола появилась большущая улыбка, — продолжала женщина, стараясь понравиться детям, — Он взял зеркало и пошел на край Ада, направляя его на лица людей, чтобы они могли увидеть свои уродства. Ему казалось, что так он сможет соблазнить некоторых из них, присоединится к нему. На самом деле, Дьявол и не думал быть злым. Ему казалось, что он всего лишь выявит плохие человеческие черты, как делает это

Зеркало Андерсена. Подглядывая, как Подглядывающий Том, в жемчужные ворота, дьявол потерял равновесие и уронил зеркало.

Дети, по-прежнему слушая историю, затаили дыхание.

— И оно упало на землю, — женщина, будто маг, протянула руки к небу.

Дети взялись за руки и взволнованно уставились в ночное небо.

— И Дьявольское зеркало расколосось на миллионы и миллионы кусочков, — повествовала она, — Каждый кусочек был мельче песчинки, но зла в нем достаточно для того, чтобы завладеть чьей-либо душой.

Детишки моргнули, все еще глядя в небо над их головами.

— Эти мелкие осколки попадали людям в глаза. Никто не поранился, потому что зло не ранит. Оно остается и созревает внутри до того момента, пока полностью не завладеет сознанием.

Детишки больше не могли этого выносить, опуская головы и потирая глазки, словно просыпаясь от плохого сна. Некоторые начали проверять у друзей глаза на наличие осколков.

— Не смотря на то, что троллеподобный дьявол потерял зеркало, он был в ужасе, — продолжила женщина в вуали. — Теперь ему не нужно было прилагать множество усилий, чтобы сеять в людях зло, поскольку зеркало, чей создатель был неизвестен, наполнило мир злобой. Теперь его заботило, что он больше не был Князем Тьмы, но он пытался не думать об этом. Существовала куда более великая тьма, чистая, проникающая, и сияющая, словно зеркало. Развелось множество людей с осколками в глазах, — произнесла женщина в вуали. — Поначалу, они этого не замечали, когда их глаза сияли золотым, зло в них появлялось на поверхности.

Женщина в вуали сверкнула глазами на мгновение. Она задержала дыхание, а затем спросила:

— Вы знаете женщину по имени Юстина?

— Да, — ответила шепелявая девочка. — Она Клестная Мать Юстина. Она пытается уловновесить силы добра и зла с помощью весов и колзины, наполненной яблоками, на другой чаше весов змеи. Чалмвилль ласссказывал нам истолию о ней.

— Ну, в тот самый день, когда осколки наводнили мир, чаши весов Юстины изменились. Змей на одной чаше весов стало гораздо больше и тяжелей, нежели яблок, их стало так много, что весы чуть не сломались.

Детишки тихонько вскрикнули.

— Кто сделал это зеркало? — спросила девочка из заднего ряда.

— Этот вопрос волнует всех на свете, — ухмыльнулась женщина в вуали, и откинулась назад, — Особенно персонажей из сказок.

— Осколки и до них добрались? — спросил мальчик.

— Ну, конечно же. Они изменили судьбы персонажей, а некоторых из добрых обратили в злых.

— Но Вы сказали, что зло — это всего лишь точка зрения, — настаивала девочка из заднего ряда.

— Ну, это трудно объяснить, — ответила женщина в вуали. — Однажды, когда вы вырастаете, вы поймете, что я имела в виду.

Дети бормотали, что взрослые всегда так отвечают. Всякий раз, когда взрослых ловили на противоречиях, они давали довольно расплывчатые ответы: сложно объяснить, вот

вырастешь и поймешь.

— Осколки возымели эффект и на Сказочный Мир, по этой причине Братья Гримм и изменили сказки на те самые счастливые истории, которые вы терпеть не можете, — добавила женщина в вуали.

— Но должно же быть какое-то sleцтво, — сказала шеелявая девочка, — или мозет, есть какой-то гелой, котолый смозет избавить мил от злобных осколков.

— Ничего такого нет, — сказала женщина в вуали так, будто ее забавляла ситуация, — Люди думают, что они могут справиться со злом в со всем мире, но это не так. Осколки всегда рядом. Но, — женщина подняла вверх палец, — Ходит слух, что создатель зеркала оставил какую-то подсказку.

— Подсказку? — удивились дети.

— Да.

— Что еще за подсказка? — спросил мальчик.

— Подсказка — это скрытое знание, которое служит решением большой проблемы, — объяснила она.

— Что это значит? Мы не понимаем, — запротестовало большинство детей.

— Замолкните. Подсказка есть подсказка, — у женщины закончилось терпение, — Подсказка это секрет к управлению осколками. Конечно же, и светлая и темная стороны хотели заполучить это скрытое знание. Светлая сторона хотела избавиться от тьмы. А, у так называемой темной стороны, планы были куда более масштабными. В случае, если они обнаружат подсказку, то они желают управлять всем миром. Вы можете себе представить, настолько могущественной стала бы темная сторона, заполучив ключ к осколкам, кои проникли в глаза людей?

— Думаю, Дьяволу это нужно было больше всего, — предположила девочка, сидящая сзади.

— Совершенно верно, — сказал женщина в вуали, — Но я бы не концентрировала внимание на одном только Дьяволе. Эти осколки были вне его контроля. Такая сила неподвластна никому.

— А какую же подсказку оставил Создатель? — задала вопрос шепелявая девочка.

Женщина в вуали рассмеялась.

— Этого я вам сказать не могу, поскольку, как и все прочие, я хочу зеркало. Могу лишь сказать, что оно спрятано где-то в Мире Сновидений, — прошептала она.

— Это значит, что Мальчик — Тень сможет раздобыть его, — сказал мальчик. — Он — Охотник за Сновидениями.

Женщина слегка поморщила лоб.

— Откуда вы знаете, что он — Охотник за Сновидениями? Вам Чармвилль рассказал?

— Мы еще знаем, что когда-то он был злым Охотником, который работал на Королеву Скорби, — сообщила другая девочка. — Она думает, что умная, но, в конце концов, она проиграет.

Разгневанная, она встала.

— Да откуда вы все это знаете? Чармвилль не мог вам этого рассказать! — вопрошала она.

— Конечно нет, в последний лаз, когда он плиходил к нам, он говолил, что хочет встлетица в этом самым мальчиком, — сказала шепелявая девочка.

— Тогда откуда вы узнали? — Дети слышали звук скрежечущих зубов за вуалью.

— Мы узнали некоторые из историй с помощью этого, — одна из девочек протянула руку, показывая кусочек фиолетовой карамельки.

— Что это? — женщина попыталась выхватить ее, но девчушка быстро убрала руку.

— Это волшебная конфетка, которую он нам дал, перед уходом, — объяснила девочка из заднего ряда. — Он сказал, что эта конфетка покажет нам счастливые сны каждую ночь, но мы обнаружили, что конфетка может показывать нам истории со всего мира. Одной из которых была история о Мальчике — Тень и как Кармила завладела его Руном.

— Вы знаете о Кармилле и Руне, тоже? — женщина в вуали звучала разъяренно.

— Стойте, — отпрянула шепелявая девочка, потянув за собой своих друзей. — Как так вышло, что Вы не знали о конфетке, рас Вас послал Цармвилль?

— Смотрите! — девочка из заднего ряда показала на женщину пальцем, — ее глаза!

Детишки завизжали в темноте, все еще соблюдая дистанцию.

— БО.ЖЕ. МОЙ, — произнес мальчик. — Ее глаза сияют золотом. У нее есть осколок зеркала!

— Она нас обманула, — поддержал другой мальчик. — Она не друг Чармвилля. Она здесь, чтобы найти подсказку к зеркалу. Она думает, что Чармвилль, должно быть, рассказал нам об этом.

— Будьте вы все прокляты, маленькие поганцы, — сквернословил женский голос. Теперь ее голос стал мрачнее. Ветер сдул вуаль с лица женщины, будто бы у него были руки, которыми он решил разоблачить ее.

— Безым! — закричала шепелявая девочка.

Дети Хэмлина побежали от женщины в вуали так, как пожелали бы их древние предки, чтобы их детишки убежали от Крысолова много веков назад. Не смотря на то, что они никогда прежде не встречались с женщиной в вуали, они внезапно поняли кто она такая. Ее лицо олицетворяло их самые худшие кошмары. Сердцем они почуяли, что этот злобный лик каким-то образом перешел к ним из кошмаров их родителей, и бабушек с дедушками, вот только они не знали, как такое было возможно. Они убегали от ужасного зла, которое притворялось другом Чармвилля Глиммера.

Одна, во мраке, Королева Скорби сняла вуаль, словно дьявол маску. Она отряхнула платье, словно стала грязной от того, что сидела рядом с детишками Хэмлина, и ругала их на чем свет стоит себе под нос. Прибыла ее тыквообразная карета и коротконогий горбун с серебряным зубом поспешил открыть ей дверь.

— Мое Великолепное Высочество, — горбун снял шляпу. На нем были белые перчатки и изогнутая трость, чтобы удерживать вес своего горба, который напоминал мешок, полный мертвых детей. Игор Великолепный был кучером Королевы.

— Самое лучшее в тебе, Игор, что твоя спина изогнута. Словно ты навсегда проклят выражать почтение, — насмешливо произнесла Королева Скорби. — Хотелось бы мне, чтобы еще кое-кто так мне угождал.

— Не беспокойтесь Великолепное Высочество, — ответил Игор. — Вскоре они все склонят перед Вами головы, — он открыл дверь, и Королева забралась в карету.

Внутри кареты, стояло ее любимое зеркало.

— Как все прошло, Моя Королева? — спросила Кровавая Мэри. — Вы нашли подсказку к Зеркалу Андерсона?

— Нет, Мэри, — Королева сняла перчатки, пальчик за пальчиком. — Но я узнала парочку других вещей, которые взволновали меня.

— Что такое, Ваше Величество?

— Несмотря на то, что он мертв, Чармвилль общается с детьми с помощью подобия конфетки, которая рассказывает им о том, чего прежде он им не говорил, — сказала Кармила.

— Я знаю, что это беспокоит тебя, моя Королева, — сказала Кровавая Мэри, — Но не ты ли отрубила ему голову и закопала его в Песках Времени? У нас есть занятия поважнее. Согласна?

— Уж надеюсь, Мэри, — сказал Кармила, — Но Чармвилль не говорил детям о том, кто он есть на самом деле. Интересно почему.

— Это интересно, — произнесла Кровавая Мэри. — Чармвилль полон уловок.

— Уверена, я узнаю, почему он не сказал своего Настоящего Имени очень скоро, — произнесла Кармила, — Вернемся к более важным вещам; мне нужна разгадка к Зеркалу Андерсона. Я хочу завладеть его силой.

— Почему бы нам не начать с Охотника? Теперь у тебя есть его Руно, — предложила Кровавая Мэри, удовлетворенно рассмеявшись, когда Королева повернула голову, чтобы взглянуть на нее. — Быть может, он приведет нас к нему.

— Уже начала. Я отправила его на задание, — гордо улыбнулась Кармила, наматывая Руно Локи вокруг пальцев. — И не могла бы ты отвернуться, Мэри? Ты отвратительна.

Дверь Шлосса распахнулась, за этим последовал зловеющий порыв ветра, который тут же устремился по коридорам. Белоснежка, спящая в своем гробу, открыла свои уставшие глаза. Ее сердце сжалось в груди, словно невидимая сила стиснула его бархатной веревкой и начала сжимать. К ней приближалось нечто ужасное. Первый узнаваемый голос принадлежал Фейбл, которая закричала за пределами замка.

— Не..., - закричала Фейбл. Зловеющий и завывающий ветер проглотил остальные слова Фейбл, словно монстр печенюшку, защищая то зло, которое приближалось к Белоснежке.

— Проснись, Шу, — рассмеялся ветер. Белоснежка удивилась, ей только что показалось, что ветер говорит с ней. — Время пришло..., - ветер снова рассмеялся.

— Остановись! — голос Акселя раскололся на множество осколков под порывами ветра.

Аксель и Фейбл. Я помню их. Они друзья Локи.

Белоснежка прождала Локи весь день. Он поехал в Сахарный Домик, чтобы встретиться с приемной матерью Крамблвудов. Он обещал вернуться в Шлосс до захода солнца. Была уже полночь.

Белоснежка слышала, как кто-то вошел в замок. Кто бы это ни был: он или она, существо дышало тяжело, источая странный запах зла...запах, который Белоснежка вынашивала в своей душе годами, пока ее не поцеловал Локи.

Нужно собрать все свое мужество в кулак и выбраться из гроба.

Белоснежка ощутила усталость, не в силах сделать хоть шаг. Ей нужно было покормиться, но она останавливала себя весь день, ожидая Локи. Не смотря на то, что поцелуй Локи освободил ее от проклятья замка, ей по-прежнему необходимо было пропитание. Быть Дампиром не искупало того, что она частично вампир. Она была внучкой Ночной Скорби и Избранной, нравилось ей это или нет. Святые и монахи больше не могли бороться со злом, которое таилось в мире, и со стороны девушки было бы плохо наплевать на все это зло. Она одна из них, часть зла, и у нее было достаточно сил, чтобы встретиться лицом к лицу с их тьмой. Белоснежке по-прежнему предстояло многое узнать о том, кем она была. Подавлять свою жажду без причинения вреда людям стало одним из ее приоритетов.

Как только злодей приблизился, она ощутила еще большую слабость. Если бы только кто-нибудь научил ее использовать свои силы Дампира. Она была заточена в Шлоссе сотню лет.

— Пророчества — отстой, — проворчала она, ухватившись за краешек гроба. Она собралась с силами и вылезла из него, волоча за собой ноги, словно на полу была непролазная грязь, она направилась к запотевшему окну.

Окно оказалось гораздо ближе к ней, чем дверь, и она надеялась, что сможет увидеть, что стало причиной криков Акселя и Фейбл. Прежде чем она успела вытереть рукой окно, ее отражение рассмеялось над ней. Она увидела себя в белом платье, красной лентой в волосах и обнаженными клыками. Это была защитная реакция на ту угрозу, которая поднималась по ступеням, подумала она. Как ей научиться контролировать себя? Она ощутила жажду крови, но ярости было недостаточно, чтобы напасть. Что если покормиться на том, кто приближался к ней? Даже если у нее хватало на это мужества, она бы не стала. Больше она

никого не убьет. Она, наконец-то, нашла Локи, и планировала жить с ним долго и счастливо.

Это все из-за поцелуя Локи, прошептала ей ее темная половина. Любовь ужасна. Она делает людей уязвимыми. Ты готова стать уязвимой тогда, когда весь мир рассчитывает на то, что ты спасешь их от Ночной Скорби и Кармиллы?

Белоснежка обнаружила, что подняла руки и прикоснулась к губам.

— Если не веришь мне, поверь своим губам, — ответил Локи, когда она спросила, что если их любовь была лишь сном.

Память услужливо пронзила ее тело электрическим разрядом, напоминая через что они оба прошли, чтобы заслужить этот поцелуй. Кто бы смог подумать, что Локи, Темный Охотник, который убил людей больше, чем она могла вспомнить, мог быть спасен?

Где ты, Локи? Что тебя так задержало?

— Локи! — завопила Фейбл.

Локи здесь? Где? Что происходит?

— Ты не ведаешь, что творишь, Локи, — закричали Аксель и Фейбл снаружи. — Ты не в себе!

Белоснежка вытерла запотевшее окно. Она не увидела Локи снаружи, зато увидела, как Аксель и Фейбл бегут к Шлоссу, все еще крича на приближающееся к ней зло.

Что происходит?

Зло, охраняемое смеющимся ветром, уже достигло коридора. Белоснежка ощутила его. Она слышала его уверенные шаги к ее комнате. Что или кто бы это ни был, Аксель и Фейбл кричали на него у ее дверей.

— Пожалуйста, нет, — снова закричала Фейбл, взбираясь по лестнице. — Не убивай ее!

Ко мне в комнату поднимается Локи? Чтобы убить меня? Опять?

Зловещий запах принадлежал Локи. Она прекрасно его знала. Она задумалась, как такое может быть: Локи не помнил, кто он такой. Белоснежка опасалась, что ему напомнили, в противном случае, он убил бы ее еще в Мире Сновидений.

Она обернулась. Перед ней стоял Локи, на нем была толстовка Акселя. Она по-прежнему отрицала идею того, что он пришел убить ее, она убрала клыки и мышцы на ее лице расслабились.

— Локи, — ей до сих пор нравился звук его имени на губах. Ее глаза радостно распахнулись. — Ты вернулся за мной, — она пробежала через комнату и бросилась ему на шею.

— Ты вернулся за монстром, — пробормотала она, потеревшись щекой о его грудь. Ее тоска по нему была очевидной. Любовь, как правило, ослепляет людей и, порой, бросает их в объятия врага.

Не смотря на то, что Локи не произнес ни слова или не проявил ни признака страсти, она прижалась к нему крепче, как к любимой подушке, которой она могла доверить все свои секреты.

Наконец, правда ударила ее, как нож. Она заметила, что он был отстранен, холоден и молчалив. Его сердце не билось, будто бы он умер. Она обнимала не Локи. От него осталась одна оболочка. Это была оболочка того, что осталось от него. Локи исчез; мальчик за этими глазами пропал. Это была тень Локи, Охотник на трехглазом единороге. Она отвернулась, а потом еще раз посмотрела ему в глаза, желая увидеть хоть отблеск того парня, которого она любила. Его взгляд пронзал лучами ужаса ее душу. Они были сужены и стали желтыми, как у змеи; глаза Королевы Скорби.

Она отступила на два шага, собирая все свои силы.

Ты знаешь, что нужно делать, Шу. Напомнил ей голос в голове. Если ты и вправду Избранная, первое, что тебе нужно сделать это... убить его.

— Нет, — закричала она. — Что с тобой случилось, Локи? — она не подозревала, что была близка к тому, чтобы упасть в хрустальный гроб за ее спиной.

Локи не произнес ни слова. Он просто продолжал смотреть на нее, его глаза стали черными, как ночь и бесконечными, словно пустота с проблесками золота. Белоснежке раньше уже приходилось бороться с демонами, но скучающий взгляд Локи пронзил ее и головная боль молотками начала стучать в нее в голове. Ноющий, забавный и предприимчивый Локи, которого она знала, исчез. Тот, что стоял перед ней, был Охотником, которого все боялись в Королевстве Скорби.

— Поговори со мной, Локи, — взмолилась она. Еще один шаг назад, ее желудок сжался, словно бабочки жалили ее изнутри. Она ощутила слабость. — Что с тобой случилось?

Он выглядел таким могущественным, таким дерзким и уверенным в себе. Его рубашка была расстегнута, обнажая шесть кубиков пресса, его тело изменилось с мальчишеского до мужского.

Боже мой, подумала Белоснежка, когда Локи снял капюшон толстовки. Она увидела, что его волосы снова стали белоснежными, как прежде у Охотника, еще до того, как Чармвилль вызволил его у теней. У него в руке был Аликорн.

Белоснежка упала в хрустальный гроб, не в силах оторвать взгляд от него. Это был тяжкий выбор. Перед нею смерть, позади могила.

Обратно к истокам, Шу. Ее внутренний голос смеялся над ней.

— Перестань, Локи, — она заставила себя улыбнуться. — Ты уже убивал меня прежде. Это не работало, — она попыталась звучать игриво.

Аксель и Фейбл приближались, они звали его.

— Это сделала Миркалла, — донесся голос Акселя из коридора. — Не знаю, как это произошло, но Миркалла — это Кармила Карнштейн, Королева Скорби.

— Она контролирует его через Руно, — добавила Фейбл, следуя за братом.

Медленно, Локи повернулся к ним. Он взмахнул рукой, и злобный ветер захлестнул их. Ветер истерично смеялся, пока выметал их обратно в коридор. Белоснежка услышала глухой стук о стену, затем все стихло.

Локи повстречался с Кармиллой? В реальном мире?

Руно Охотника за Сновидениями было его душой. Она была рядом с Локи, когда Кармила забрала его в Дримори.

Локи повернулся лицом к Белоснежке: в уголке его рта застыла дерзкая улыбка. Белоснежку прошиб пот, мчащееся галопом сердце билось о грудь.

— Локи, — попыталась Белоснежка в последний раз. — Ты не помнишь меня? Я та, кого ты любишь.

Слова не оказали на него никакого эффекта. Она опустился на колени и жестко схватил ее за волосы рукой, так же, как первобытные люди хватали своих жертв, прежде чем прирезать их во славу Богов. По ее венам потек гнев. Запах его крови был таким сильным и прекрасным, она могла запросто осушить его до смерти. Она выпустила клыки, слабо, без мужества и отваги, собираясь использовать их.

С мужеством тебе всегда не везло, Шу. Не обманывай саму себя. Просто укуси его.

Локи бросил на нее последний демонический взгляд, а затем безжалостно пронзил ее

колом. Это произошло быстро, Аликорн вошел в ее грудь, кровь брызнула им обоим на лица. Не последовало никаких извинений, как и в прошлом, он не проявил ни малейших признаков вины.

Снова чувствуя себя преданной; убитой тем, кого она любила, Белоснежка сдалась, когда мир померк. Прежде чем отключиться, она удивилась, затем Кармила заставила его заколоть ее. Все, что нужно было Кармилле — это найти Семерых Потерянных, чтобы завладеть ее сердцем, дабы остаться прекрасной, не убивая при этом молодых девушек, и избавиться от угрозы, в лице своей дочери. Почему тогда Кармила заставила Локи заколоть ее?

Здесь все намного серьезней, чем ты думаешь, Шу. Дело не в тебе. Дело в Сказочном Мире.

Когда мир погрузился во тьму, Белоснежка ощутила капли Детских Слез на своих глазах..., вот только они были немного другими. Локи, должно быть, использовал их, чтобы она не смогла управлять сном. Теперь, ей пришлось столкнуться лицом к лицу с еще одним Дримори. Она задумалась, каким он окажется на этот раз. Она ощутила, как Локи положил ей на глаза две обольских монеты, затем прошептал Инкубатор ей на ухо. Назвав дату 1803. Как он собирался получить доступ к тому, чего она даже не помнила? Инкубатор представлял еще более трудную задачу, странное слово, которое для нее ничего не значило:

Феникс.

Я не могу контролировать это. Слово "Феникс" не имеет надо мной власти в моем подсознании. Я понятия не имела, почему Кармила заставила его использовать именно его. Я могла лишь контролировать свой сон и отправить Локи в другое место. Место, где...

Белоснежка открыла глаза на голубое утреннее небо, забрызганное миллионом крошечных облачков, которые словно снежинки парили на голубой вуали мира. Солнце появилось, медленно умывая небо от воображаемых снежинок. Лучи первых наметок радуги появились над горизонтом, и птицы поприветствовали утро песнями, в тот самый миг, когда солнце поцеловало ее лицо. Ее прикрытые веки подергивались под солнечным теплом..., а ведь она ожидала оказаться прямо в адском кошмаре. Медленно, она открыла глаза, словно цветок, доверившийся свету, и ее зрачки наполнились спокойным сиянием. Ей дышалось легче, и она ощутила, как дневное тепло нежно согревает ее тело, и заполняет ее всю. Белоснежка чувствовала себя так, словно она лежала кровати с мягкой подушкой и слегка бугристым матрасом.

Как такое возможно: лежать в кровати и видеть небо и солнце? Как она могла ощущать запах цветов бесконечного поля вокруг нее, и откуда над ее головой появились порхающие бабочки, тогда как она лежала?

Бабочка с оранжевыми крыльшками легонько коснулась ее носа. Белоснежка привстала на руки и вздохнула, представляя, будто бы бабочки были изумительными словами невероятной поэмы.

Какой прекрасный сон. Мой сон. Или я умерла и попала на Небеса?

Наконец, она обнаружила, что на самом деле спит в кровати, сделанной из ив посреди луга, вдалеке от Шлосса. Фиолетовые цветы мака были разбросаны по полю, будто парча, слегка подрагивая по всему зеленому лугу, ведущему к реке, перед холмом. Ручей пышными волнами пересекал поле, питая реку на расстоянии, по обеим сторонам от него танцевали одуванчики. Солнце косо светило сквозь зазоры между толстыми стволами деревьев леса слева от нее и теми, что простирались над полем, встречая солнечные лучи наверху. Она будто бы сидела в пузыре света.

Белоснежка сделала глубокий вдох, вдыхая весь этот прекрасный пейзаж в свою душу. Мир вокруг нее был так восхитителен, она захотела, чтобы это оказалось не просто сном, поскольку она бы осталась здесь навсегда. Как правило, навсегда не ассоциировалось со снами.

— Шу! — кто-то помахал ей рукой издали.

Она пригляделась и увидела мальчика с темными до плеч волосами и лицом, которое каким-то образом сияло издали. Его глаза сияли, словно зеленые изумруды, упавшие с небес ей на ладони. Он двигался стремительно, словно пантера: уверенный и элегантный. Улыбка на его лице была частично радушной, словно долгожданное объятие, а частично дикой, словно у ребенка, который пользоваться миром, как своей собственной площадкой для игр. Ему было четырнадцать или пятнадцать лет, на нем были одеты доспехи, а сбоку висел меч.

Белоснежка оглядела себя и увидела, что на ней надето белоснежное платье 19 века. Она находилась в Королевстве Скорби, в месте, которого не помнила. Быть может, это была

некая иная версия королевства, которую создал ее сон?

— Смотри, что я достал для тебя, — Локи опустил перед ней на колени. — Моя принцесса, — добавил он, бросив кокетливый взгляд.

Белоснежка не могла оторвать от него глаз, ей даже было все равно, что он там ей принес. Если он принес ей самого себя, тогда ей больше ничего не нужно.

— Если ты и дальше будешь на меня так смотреть, тебе придется заговорить со мной, — игриво произнес он, беря ее за руки и уводя ее в поле. Они уселись наполовину скрытые маками. — Или потанцевать со мной на следующем балу в замке, быть может, — рассмеялся он и откусил кусочек желтого яблока. Солнечные лучи будто бы следовали за его смехом, освещая его лицо и обделяя остальной мир своим светом.

В своих руках она тоже нашла яблоко. Должно быть, он дал ей его, пока она была очарована его чарами. Кармила, ее мать, предупреждала ее на счет красивых мальчиков..., после укуса принца, разве она могла винить ее?

— Если ты его не съешь, — Локи указал на яблоко в ее руке. — То я съем.

Типичный мальчишка, подумала она. Кармила говорила ей, что мальчишки эгоистичны и постоянно воруют у женщин еду. Теперь, думая об этом, после того, как она узнала, как долго Ангел питался кровью ее матери, это казалось убедительным.

Локи протянулся за ее яблоком.

— Руки прочь, — оттолкнула его Белоснежка и легонько ударила его по руке. — Это мое яблоко.

— Ну и принцесса. Никаких манер, — усмехнулся он, глядя ей в глаза, — злюка.

Белоснежка покраснела и отвела взгляд. Этим глазам было трудно сопротивляться. Ну и кто из нас злюка на этот раз? С этим сном было что-то не так.

Глядя на яблоко, она ощутила легкое смущение, будто бы пытаюсь вспомнить то, что было вне пределов досягаемости. Ее инстинкт говорил ей не кусать его. Она оглянулась на Локи, он напряженно всматривался в нее. Он разглядывал ее лоб, брови, затем его взгляд опустился на ее губы. На мгновение ее губы дрогнули, а его дыхание сбилось. Его молчание убивало ее, то, как он медленно снова и снова возвращался взглядом к ее губам. В ее глазах появилось отражение его глаз, рассматривающих его губы. Чем дольше она смотрела, тем больше мир вокруг них исчезал и меркнул. Она едва различала его лицо и слышала оглушительную тишину, нарушаемую лишь их дыханием.

Белоснежка перевела взгляд, и откусили кусочек от яблока, нарушая тишину. Опасно яблоко или же нет, какая теперь разница?

Это ведь сон, так? Тогда почему он так хорошо, когда Кармила не контролирует его?

— Яд, — произнес Локи.

— Что? — произнесла она глухим голосом. Кусочек яблока чуть не застрял у нее в горле. Она с трудом его проглотила.

— Твои глаза, словно яд, моя принцесса, — ответил Локи, — прекрасный яд, который сможет убить меня, если ты будешь смотреть на меня слишком долго.

— Оу... — расслабилась она. — Веди себя хорошо, Локи, — она игриво прикоснулась рукой к его груди в доспехах.

— Я и веду себя хорошо, — ответил он, наклоняясь в своих тяжелых доспехах, выглядя просто восхитительно. — Верь мне.

На этот раз, Белоснежка боролась с заливающим ее лицо румянцем. Казалось, ему это нравится, во всяком случае, он наклонился, чтобы соблазнить ее.

— Я могу отправить тебя в тюрьму, — предупредила она его, погрозив пальчиком. — Я ведь принцесса.

Локи мечтательно рассмеялся, солнечным, заразительным смехом.

— А я и отправлюсь в тюрьму, — он послушно склонил голову. — Если того пожелает моя принцесса.

Белоснежка отстранилась, хихикая, прикрыв ладошкой рот.

— Я весь твой принцесса, — Локи провел бутоном цветка по ее носу.

— Прекрати называть меня принцессой, охотник, — сказала она.

— Не могу, — он воткнул белый цветок в завитки ее волос. — Ты всегда будешь моей принцессой.

— Всегда? — спросила она.

— Всегда, — кивнул Локи и, притянув ее ближе, поцеловал.

Белоснежка не могла дышать. Движение Локи было резким и наполненным силой. Она не смогла сопротивляться его губам, даже во сне. Она поцеловала его в ответ, прикрыв глаза. Он взял ее за руку и вложил в него что-то. Серебряная цепочка с круглым кулоном. Белоснежка ощутила, как он крепче прижал ее пальцы к нему, словно ее ладонь была морской ракушкой, защищавшей то, что внутри; и затем он стиснул ее руку. Она почти гипнотически подчинилась ему. Чтобы за кулон это ни был, она была уверена, что оно стоило вторжения его губ.

Неожиданно, его губы на вкус стали иными: горькими, солеными и даже... запахла кровью. Белоснежка отстранилась и увидела, как лицо Локи погрузнело, его глаза пристально смотрели в ее. Он еще раз стиснул кулон, и кивнул ей на него, словно не желая, чтобы кто-нибудь узнал о том, что он дал ей его.

Что происходит? Шлосс наблюдает за этим сном? Он снова боится сказать мне что-то?

Сон ощущался странным с самого начала, и теперь молчание Локи беспокоило ее даже больше. Его зеленые глаза наполнились ужасом. Нет, не ужасом, это было скорее сожаление. Он боялся, но чего?

— Очень скоро, один из нас сделает нечто ужасное, — произнес он.

— О чем ты говоришь?

— Когда придет время, сделай это, — прошептал он ей на ухо. — Сделай выбор мудро и помни, что бы ни произошло, каким бы злом я не был, я люблю тебя, — он приложил ладонь к ее губам, в то время как солнце начало стремительно уходить с голубого небосклона, повергая мир в сумерки, словно кто-то опустил занавеси и свет исчез из комнаты. Маковое поле вокруг нее побледнело и увяло само по себе, медленно, цветы упали к их ногам, словно были пьяны. — Это пока не сон, — прошептал Локи. — Это Мир Между Снами. Это настоящий я, Шу, прежде чем все не пошло наперекосяк. Быть может, это последний раз, когда ты видишь меня вот так, пока Охотник во мне не обрел власть надо мною.

Внезапно, цветы вокруг Локи заскользили, словно змеи, по его телу и потащили его вниз.

— Локи! — закричала Белоснежка.

— Прочти это, — успел сказать он, прежде чем растения закрыли ему рот, чтобы он не смог больше ничего сказать.

Сон вокруг нее обернулся кошмаром, она раскрыла ладонь и осмотрела кулон. Что он пытался сказать ей?

Кулон был сделано из дерева, в форме круга, соединенного по горизонтали. Его конструкция будто бы напоминала круг, только издали. Присмотревшись получше, она увидела какие-то гравюры. Они были похожи на буквы, но их невозможно было прочесть. Что с него толку, если она не могла его расшифровать?

Она снова посмотрела на Локи, которого змееподобные растения продолжали тянуть вниз, до тех пор, пока земля не поглотила его полностью. Растения начали обвивать и ее ноги.

Это Мир Между Снами. Так он сказал. Это объясняло, почему место казалось таким милым. Это был мысленный мост в подсознании Локи, прежде чем их утащит в Мир Сновидений. Он использовал его, чтобы сказать ей нечто такое об ожерелье, которое она никак не могла прочесть.

Белоснежка посмотрела на небо над головой, ощущая головокружение. Пришло время войти в настоящий сон или скорее кошмар. Она бросила последний взгляд на необычные гравюры на кулоне. Они выглядели примерно так:

9 11 = 14

Наконец, Белоснежка очнулась в своем собственном сне. Она стояла перед зеркалом в своей комнате, одна, кровь капала с ее губ. Дримори, под влиянием слова "Феникс", перенес ее в события двухсотлетней давности. Отражение в зеркале показывало семилетнюю Белоснежку. У нее не было времени размышлять о том, кого она убила, или о том, чья это кровь капала с ее губ. Все, что сейчас имело значение, это то, что Локи еще не появился, и ее окутало жуткое чувство, будто она не может контролировать этот сон.

Она попыталась сосредоточиться, прикоснулась кончиками пальцев ко лбу, стараясь перенести сон в другое место или время, но ей не удалось. Конечно, затем бы Кармила не отправила Локи в этот сон, она бы не рискнула доверить Белоснежке контроль над ним. Локи, должно быть, использовал другие Детские Слезы или другое заклинание, которое не позволяло сновидящему контролировать сон.

Сейчас же, в этом сне Белоснежка, как и все остальные, была всего лишь зрителем, последствия подобного неконтролируемого сна могли оказаться крайне плачевными.

— Шу! — Кармила ворвалась в комнату к дочери. Табула Раза, ее служанка, следовала за ней. — Как ты могла? — воскликнула Кармила.

Белоснежка напряглась и в ответ посмотрела на нее. Золотой оттенок в глазах Кармиллы напомнил Белоснежке о том, что Ангел уже обратил ее в вампиршу.

— И кто принес это отвратительное зеркало в твою комнату? — Кармила остановилась, отворачиваясь.

Табула Раза поспешила отодвинуть зеркало к стене. Белоснежка предположила, что Кармила еще не успела повстречаться с Кровавой Мэри в этом воспоминании.

— Разве мы не разговаривали о том, чтоб ты не кусала людей? — Кармила яростно потрянула свою дочь, — Ты вообще представляешь насколько важно нашему королевству объединиться с их королевством?

— А что такого я сделала? — неохотно спросила Белоснежка. Она чувствовала себя актрисой, не знающей сценария.

Кармила закатила глаза и вздохнула.

— Она говорит о том, что ты укусила принца, Принцесса Шу, — ответила Табула, опуская голову в знак уважения.

— Оу, мы снова возвращаемся к тому моменту, когда я укусила принца?

— И не говори мне, что он был вкусным, — Кармила предупреждающе вскинула указательный палец.

— Но, мамочка, он и вправду был вкусеньким, — Белоснежка пыталась играть свою роль и при это не рассмеяться над случайной рифмой. (прим. пер. — yumtu, yumtu)

— Мамочка? — Кармила хлопала длинными блестящими ресницами, — Где ты услышала это слово. Не вздумай даже заикаться тут про всяких мамочек.

— Ой, — Белоснежка прикрыла рукой окровавленные губы.

— Мне на все плевать, я хочу вкусенького принца, — Белоснежка попыталась отвлечь их, играя роль избалованной маленькой принцессы.

Кармила поднялась, нетерпеливая и явно не одобряющая поведения дочери, будто бы она сама не была вампиром-полукровкой.

— Приведи ее в порядок, — приказала она Табуле. — Я разберусь с ней позже.

— Но я боюсь, что она и меня убьет, ваше величество, — произнесла Табула, — Не хочу закончить эту жизнь, как принц.

Табула была в курсе наших семейных секретов?

Кармила на мгновение бросила взгляд на дверь, будто бы задумавшись, что на самом деле произошло с принцем. Мог ли он обратиться в вампира? Был проклят или мертв?

— Понимаю, — ответила Кармила. — Пришли одну из Рабынь отмычь ее.

Шу не знала кто такая Рабыня.

— Благодарю, Ваше Величество, — сказала Табула. — Я пошлю одну из девушек вымыть принцессу.

— А ты, дорогая, поумерь свой пыл, — сказала Кармила Белоснежке, — Одного принца на ужин думаю тебе достаточно, — ухмыльнулась Кармила и посмотрела в сторону. Казалось, будто бы она высмеивает Шу. Дочь, как и мама, была кровопийцей. Табула последовала за Кармиллой.

Белоснежка снова попыталась использовать свои силы, чтобы изменить сцену сна, но все без толку. Она задумалась, что же за сон это был. Она словно застряла в кинотеатре, и ей не разрешали покинуть свое место, пока не пойдут титры. Ее озадачило, что слово "Феникс" вернуло ее обратно в прошлую жизнь. Для чего именно был предназначен Феникс?

Она решила оглядеться в поисках подсказки, но остановилась, когда красивые платья из шкафа привлекли ее внимание. Пока она рассматривала содержимое шкафа, она удивилась, почему не помнит событий этого сна. Было ли это частью ее прошлой жизни или же своего рода галлюцинацией?

— Принцесса? — раздался за дверью хорошенький голосок.

Молодая девушка, старше Шу на год или два, вошла в комнату. Ее волосы были светлыми, с рыжим оттенком. Шу прищурилась. Рыжей была скорее аура, которая окружала ее. Она была практически призрачной, паря над головой девушки. Девушка была крошечной. Ее одежда была рваной, кажется, когда-то она была голубой, а теперь вся измазана золой. Она неохотно улыбнулась, улыбка вышла бы прекрасной, если бы не напряжение и страх, отразившиеся на ее лице.

Она маленькими и осторожными шажками приблизилась к Шу, словно была Гейшей; голова опущена, в руках полотенце. Очевидно, она боялась принцессы.

— Я помогу вам принять ванну, принцесса, — она опустилась на пол на колени.

Белоснежка потрепала ее по плечу и подняла ее на ноги. Даже тогда, она приподняла подбородок девушки, чтобы заглянуть ей в глаза. В них скрывалась неизбежная печаль.

— Зови меня Шу, — сказала она.

— Могу ли я попросить вас пройти в ванную комнату для того, чтобы я смогла раздеть вас и искупать, Принцесса Шу? — задала вопрос девочка.

Шу, почти загипнотизированная, подчинилась. Девочка намочила полотенце и начала вытирать остатки крови с губ принцессы. Что-то подсказывало Белоснежке, что она была знакома с этой девушкой прежде. Это было похоже на Де-жавю или подавленные воспоминания. Она могла поклясться, что настоящие воспоминания каким-то образом блокировались от нее.

— Как тебя зовут? — спросила Шу.

— Серена, — гордо ответила девушка, словно это была единственная ее ценность. Ее голубые глаза сияли, пока она объясняла, как правильно произносить ее имя. — Чи-ре-ни.

Если хотите, можно добавить на "х". Так мое имя похоже на вдох, — она моргнула.

— Приятно познакомиться, Серена, — ответила Шу. — Я..

— Принцесса Скорби, — сказала Серена со слабой улыбкой. Она по-прежнему выглядела взволнованной. — Я слышала, что Королева называет Вас Шу, как Вы и просили меня звать Вас, но я всегда думала, что Вы — Радость.

— Радость? — переспросила Белоснежка.

— Это прозвище, которое, как я слышала, использует Ваш отец, чтобы описать вас дворянам. Я слышала, как он говорил, будто Вы — Радость Скорби. Мне нравится.

— Оу, — Шу и в самом деле понравилось прозвище, не смотря на то, что она не слышала, чтоб ее отец называл ее так. Радости Скорби по иронии судьбы было предрешиено однажды убить всех в Скорби однажды. — Не думаю, что я все еще радость Скорби, как по-твоему? — Белоснежка указана на окровавленное полотенце.

— Ну, вы скорее чудовищная, — Серена остановилась, прикрыв ладошкой рот, выглядя сконфужено, полотенце скользнуло на пол. Что она только что сказала? — Я... я не имела в виду...

— Не бойся меня, Сирена, — произнесла Шу. — Ты не сказала ничего дурного. Я чудовищна, — она бросила взгляд на свое окровавленное отражение в зеркале ванной комнаты.

Серена прижалась спиной к стене.

— Прошу Вас, не делайте мне больно.

— Я же сказала, что не обижу, — заверила Шу.

— Вы только что сами сказали, что Вы чудовищная, и я слышала, что Вы укусили принца, — Серена прижалась щекой к холодным стенам королевской ванной, которая была намного больше, чем маленький домик, в котором она жила.

— Я прекрасный монстр, — улыбнулась Шу. Она не была уверена, что ведет себя как семилетняя, но она старалась изо всех сил.

Так это мой Дримори, который заново переживает моя более взрослая версия. Интересно, если я изменю что-либо в прошлом, измениться ли что-либо в будущем?

Серена улыбнулась и расслабилась, когда Шу протянула ей руку. Все дело было в Серене. Она была слишком невинной, чтобы жить среди зла, которое таилось в Королевстве Скорби. Шу наблюдала, как Серена подняла полотенце и снова начала умывать ее.

— Почему тебя называют Рабыней? — спросила Шу.

— Потому что я и есть Рабыня, — ответила Серена, без тени стеснения. — Я сирота. Я работаю на семью мачехи и двух сводных сестер, чтобы они только позволили мне остаться. Еще я работаю служанкой в Шлоссе, когда мне позволено, и я прибираюсь в Школе Скорби за хлеб.

— Почему же ты просто не сказала, что ты бедная девушка, а не рабыня, — поинтересовалась Шу.

— Девушек вроде меня не ценят. Нас посылают на работу, которая может убить нас, поскольку у нас нет семьи и некому о нас позаботиться. Нас даже не хоронят должным образом на кладбище, — небрежно ответила Серена. — Некоторых из нас использовали в качестве приманки для вампиров на границе. Нас посылали соблазнить вампиров, чтобы армия твоего отца смогла убить их. Им на нас плевать.

— Мой отец сделал это?

— Мне нравится Король Скорби, даже больше чем Королева, но я слышала, что он

становится бессердечным, когда дело касается войны, — ответила Серена, чувствуя, что ей позволено говорить обо все, что она думает перед понимающей принцессой. Шу знала, что никогда прежде ей не была дарована подобная привилегия.

— Так они послали тебя сюда, потому что если я укушу или убью тебя...

Серена оставила свое занятие и кивнула. Обе девушки на мгновение задержали друг на друге взгляд.

— И ты не была против? — спросила Шу

— Против? — слабо рассмеялась Серена. — У меня нет права возражать, принцесса или желать.

— Кто такое сказал, — возмутилась Шу. — Скажи мне, чего ты хочешь и я дам тебе это.

— Знаете, я представляла Вас совершенно иначе, Принцесса? — произнесла Серена. — Я и не думала, что Вы такая.

— Я тоже, — рассмеялась Белоснежка. Она задумалась, какой же она была на самом деле в прошлом.

В конце концов, не смотря на то, что все это было сном, она была шестнадцатилетней девушкой из двадцать первого века, запертой в теле семилетней девочки девятнадцатого века, но внутри работал ее современный мозг. Не смотря на то, что Серена выглядела на восемь-девять лет, она разговаривала так, словно была гораздо старше.

— Так что ты думаешь по поводу того, что я укусила принца?

— Оу, ладно, — Серена колебалась.

— Говори, что думаешь.

— Ну, я согласна с тем, что он аппетитный, — хихикнула Серена, прикрывая перепачканный золой рот ладошкой.

— Так и знала, — Шу дала Серене пять. — Значит, я была права, что позаимствовала у него немного аппетитности.

— Полагаю, своеобразным странным способом, — рассмеялась Серена. — Он мертв?

— Надеюсь, нет, — ответила Белоснежка. — Мне бы хотелось укусить его еще разок.

Серена рассмеялась так сильно, что упала на пол. Белоснежка была счастлива от того, что вызвала у нее улыбку. Словно увидеть солнечный свет в пропасти.

— Иди сюда, — позвала Белоснежка, хватая полотенце, и вытирая золу с лица Серены.

Внезапно, черты лица Серены напряглись и она отодвинулась.

— Нет, — ответила она. — Мне нельзя стирать золу. Нельзя, — она стиснула руку в кулачок.

— Почему? — удивилась Белоснежка.

— Просто нельзя, — Серена забрала полотенце из ее рук и встала, собираясь уходить. — Нужно ли что-нибудь еще, принцесса? — сухо спросила она, будто бы они не смеялись секунду назад.

— Я не имела в виду...

— Спасибо, принцесса, — перебила ее Серена, и направилась к выходу из ванной. Белоснежка прислонилась к двери, наблюдая, как та уходит. Что ее так сильно обидело? Белоснежка хотела всего лишь вытереть золу.

Глядя на то, как она уходит, Белоснежка заметила, что на Серене были надеты странные туфли, слегка спрятанные платьем. Они выглядели обгоревшими и измазанными в золе. Туфли не были похожи на кожаные или нечто такое, что Белоснежке приходилось видеть прежде.

— Что за странные туфельки, — произнесла Белоснежка, надеясь, что девушка передумает и не уйдет.

Серена остановилась и медленно обернулась. Теперь она выглядела еще взволнованней.

— Это всего лишь туфельки беднячки, — пожала она плечами, — в них нет ничего особенного.

— Я и не говорила, что они особенные, — Белоснежка приблизилась к ней. — Я бы могла подарить тебе туфельки получше.

— Нет. — Серена снова вернулась к своей скромности. Что за секреты скрывала эта девушка?

Белоснежка не оттолкнула ее. Она уже знала, что это была необычные туфельки, но какой прок настаивать?

Серена остановилась перед дверью:

— Спасибо, — произнесла она, не оглядываясь.

— За что? — удивилась Белоснежка.

— За то, что говорили со мной, как с человеком, — ответила она и ушла.

Девятнадцатый век или нет, Шу не была поклонницей драмы, но ее любопытство на счет Серены почти заставило позабыть ее, что все было лишь сном. Озадаченная, Белоснежка придвинула стул к зеркалу. Глядя на свое отражение, она была ошеломлена тем, что внезапно начало происходить. Она выросла, и пока она потрясенно наблюдала за этим, ее тело превратилось в четырнадцатилетнюю версию самой себя.

Так вот значит, как работает этот сон, будет сдвигать время, когда ему вздумается?

Озадаченно, Белоснежка положила руки на стол, на котором начали вырисовываться черные и белые полосы. Те, что были покороче — черные, длиннее — белые. Вероятно, стол начал превращаться в огромное пианино. Оглядываясь на зеркало, она увидела, что вся комната за ее спиной изменилась. Ее перенесли в другое место и время во сне, огромный гулкий зал в замке, и ей всего на год или на два меньше, чем в Реальном Мире. Наконец, зеркало взорвалось, и осколки превратились в воронов, которые вылетели в оконный проем. Она слышала раздраженные звуки, по ее мнению это был учитель музыки.

— Неверная нота, — закричал мужчина, рвя на себе волосы. Прическа его была похожа на прическу Эйнштейна, смокинг был на пару размеров больше его самого. — Это же В#, а не В, — ткнул он яростно ключом.

Шу закатила глаза, сидя за фортепиано. Кем был этот вредный мужик? Она сыграла несколько нот, пытаясь подчиниться.

— Это даже еще хуже, — вены на его шее вздулись. Он выглядел так, словно его лицо кусали невидимые пчелы. Он был необычайно волосат. — Это А.

— А хорошо (прим. пер. А — отметка пять), — попыталась пошутить Шу. — А с плюсом еще лучше.

— Что? — он зыркнул на нее, глядя на нее так, словно собирался придушить струной от фортепиано, а пальцы отрезать и использовать в качестве клавиш. — Какая еще А с плюсом?

Не обращая внимания на разгневанного мужчину позади себя, она прочла название мелодии, которую ей предстояло сыграть. Она называлась:

Волшебная Флейта в соль мажор.

Вольфганг Амадей Моцарт

— Никогда не понимала, почему часть произведения под названием Волшебная Флейта исполняется на пианино, — выдала она, прекрасно зная, что это сведет с ума ее учителя. — Ее нужно играть на флейте, Мистер..., - она не знала как называть его, поэтому бросила взгляд на расшифровку стенограммы и увидела его имя, нацарапанное на доньшке. — Мистер Одли Тьюн? — нахмурилась она. — Уверены, что не Дадли?

Одли почти подпрыгнул, ударив ногу о ножку пианино.

— Она издевается над тобой, потому что ты не серьезен с ней, — раздался голос Королевы Скорби со второго этажа. — Я хочу, чтобы она запомнила эту песню к полудню и исполнила ее на балу, который мы устраиваем сегодня.

— Но это невозможно, моя Королева, — ответил Одли. — Она ужасна.

— Не называй мою дочь ужасной, — спокойно сказала Королева. Одли покрылся каплями пота, размером с лимон. — Или я подвешу тебя за нос.

— Это нечестно, — проворчал он. — Я уважаемый музыкант. Я пожимал руку самому Моцарту.

Королева покачала головой и ушла из холла, зовя слуг в другой части замка.

— Не волнуйтесь, Дадли, — ответила Шу. — Думаю, я поняла. Это же Иск-Минор, да?

— Не существует никакой Иск-Минор! — у Одли покраснело лицо. Оно

деформировалось, словно скулы ломались изнутри. Его спина странно изогнулась, и ноги выросли, разрывая на части его ботинки. Волосы стремительно росли на ногах и лице. Мистер Одли превращался в оборотня.

Что делать теперь? Это воспоминание или сон просто зашел в тупик?

Одли, оборотень, схватил Белоснежку за руку и стукнул ее пальцами по клавишам.

— Вот это А, ты, тупое отродье, — его глаза пожелтели и показались клыки. На его голове появились странные белые волосы, которые отросли ему по плечи. — А это Б! — он снова ударил ее по пальцам.

— Больно же, Мистер Дадли, — пожаловалась Шу.

— Я - Одли, ты, вредная принцесса, — ответил он злобным голосом, словно его горло превратилось в водосточную трубу, через которую он выплевывал свои внутренности. — Я сломаю твои пальчики один за одним. Всю свою оставшуюся жизнь ты не сможешь играть ни на одном инструменте.

— Мамочка! — взмолилась Белоснежка, Мистер Одли закрыл ей рот своей огромной волосатой ручищей. — Если закричишь, я снова сделаю тебе больно. Будь послушной девочкой, и пойдем со мной.

Она выдернула руку.

— Пойти с вами, куда?

— Ночная Скорбь хочет поговорить с тобой, — усмехнулся оборотень.

Так вот о чем это воспоминание. Меня похитили и отвезли к моему деду?

— Знаете что? — заявила Шу. — Все эти ваши волосы, просто отвратительны, — она выпустила клыки и укусила его за шею. Она не знала, было ли все это частью воспоминания или ее собственные действия, но ей до смерти надоел этот вредный учитель музыки. — Хрен тебе, а не Моцарт! — нетерпеливо выдохнула Белоснежка и пнула его промеж волосатых ножищ.

Было ужасно презабавно, когда Одли упал на пол, извиваясь, словно на электрическом стуле, немного жужжа, превращаясь назад в учителя музыки, который немного походил на Эйнштейна. Только на этот раз, он был мертв. Если кто-нибудь зашел бы в комнату, он просто решил, что она убила невинного человека.

— Если подобным образом проходили мои подростковые годы, тогда это было весело. Мне это по душе, — пробормотала она, утирая кровь с губ. — Спорю, я бы стала супергероем в школе. Почему мне не разрешали ходить в школу?

— Потому что Вы бы перекусили всех аппетитных мальчиков, — ответила Серена с другого конца холла, на ней до сих пор было изорванное платье, сажа покрывала лицо.

Она несла таз с водой и швабру. Она превратилась в красивую пятнадцатилетнюю девушку, и все еще носила эти загадочные башмачки.

— Серена, — Белоснежка поняла, что улыбается.

— Позвольте мне навести порядок, принцесса, — произнесла Серена, глядя на всю эту кровь на клавишах.

— Это не моя вина. Он оказался оборотнем, клянусь.

— Я все видела, прячась в камине, — ответила Серена. — Давайте оттащим его в Сад Могил.

— Что еще за Сад Могил?

— Вы не знаете что такое королевское кладбище?

— Оу, да я просто пошутила, — ответила Шу. — Думаешь, нам необходимо это сделать?

— Много кто похоронен в Саду Могил. Я полагаю, они — жертвы Вашей матери, — подмигнула она ей, подразумевая, что та знает о банных побоищах Кармиллы. — Там найдется местечко для еще одного волосатика. Нужно поторопиться, а то Ваша мама нас заметит.

Белоснежка убедилась, что никто не идет и начала тащить Мистера Одли к выходу.

— Давай закопаем Мистера Дадли, — сказала она.

— Это Одли, — рассмеялась Серена.

— Правда? — Серена ухватила за метлу и опустила взгляд.

— Да. Не секрет, что у меня нет друзей, — произнесла Шу. — Меня навещают лишь репетиторы.

— И, в конце концов, Вы их убиваете, — захихикала Серена.

Казалось, будто она всеми правдами и неправдами старалась избежать той жизни, в которой она получила длинный шрам до шеи и пепел на лице.

— Разве это не весело, убивать вредных учителей и избавляться от их тел? — пошутила Шу. — Мне ведь нельзя ходить в школу или встречаться с людьми.

— Особенно с аппетитными мальчиками, — захихикала Серена.

— Да, точно, — ответила Белоснежка. — Вижу, тебе нравятся аппетитные мальчики.

Серена держала подол платья, ковыряясь ногами в земле.

— Мне — то ты можешь рассказать, — сказала Белоснежка. — Мы ведь условились, что ты можешь говорить, что у тебя на уме, когда ты со мной.

— Людям не нравится, когда я говорю о том, что у меня на уме, — слабо ответила она. — Обычно, они смеются надо мной.

— Я не буду смеяться.

— Мне, правда, нравится принц, — она подняла глаза, желая увидеть реакцию Белоснежки. — Мне нравится, как он одевается и улыбается. Он такой красавчик. А еще я обожаю, как все преклоняются перед ним и желают ему угодить. Поэтому Вы его укусили, да? Он тоже Вам нравится?

— Можно и так сказать, — Шу не была уверена, что значил для нее принц. Она вспомнила, как множество раз пила его кровь после того случая на дне рождения, но ничего больше..., и он до сих пор не появлялся во сне. Шу задумалась, что если из-за столетнего заточения в Шлоссе, она забыла изрядную часть своего прошлого.

— Хотите секрет? — Серена склонилась над могилой Одли Тьюнса. — Есть еще кое-кто помимо принца, кто нравится мне даже больше.

— Оу, — глаза Белоснежки распахнулись. Она не лгала. — Он тоже богатый и знаменитый?

— Не совсем, — ответила Серена. — Но он сильный и все его бояться.

— Он поэтому тебе нравится, потому что все его бояться?

— Да, — дважды кивнула Серена, и закусила нижнюю губу. — Но я не скажу Вам кто он такой.

— Почему?

— Просто не буду. А Вам нравится какой-нибудь мальчик? — спросила Серена.

— Да, но я не хочу говорить об этом, — Шу прикусила язык. — Знаешь, чего бы мне хотелось на самом деле? Я бы хотела, чтоб ты стала моим другом, — не смотря на то, что Шу знала, это всего лишь сон, она ощутила правильность этого мгновения. Она ощутила, что это были те самые эмоции, что она испытывала в детстве по отношению к Серене...будто бы

она и в самом деле была с ней знакома. Она всегда думала, что в этот период времени, у нее не было друзей, но в этом сне было что-то настоящее.

— Друзья? — вскрикнула Серена, роняя метлу, ее голос стал чуть громче. — Правда? Вы и я, моя принцесса?

Когда Серена безмятежно улыбнулась, веснушки на ее лице засияли сквозь слой сажи, словно маленькие счастливые апельсинки, в темном саду из пепла.

— Да, я и ты, — улыбнулась Белоснежка. Счастье Серены было заразительным.

— Но..., - лицо Серены изменилось, она разглядывала свои ноги. — Но этого не может быть. У меня никогда не было друзей. А когда кто-нибудь просил меня стать его другом, обычно все кончалось тем, что я сидела рядом с камином и плакала, а вокруг меня была лишь зола.

— Зола? — скривилась Белоснежка, делая шаг вперед. Она уже во второй раз упоминала эту комнату.

— Я ведь говорила вам, не спрашивать о том, что не вашего ума дело, — снова выплонула она, ее веснушки вспыхнули под слоем сажи.

— Ладно, я не буду спрашивать, — согласилась Шу.

— Я верю тебе, — успокоилась Серена. — Но что же мы будем делать. Не думаю, что у принцессы много общего с Рабыней.

Белоснежка бросила взгляд на могилу Одли Тьюна и вскинула бровь.

— Думаю, у нас уже много общего.

Серена рассмеялась.

— Ты ведь не планируешь больше никого кусать? Я не собираюсь каждый раз прибираться за тобой, — подмигнула она.

— Давай кое-что сделаем, — предложила Шу. — Что ты делаешь, когда получаешь свой хлеб, работа закончена и у тебя есть несколько свободных часиков?

— Не могу сказать, — ответила Серена. На этот раз, ее настроение не изменилось. На самом деле, она хотела рассказать Белоснежке, чем занималась в одиночестве, но притворилась, что не хочет по некой причине.

— Почему бы и нет? — радостно ответила Белоснежка. — Мы ведь теперь подруги.

— Обещаешь, что никому не скажешь? — Серена наклонила голову ближе, говоря шепотом.

— Обещаю, — заверила Шу.

— Я занимаюсь волшебством, — Серена стрельнула глазами влево и вправо.

— Волшебством?

— Шшш, — Серена закрыла рот Шу ладошкой. — Ты должна пообещать мне, что никому никогда не расскажешь.

— Не расскажу, — кивнула Шу. — Что за волшебство?

— Я могу показать тебе, — ответила Серена. — Но если только ты проявишь терпение и поможешь мне подготовиться к нему.

— Зачем к нему готовиться? Я думала, волшебство — это дар, — удивилась Шу.

— Нет. Волшебство — это Искусство. Множество различных видов искусства, — объяснила Серена. — Я знаю особый вид волшебства, о котором люди не желают знать. Это Запрещенное Искусство.

Белоснежка скорчила рожицу.

— Видишь? Поэтому тебе нельзя никому об этом рассказывать. Мое волшебство под

запретом. Привыкли думать, что колдовское ремесло создание зла, но на самом деле это не так, — сердце Сирены пустилось вскачь, пока она рассказывала об этом.

— Звучит невероятно. Мне бы хотелось на это посмотреть, — обрадовалась Шу. — Что мне нужно сделать, чтобы увидеть, как ты творишь свое Искусство? — она надеялась, что весь этот сон длился из-за Искусства Серены. Она сомневалась, что Локи пришел, чтобы убить ее.

— Во-первых, я должна предупредить тебя, что у каждое Искусство имеет свою цену. Но не волнуйся. Я покажу его тебе. Ты могла бы стать моей помощницей, если хочешь.

— Мне так любопытно, — сказала Шу. — Прошу, расскажи, что мне нужно сделать.

— Нам нужно собрать элементы, необходимые для завершения Искусства, — ответила Серена.

— Хорошо. Где мы сможем достать эти элементы?

— Нам предстоит долгое путешествие, — ответила Серена. — Но в конце пути, мы окажемся в совершенно необычном месте, которое довелось увидеть лишь немногим.

— А у этого места есть название? — спросила Белоснежка.

— Слышала когда-нибудь о месте под названием Конец Радуги?

Шу последовала за Сереной в Черный Лес, чтобы собрать элементы, необходимые для того, что она называла Запретным Искусством. При обычных обстоятельствах, Шу бы никогда не решилась пойти в Черный Лес, особенно в подобном сне, где неизбежная опасность, очевидно, таилась где-то за спиной Сновидящего... она до сих пор не могла забыть тот факт, что в Обычном Мире ее заколол парень, которого она любила. История Серены была просто безумным отвлечением.

Наблюдая за перемазанной золой девушкой, которая напоминала ей молоденькую девчушку из мюзикла *Le Miserable's*, которая убегает от непреодолимого счастья. Серена на четвереньках поднялась на небольшой холм, точно обезьяна. Шу последовала за это крошечной светловолосой девушкой с огненной аурой.

— В этом мире, каждая магия имеет свои правила, — объяснила Серена, запыхавшись.

— Правила? Я думала, весь смысл магии состоит в том, чтобы нарушить все правила. Это же магия! — удивилась Шу, пытаюсь идти той же тропинкой, что и Серена.

— Правила не строгие, — ответила Серена. — Они больше похожи на руководящие принципы. Те, у кого есть дар могут расширить или добавить нечто свое к Искусству.

— Почему ты настаиваешь на том, чтобы называть свою магию Искусством?

— Я чувствую, что это нечто больше, чем просто Искусство. Искусство нельзя оценить. Оно чище. Это то, что оно есть. Это создание художника...волшебника. Оно просачивается сквозь поры наших душ, а затем проявляет себя всему миру. Подумай о картине, песне или стихотворении. В искусстве нет правильного или неверного, есть лишь несколько правил. Понимаешь? — Она остановилась на вершине холма, положив руку ей на запястье, словно уверяя, что больше не убежит.

— Да, — кивнула Шу, задерживая дыхание. Она не совсем понимала, что Серена только что сказала, но она была ей любопытна вместе со своим Искусством, так что она решила подчиняться каждому ее слову, пока ей не понадобятся более существенные уточнения. — Так почему мы тут, посреди леса?

— Чтобы сотворить мое Искусство, мне нужно собрать три элемента.

— Что-то вроде огня, земли, воды и воздуха?

— Да, но это уже прошлый век, — ответила Серена. — Элементы, которые необходимы мне — это три вида ингредиентов: два из них инструменты, и один — талант. Думай об этом, как о рецепте особого блюда, — она загибала пальцы. — Мы, соответственно, называем их Сердце, Мозг и Душа.

— Мы?

— Я имела в виду я, — солгала Серена. Она не собиралась рассказывать Шу, кто такие "мы". — Сердце — это материя, из которой создается магия.

— Я слушаю.

— Мозг — это инструмент, который созидает и воздействует на Сердце, — объяснила Серена. — Легче объяснить. Если мы не будем шевелить мозгами, сердце попросту перестанет работать.

— А душа?

— Душа, — Серена закрыла глаза и вдохнула прохладный осенний воздух. — О, Боже.

Душа — это та часть, которую нельзя ни объяснить, не описать словами. Ты знаешь, что она существует, но нет никаких доказательств. Есть лишь один способ доказать это, и скоро ты увидишь результаты Искусства своими глазами. Я тебя запутала?

— Не совсем, — ответила Шу. — Но я думала, ты покажешь мне волшебство. Конец Радуги, помнишь?

— К этому мы еще вернемся, но сначала, смотри! — Серена указала на башню вдалеке, которую они, наверное, и не увидели бы, не поднявшись на холм.

— Что такое?

— Каждый элемент моего Искусства подразделяется на ингредиенты, которые помогут создать элемент. Сердце нуждается в трех ингредиентах, — сообщила Серена. — Эти три ингредиента: зола, песок и известь.

— Земные элементы, — кивнула Шу. Она провела какое-то время читая о магии из тех книг, которые она позаимствовала у жертв в Шлоссе.

— Верно, — согласилась Серена, снова начиная задыхаться от карабканья на холм, а от возбуждения.

— Зола ведь легко раздобыть, — предложила Шу. — Мы можем просто сжечь что-нибудь, — она приложила все свои усилия, чтобы не заикнуться о золе, что покрывала кожу Серены.

— Нет, — настаивала Серена. — Моя зола особенная. Она называется "содовая зола" или "карбонат натрия".

— Откуда ты все это знаешь?

Серена проигнорировала вопрос.

— Эту особую золу можно получить лишь от сушки и сжигания растений вроде Солянки и Хрустянки, но они тут не растут, — ответила она, затем побежала вниз по холму, словно маньячка, прямо к башне.

— погоди! — воскликнула Шу, и последовала за ней. — Куда ты идешь?

— Хочу достать растение, которое делает золу, из башни под названием Рудаба, — прокричала Серена. — Оно называется Рапунцель, — добавила она и исчезла в темноте.

Шу шла осторожно, окрикивая ее, боясь, что та может исчезнуть. Земля под ногами была грязной. Сама башня была жуткой и тёмной, бесцельно пронзая ночное небо, словно чья-то ошибка.

— Тсс, — Серена появилась из ниоткуда, обнимая Шу, и приказывая ей опуститься на колени. — Вот оно. Растение Рапунцель, — она показала на оранжевый цветок, который был похож на подсолнух, среди остальных прочих, неровно разбросанных вокруг башни. Растения покачивались от легкого ветерка. Они выглядели словно живые. Их тонкие лепестки походили на руки.

— Почему бы нам просто не сорвать его? — прошептала Шу.

— Увидишь, почему, — захихикала Серена. — Это необычное растение.

Две девушки ждали, пока перед цветком Рапунцель не появилась счастливо прыгающая лягушка..., напоминая Шу о том, как Локи ненавидел лягушек. В мгновение ока, одно из миролюбивых растений выпустило острые зубы меж лепестками, схватило бедную лягушку прямо в воздухе и проглотило ее. Растение прожевало и проглотило лягушку своей зеленой глоткой, словно змея, которая торчала из земли. Когда остальные растения подползли к нему, пытаясь выхватить кусочек лягушатины, оно зарычало на них. Закончив есть, оно выплюнуло лягушачьи лапки, и на его перемазанной мордашке снова засияла улыбка.

Шу забеспокоилась, не столько из-за растения Рапунцель, сколько от хихиканья Серены.

— Это и есть то самое растение, которое ты хочешь сжечь до тла, — удивилась Шу.

— По-другому не выйдет. У магии есть цена, помнишь? — ответила Серена. — Верь мне, я люблю цветы и животных, но вот это жестокое. Если подойдем поближе, оно отъест нам ноги. Они их просто обожают.

— Как ты планируешь его достать?

— С помощью этого, — Серена выудила из недр своего грязного платья золотую монетку.

— Откуда ты взяла золотую монету? — удивилась Шу.

— Украла у Королевы Скорби, — улыбнулась она, глядя на трофей в своей ладошке. — Извини, но ты хотела чем-нибудь заняться, а это все, чем я занимаюсь в свободное время.

— Мне плевать, что ты ворует у моей матери. И не смотря на то, что мне это все же неприятно, мне интересно знать, почему ты додумалась ничего себе купить с такой огромной суммой денег?

— Купить? — Серена выглядела озадаченной, словно кто-то ударил ее камнем по голове. — Я никогда не думала о подобном. Я лишь украла монетку, чтобы попрактиковаться в колдовстве.

— Никогда не задумывалась над тем, чтобы купить новое платье или еду?

Серена сконфузилась. Шу забеспокоилась, ведь она переживала за нее. Бедная девушка жила на самом дне и получив золотую монету не знала, как мудро распорядиться ею. Быть может, ее страсть к Искусству была намного больше, чем все деньги мира. Что с того, если она купит себе новое платье, как она потом объяснит где его взяла? Она ведь Рабыня. Никто в этом проклятом королевстве не позволит ей засиять. Она привыкли видеть ее такой, перемазанной золой, потерянной и жалкой. Пока есть богачи, бедняки тоже всегда будут.

— Полагаю, в следующий раз, я куплю себе чего-нибудь поесть. Замечательная идея, — Серена похлопала Шу по спине. — Но сейчас, я хочу с ее помощью достать цветок и попрактиковаться в волшебстве.

— Хорошо, — вздохнула Шу. — Как эта монетка сможет помочь?

— Это слабость растения, — объяснила Серена. — Легенда гласит, что этот цветок был семенем злобного колдуна, который больше всего на свете жаждал золота. Растение Рапунцель ядовито, и проклято жаждой золота; как и его создатель. Одна девушка, которую по иронии судьбы назвали в честь этого растения, имела власть над ним.

— Где мы смогли бы найти эту девушку?

— Понятия не имею, — ответила Серена. — Она все равно не решение нашей проблемы, чтобы достать растение Рапунцель. Я достану его с помощью монеты, что у меня в руке

— Расскажи мне об этом, — требовала Шу.

— Как только растение увидит в моей руке золотую монету, оно так сильно захочет его, что порвет свои корни, позволяя взять его, — объяснила Серена.

— Ты сказала, порвет корни? — переспросила Шу. — То есть оно убьет само себя?

— Я же говорила тебе, это сумасшедшее растение, — сказала Серена. — Знаешь что самое безумное? Если ты снова посадишь его в землю после его смерти, оно снова оживет. Теперь, позволь мне сделать то, что нужно, — Серена поднялась, и внезапно побежала к растению. Она протянула руку и показала золотую монетку, словно поманила лошадь

кусочком сахара. Растения Рапунцель сошли с ума, выгибая стебли и протягивая свои лепестки, завывая, будто жуткие призраки. Цветок, оказавшийся к Серене ближе всего, потерял остатки разума.

— Отдай мне эту монету, ты, отвратительная, грязная нищенка! — взвыло растение, почти отрываясь от корней.

— Скажи "пожалуйста", — дразнила его Серена, уворачиваясь от цветка, который подкрался к ней сзади, пытаясь слопать ее туфельку, но потерпел неудачу. Спасибо необычным туфелькам Серены.

— Я никогда не буду умолять тебя, дочь Бьянки! — закричало растение.

— Ты — поганая ведьма! — писклявым голосом закричало другое растение. — Ты постоянно сюда приходишь и забираешь одного из нас! Ты заставляешь нас убивать самих себя.

— Я вырву твоё грязное сердце, — присоединилось третье растение, вытянувшись, чтобы укусить Серену за коленку. Парочку других цветков умудрилась оторвать пару лоскутков ее платья.

Серена отпрыгнула, чтобы растения не смогли достать ее.

— Вы — отвратные растения, — сказала она им. — Вы сжираете все живое на своем пути. Что вам сделала бедная лягушка?

— Если ты думаешь, что мы отвратительны, тогда ты еще отвратительней, — сказало растение, когда Шу попыталась оттащить от них Серену. Разговаривать с цветами в Королевстве Скорби не было таким уж чудачеством. Странности тут были в норме.

Серена вырвалась из рук Шу и, поманив растение золотой монеткой, стремительно убрала руку. Растение попало на уловку и вытянулось так сильно, что оторвалось корешками от почвы. Серена подняла умирающее растение и еще несколько других. Они бились, словно рыбки, вытащенные из воды, перед смертью.

Серена побежала, другие растения проклинали ее.

— Уноси ноги, дочь Бьянки! — рычали растения.

— Гори! Гори! Гори! — цветы начали выплевывать еду, что жевали на Серену и Шу: лягушачьи лапки, цыплячьи крылышки и беличьи зубы.

Шу и Серена побежали обратно на холм. Серена вела себя так, словно все это была игра, размахивая растением Рапунцель в воздухе с кровожадной ухмылкой на лице, не обращая внимания на порезы, которое растение оставило на ее пальцах.

— Ты ранена, — произнесла Шу. — Думаю, нам лучше вернуться в замок. Я могу залечить твои раны, — она жалела о том, что не выпустила клыки на те растения.

— У меня были порезы и похуже, — небрежно отмахнулась Серена.

— Так у тебя точно такие же порезы от растения на щеке и шее? — спросила Шу, не в силах сдержать любопытство. Внезапно, оказалось, что Серена намеренно скрывала за сажей шрамы. Потому что она не смывала сажу со своей кожи, чтобы никому не показывать те раны шрамы, что она предпочитала прятать.

Взгляд Серены потускнел, от предательства вопросом Шу. Ее глаза наполнились слезами. Все то счастье, которое она только что испытывала от сорванного цветка, просто исчезло. Шу знала, что девушка вот-вот разразится слезами, тем не менее, она не удержалась от вопроса.

— Ты ужасна, — закричала Серена на Шу. — Ты пообещала не спрашивать, — она бросила растение Рапунцель Шу в лицо и побежала на другую сторону холма, глубже в лес.

Шу подняла цветок и побежала за ней. Это был долгий забег. С каждым шагом, Шу ощущала вину за то, что расстроила ее. Почти милю спустя, Шу удалось догнать Серену и она крепко схватила ее, пока та, плача, не остановилась. Наконец, после беспрестанных извинений Шу, Серена перестала плакать, и заснула у нее на руках, как младенец. Шу нежно погладила ее по волосам, прислонившись дереву, задаваясь вопросом, что за загадочная девушка. Она подумала, что никогда не ощущала такого любопытства и заботы к кому-либо себе подобному.

От нечего делать, ожидая, когда проснется Серена, мысли Шу потекли, снова думая о Локи. Вспоминая Локи, она прикоснулась к ожерелью, что он дал ей в Мире Между Снами, она надела его с самого начала этого сна. Шу снова посмотрела на загадочную гравировку на кулоне:

Что это значит, Локи?

Она попыталась прочесть ее вертикально с обеих сторон, затем перевернула кверху ногами. Это напоминало что-то вроде символа или букв алфавита. Она по-прежнему терялась в догадках.

Расстроенная, она вздохнула, глядя на луну над собой. На мгновение, Шу подумала, что видела, как луна улыбнулась ей.

Русалочье Молоко

Чуть позже, Серена проснулась от собственного крика. Шу крепко обняла ее, уверяя, что она в надежных руках. Однако не это, наконец, успокоило Серену, а то, как заботливо Шу на нее смотрела.

— Друзья? — спросила Серена.

Шу была удивлена, услышав эти слова первыми с ее уст.

— Конечно, — ответила она.

Несмотря на всю драматичность происшедшего, Серена нашла доверчивую пару глаз в качестве друга впервые за 14 лет, а Шу, которая всегда думала о себе как об одиноким монстре, узнала, что человек, испорченный уродством мира, все еще может удивлять красотой других.

Почему я чувствую, что убила б за Серену? Быть может, она своего рода испытание, посланное мне, что бы я начала свое путешествие?

— Кошмары? — погладила ее по спине Шу.

— Всегда кошмары, во сне и наяву, — ответила Серена.

Шу хотела спросить ее о Бьянке, которую она приняла за мать Серены. Также она бы хотела ее спросить о том, что растение Рапунцель подразумевало под "Гори! Гори! Гори!"

— Кошмары не имеют значения сейчас. У тебя есть это, — Шу показала на растение Рапунцель, которое Серена крепко сжимала в руках во время сна.

— Да, — Серена вскочила на ноги, — Я забыла. Давай играть! Пошли.

Она потянула Шу за собой и уставилась на луну. Была полная луна, Шу показалось, что она смеется над ними.

— Ты знаешь ту девочку? — мечтательно спросила Серена.

— Девочку? — Шу моргнула, — а, ты имеешь в виду старую сказку про девочку, которая живет на луне?

— Нет, — сказала Серена, — Ты не понимаешь. Луна — это девочка.

Она побежала по краю леса, махая луне. Не удержавшись, Шу последовала за Сереной.

— Эй! — закричала Серена на луну, и побежала дальше в направлении, ведущему к озеру. Ее голос отозвался эхом в этой пустой части леса, — ты можешь спуститься на минутку?

Серена в самом деле обращалась к луне. Шу не верила самой себе, но она действительно решила проверить, что если луна является девочкой. То, как Серена настаивала на этом, делало это неизбежным. Она всегда говорила о безумных вещах так страстно, что любой богохульник легко может превратиться в верующего.

— Она машет тебе в ответ? — Поинтересовалась Шу, вдруг она что-нибудь пропустила. Все что она видела, это был круглый белый диск, свисающий с неба. Возможно, только Серена могла видеть луну в подобии девочки.

— Нет, — разочарованно ответила Серена, — Сегодня она кажется грустной. Знаешь, она, довольно, занятая девочка.

— Чем луна может быть занята? Она просто висит всю ночь в небе и размышляет, — Шу знала, что была жестока, но ей нужно было объяснить почему.

— Нет, она очень занятая, — настаивала Серена, останавливаясь на берегу озера,

больше похожего на болото, — Она следит за добросердечными людьми, которые гуляют ночью в лесу, наблюдая за ними сверху. Если на них нападет одно из ночных существ, она спускается и борется, чтобы защитить их.

Мысль о том, что луна это девочка, которая спускается, чтобы защитить людей ночью была безумной, но в то же время восхитительной, подумала Шу.

Так у луны действительно была цель, чтобы светить добросердечным, показывая им путь?

— Так почему мы возле этого болота? — спросила Шу, вспоминая, как она подумала, что луна улыбнулась ей, — какое луна имеет отношение к растению Рапунцель?

— Чтобы превратить растение Рапунцель в золу, мы должны вымыть его определенной водой, наполненной светом этой луны, — ответила Серена.

— Я думала, чтобы что-нибудь сгорело дотла, это не нужно мыть.

— Не тогда, когда речь идет о моем Искусстве, — возразила Серена, — если я сожгу растение с помощью обычного огня, зола не будет действовать для создания моего волшебства. Она должно быть очищено Русалочьим Молоком.

— Чем дальше, тем страшнее, — размышляла Шу.

— Это не настоящее Русалочье Молоко. Это просто красивое название, — Серена подмигнула ей снова, — Луна имеет духовную связь с русалками. Я думаю это потому, что она находится вверху, в самом высоком небе, а они живут внизу, на глубине морского дна. Я читала об этом в одной книге. Луна способна производить белую жидкость, цвета луны, которую русалки смешивают с морской водой. Это и есть Русалочье Молоко. Именно оно превращает растение Рапунцель в золу, который я использую в своем Искусстве..., — Внезапно Серена замолчала, бросая взгляд поверх плеча Шу. В ее глазах не было выражения страха, лишь чрезвычайного восхищения. — Не оборачивайся, — предупредила Серена, взяв Шу за руку.

Шу услышала, как что-то позади нее плещется в болоте.

— Почему? — Шу сгорала от желания обернуться назад.

— Так сказала мне ОНА, — ответила Серена, все еще улыбаясь.

— Кто сказал тебе так? — Шу не знала что думать. Бояться, радоваться, или волноваться по поводу здравомыслия Серены?

— Почему ты не хочешь, что б она оборачивалась? — спросила Серена у существа в болоте, но Шу не услышала ответа. — Она говорит, что не хочет показываться тебе, — объяснила Серена.

— Она это кто?

— Одна из русалок, — сказала Серена, — она говорит, что ты...

— Я что? — Шу поджала губы.

— Нет, она не такая, — Серена разговаривала с русалкой — которую Шу приняла за воображаемую, — Она моя подруга, — сказала она, сжимая руку Шу.

— Что она сказала обо мне? — потребовала Шу, и обернулась.

В темноте, нависшей в Черном Лесу и тяжелым слоем тумана, было сложно определить, было ли то плескание в воде, которое она видела, русалкой. Шу увидела как нечто взмахнуло своим хвостом, но это могла быть большая рыба в болоте. Независимо от того, с чем говорила Серена, оно пропало под болотной жижей.

— Что она сказала обо мне? — Шу повернулась к Серене, требуя ответа.

— Не беспокойся о ней, — сказала Серена, — Она сказала, что ты была частью добра и

зла, и ты все еще не определилась, какую сторону выберешь. Она скорее рассматривает тебя как своего врага. Поэтому она тебя испугалась.

— Как она могла подумать обо мне такое? — сказала Шу, задумавшись, было ли это все воображением Серены, а быть может и сама Серена думает, что Шу еще не выбрала сторону.

Серена не ответила. Она уже опустилась на колени, с хрустальной урной, ее рука была наполнена белой жидкостью, которой она поливала растение Рапунцель.

— Где ты взяла эту урну? — Шу начинала выходить из себя.

— У русалки, конечно, — сказала Серена, — Смотри, — она показала как растение Рапунцель превращается в пепел внутри урны. Оставшаяся зола выглядела тлевшей, как и аура Серены.

Шу ничего не сказала. Она была уверена, что не видела эту урну у Серены раньше.

— Замечательно, — сказала Серена, бережно держа урну, будто только что она поймала в нее самую драгоценную бабочку, — Теперь у нас есть зола. Ты помнишь, какой следующий ингредиент?

— Ой, — Шу оцепенела, — я забыла.

— Прекрасно, — сказала Серена, — Вспомни, я говорила тебе, что первый элемент Искусства это Сердце, которое используется для создания магии. Сердце состоит из трех частей. Зола у нас уже есть. Теперь нам нужен песок и известь.

— Как мы их раздобудем? — спросила Шу.

— Известняк это легко. Следуй за мной, — Серена опять побежала в темноту леса.

Шу никогда раньше не встречала никого, кто б чувствовал себя настолько уютно в лесу. Как правило, люди осторожничают с прогулками в Черном Лесу, это место полно злых существ, но не Серена. Она может встретить Бугимена, пожать ему руку, а затем прогуляться с ним, или попросить его добыть для нее известняк, который потребуется для ее Искусства.

На сей раз, Шу последовала за Сереной в Школу Скорби, где она работала, убирая там после того, как учителя и ученики расходятся по домам. Серена сказала ей подождать снаружи. Через мгновение, она вернулась с мелом в руках.

— Видишь? — Серена радостно показала ей мел.

— Вижу что? Мел?

— Мел, сделан из известняка, — объяснила Серена. — С каплей Русалочьего Молока, у нас выходит вторая частичка загадки. Теперь у нас есть зола и известь.

— Это было просто, — пробормотала Шу.

— Все это просто, даже зола, — сказала Серена.

Как можно назвать простой борьбу с мерзкими кровожадными растениями?

— Пока мы играем, это всегда просто, — промолвила Серена, будто прочитав мысли Шу.

Серена капнула две капли Русалочьего Молока на мел. Потом она пережевала мел на маленькие кусочки, не беспокоясь о том, что известняк испачкает ее губы и зубы. Она положила мел, теперь уже в состоянии порошка, в урну, и перемешала с золой.

— У тебя мел на губах, — отметила Шу.

— Ничего страшного, — сказала Серена, и начала тереть свои зубы порошком из мела, оставшимся на ее губах, — известняк хорош для зубов.

Шу заметила, что Серена права. После того как она немного потерла свои зубы, они побелели и начали сиять.

— Дай взглянуть, — Шу взяла немного извести на указательный палец, —

удивительно, — она издала смешок. Она вспомнила, как забрала книгу у одной из жертв, которыми она питалась в Шлоссе, и прочитала, что зубная паста первоначально делалась из мела или извести.

Что, если Серена, в конце концов, изобретет зубную пасту?

— Почему ты смеешься? — удивилась Серена.

— Это ведь зубная паста, — сказала Шу.

— Что такое зубная паста?

— Ну, паста. Зубной пастой можно чистить зубы.

— Зубная паста, — повторила Серена, — мне нравится это название. Ты хорошая.

Милая. Ты знаешь, что эта зубная паста не только отбеливает твои зубы? Она также защищает от Демонического Червя.

— Демонического Червя? — переспросила Шу и почувствовала как внезапный всплеск белого света поразил ее мозг. Было больно, но ненадолго. Это напомнило ей о том, что в свое время в Королевстве Скорби люди почти ничего не знали о зубах. Она верили, что дырки появились из-за Демонического Червя, которого подослал Ночная Скорбь. Человека с дырками или зубной болью считали одержимым, и демон, обладающий им, должен быть изгнан.

— Конечно, Демонический Червь, — Шу потерла лоб, — эта вещь может защитить тебя от него. Это удивительно. Так скажи мне, Серена. У нас есть зола, известь, и теперь нам нужен песок, верно?

— Песок, — вздохнула Серена, — это самая сложная часть.

Шу почувствовала себя неловко. Раз уж сама Серена говорит, что это сложно, значит это, должно быть, слишком сложно.

— Но мы ведь раздобудем его, не так ли? Пока мы вместе, мы можем сделать что угодно? — сказала Шу, опасаясь, что Серена помрачнеет.

— Да, — ответила та, ее глаза засияли, — Друзья! — она уставилась на Шу с такой благодарностью, что Шу почувствовала себя виноватой. Если бы ей удалось проснуться от этого сна, то в конечном итоге она оставила бы Серену в этом мире в полном одиночестве, и она снова осталась бы без друга.

Но должно быть другое воплощение твоей жизни в Мире Сновидений, когда ты проснешься, Шу. Помни, ЭТО воспоминание, только твои действия отличаются, потому, что одна ты в этом мире знаешь, что это воспоминание.

Шу пожала плечами. Она знала, что не одна знает, что это воспоминание. Локи, облаченный в душу злого Охотника, тоже это знал. Шу немедленно прогнала эту мысль прочь. В данный момент, Серена интересовала ее гораздо больше, чем Локи. Жизнь не только для любви, друзья важны не меньше. У Шу никогда не было друзей, ни в Мире Сновидений, ни в Реальном Мире. Она вдруг поняла, что Серена нужна ей, в точности так же, как она нужна была Серене.

Тебе не всегда нужен человек, который бы мог о тебе заботиться. Иногда тебе нужен такой человек, о котором мог бы заботиться ты сам.

— Так куда же мы должны отправиться, что бы получить третий ингредиент для твоего Искусства? — спросила Шу, интересуясь больше, чем когда-либо.

— Поле Сновидений, — ответила Серена, — Легенда гласит, что оно принадлежит Песочнику.

Поле Сновидений

— Чтобы добраться до Поля Сновидений этого самого Песочника, мы должны пройти через Можжевеловые Деревья и Терновую Стену, — произнесла Серена, после долгой ходьбы.

Шу знала об этих самых Можжевеловых Деревьях (прим. пер. они же Деревья Джунипер). У каждого был глазок на кончике ветви и их обычно использовали, чтобы шпионить в запретных территориях. Ходили слухи, что в каждом дереве была заключена душа ребенка, убитого в древней войне. По сравнению со всеми остальными в Скорби, Можжевеловых Деревьев не опасались. Шу взволновало упоминание о Терновой Стене, которая была одним из барьеров, что создала Кармилла при помощи магии, что защититься от войска Ночной Скорби... эта часть всегда смущала Шу.

Что если Кармилла уже на стороне Ночной Скорби, после обращения в вампира? Она верила в то, что со временем что-то подобное обнаружится.

Что касаясь Терновой Стены, ее зачарованные терновые кусты резали каждого нарушителя, который пытался проникнуть или уйти из Скорби. Шипы кололи человека, чтобы испробовать его крови и определить, местный он или же приспешник Ночной Скорби. Шип видел в нем врага либо друга. Если он понимал, что это друг, то пропускал его Скорби или из нее. А вот врагов мучил тем, что играл музыку, против которой невозможно было устоять, человек бесконтрольно начинал танцевать и шипы до смерти ранили его в кустах. Еще ни один чужак не прошмыгнул мимо Терновой Стены... по-крайней мере, она ни о ком не слышала..., лишь несколько местных отважились пройти ее. Предложение Серены было само по себе безумием.

— Погоди, — Шу схватила ее за руку. — Мы не сможем пройти. Мы погибнем, и ты это знаешь.

— Ты должна верить мне, Радость, — ответила Серена, и пошла дальше.

— Перестань называть меня Радостью, — Шу остановилась.

— Почему? Мне нравится это прозвище. Ты моя Радость в Королевстве Скорби.

— Серена, — окликнула ее Шу. — Прошу, остановись.

— Хорошо, принцесса, — Серена топнула ножкой. Ей хотелось идти дальше. Хотелось играть, а Шу портила ей все веселье. — Я вся внимание.

— Ты ведь знаешь, что мы умрем, если пройдем Терновую Стену, так?

— Нет, не умрем, — Серена поставила свою урну на землю и сложила руки на груди. — Тот, кто не живет в Королевстве Скорби может запросто умереть.

Шу не ответила. Серена выиграла джек-пот последним предложением, но разница между смертью и суицидом была очевидна.

— Все что тебе нужно — это поверить мне, — Серена схватила ее за руки и начала уговаривать, словно малое дитя. — Я бы никогда не навредила тебе. Если ты беспокоишься по поводу армии Ночной Скорби, позволь рассказать мне тебе, что этот проход в Терновой Стене ведет не напрямую наружу. Она ведет к Полю Сновидений, которое еще называют Промежуточным Полем. Я не так уж много о нем знаю, но если ты его увидишь, оно тебе обязательно понравится.

— Что еще за Промежуточное Поле?

— Хотела бы я знать, но это место находится ни в Скорби, ни за ее пределами. Как я и сказала, мне нечего делать в свободное время: у меня нет друзей или тех, о ком я могла бы заботиться; я лишь читаю. Я прочла все книги, что смогла отыскать в школьной библиотеке: пыльные книги, книги без обложек; старинные книги, написанные от руки, — рассказывала Серена. — Разве я тебе лгала прежде?

— Что на счет тернового куста? — неохотно спросила Шу.

— А что на счет него? Мы же местные, а не чужаки. Он поймет, что мы друзья, а не враги. Мы пройдем. Может, слегка поцарапаемся. У тебя пойдет кровь, но совсем немного. Смотри! — Серена подняла подол платья и показала бесчисленное количество царапан на ногах. Их было огромное множество и Серена поняла, что показывает Шу слишком много.

Некоторые шрамы лучше не показывать, даже зеркалу, пока мы не увидим их на выражениях лиц тех, кого любим.

— Вау, сколько шрамов, — выдавила Серена и незадачливо рассмеялась.

Шу задумалась, быть может сейчас самое подходящее время спросить ее о шрамах. Отнюдь. Серена была слишком счастлива вместе со своим волшебным приключением, а Шу не хотелось его портить ради нее.

— Все в порядке, — колеблясь, кивнула Шу. — Давай сделаем это.

Немного погодя, Серена прошла сквозь Терновую Стену, словно призрак через занавеску. Она была крошечной и худенькой..., Шу хотелось верить, что она испытала слишком много боли, так что порезы от шипов будут весьма незначительными. Она увидела, как из под платья Серены вытекают маленькие струйки крови, прежде чем она скрылась за кустами, ведущими к Полю Сновидений.

— Видишь? Я почти на месте, — сообщила Серена из-за кустов.

Шу не видела ее. Она видела лишь великолепный свет, льющийся из-за кустов. Мысленно, она отметила, что свет не имеет определенного цвета. Она не видела ничего подобного прежде. Он был просто прекрасен. Сделав первый неохотный шаг, Шу оказалась ближе к кустам. Первый порез был самым глубоким. Шипы проникали сквозь ее белое и дорогое платье и в тоже мгновение окрашивали его кровью. Слово ее платье жаждало крови.

Почему боль такая же сильная, как и в реальном мире? Ради всего святого, это ведь сон!

Второй порез Шу был предупреждающим. Терновый куст сошел с ума и задел ее по лицу. Чем она спровоцировала шипы, и почему поблизости раздалась игра флейты?

— Шу! — закричала Серена. — Что произошло? Я тебя не вижу. Почему играет Мрачная Мелодия?

Шу потеряла дар речи. Она ощутила, как мелодия завладевает ее душой. Все те истории, что она слышала про Терновую Стену оказались правдой. Музыка, исполняемая флейтой была ничем иным, как Волшебной Флейтой Моцарта, та часть, которой ее обучал Одли Тьонс, прямо перед тем, как превратиться в оборотня.

Что это значило? Заткнись! Нет времени на размышленья. Ты должна сосредоточиться на том, ПОЧЕМУ играет музыка. Терновая Стена только что обнаружила чужака.

— Что происходит, Шу? — закричала Серена из-за кустов. — Я иду к тебе. Подожди!

— Нет, — выдавила Шу, сопротивляясь желанию затанцевать прямо в терновом кусте. — Оставайся на месте, Серена!

Шу была на грани паники, думаю, не поэтому ли Локи не появился, чтобы прикончить ее. Быть может, Королева Скорби нашла способ, чтобы Белоснежка сама себя убила. Если так, то это был просто гениальный план, чтобы отправить ее в детское воспоминание, дабы та смогла умереть весьма естественно.

Чушь! Шу сделала глубокий вдох, когда шипы приблизились и окружили ее своими острыми иглами, ожидая, когда она начнет танцевать. Королева Скорби не может убить меня, поскольку я разбила сердце на семь частей, и она хочет отыскать их. Быть может, Серена одна из Семи Затерянных. Быть может, вся суть сна заключается в этом.

Ей хотелось опуститься на колени и закричать на свои обезумевшие ноги, которые отчаянно хотели танцевать вопреки ее желанию.

Семеро Затерянных не имеют к этому никакого отношения, поскольку тебе еще нет шестнадцати. Она может убить тебя прямо сейчас, когда ты еще не разбивала сердце. Ты ведь знаешь, если она изменит прошлое в Мире Сновидений, в Обычном Мире изменится будущее.

Шу медленно подняла руки и закрыла ладошками уши, чтобы не слышать Мрачную Мелодию. Это не сработало. Пара шипов порезали ей руки.

— Почему, во имя Скорби, играет эта музыка? — закричала Шу.

Затем они же ударили ее по правой стороне лица. Конечно же, музыке пришлось играть. Шу была не чистокровной местной. Правда была в том, что она родилась в Скорби, да, но ее кровь, родословная и фамильное дерево, она была злом Скорби, самым настоящим потомком Ночной Скорби, самого кровожадного вампира в мире. Поэтому русалка из озера сказала Серене, что боится Шу, и что та еще не решила на чьей она стороне. Для Терновой Стены она по-прежнему осталась врагом. Она удивилась, как же тогда ее переходил ее отец, чтобы воевать со злоумышленниками. Он тоже был потомком семьи Сорроу. Во многих смыслах, они оба были жителями этого королевства, но оставались чужаками. Терновая Стена решила поступить с ней как со злоумышленником и убить ее. Во время этого воспоминания, она еще не была бессмертной..., а вот на счет Кармиллы или ее неуязвимости, поскольку стена была результатом ее магии.

Шу больше не могла сопротивляться и начала танцевать под аккомпанемент Волшебной Флейты Моцарта. Не смотря на то, что она прилагала все свои усилия, боль была слишком сильна, и она начала терять сознание, ее веки затрепетали, запоминая последние мгновения жизни. Она умирала в своем собственном сне, что означало, что в Реальном Мире она навсегда останется в состоянии Спящей Смерти, комме, которую уже не излечит поцелуй. В конце концов, Кармилла одержала верх.

Фейбл открыла глаза. Было уже за полдень, а Аксель все еще лежал распростертый на полу рядом с ней. Однако, выглядел он весьма забавно: его рот был широко открыт, будто бы он ждал, что кто-нибудь покормит его сэндвичем, пока тот спит.

Она смотрела на потолок замка, размышляя о том, как долго она была без сознания. Её голова была тяжела, и она не могла вспомнить, что именно произошло. Все, что она вспомнила, был удар по голове и кто-то...или что-то смеялось над ней.

Она ощутила слабость и голод, и впервые оказалась рада напичканному едой рюкзаку Акселя. Она подползла и случайно задела голову Акселя. Открыв его, она поискала упаковку Трагических Бобов или, быть может, Неохотного Желе, но ничего не нашла. Ей попало лишь одно Отравленное Яблоко, но остановилась, прежде чем брать его. Какой смысл кушать яблоко, из-за которого случится обморок, если ты и без него чувствуешь головокружение?

Рюкзак Акселя был полон, будто он готовился к пикнику. Некоторую еду она вообще видела впервые. Первое, что она вытащила, была небольшая коробочка с ярлыком "Отвратительный Пудинг Доктора Румпельштейна". Главная концепция заключалась в том, что было необходимо съесть протухший пудинг в надежде заполучить золотую монетку. Если не найдете, то закончите в больнице Скорби с пудинговым отравлением. Если вам все же случится найти монету, вы, скорее всего, тоже окажетесь в больнице Скорби, только на этот раз у вас будет достаточно денег, чтоб оплатить лечение. Фейбл решила не рисковать. В любом случае, она терпеть не могла Румпельштейна, это внезапно напомнило ей о Люси. Она огляделась, но Люси нигде не было.

В сумке Акселя валялась упаковка с названием Говорящие Грибы. Фейбл отбросила ее, задумавшись, не эти ли самые грибы были причиной бесконечной болтовни Акселя.

Затем, она нашла упаковку «Моча Принцессы», что, по ее мнению, звучало довольно неплохо. «Принцесса на Горошине» подошло бы куда больше, но какого черта, это ведь была Скорбь. (прим. Ред. Игра слов с названиями Princess Pees (Моча Принцессы) и Princess Peas (Принцесса на Горошине)).

Наконец, она нашла упаковку Липких Коричных Лягушек, к которой в бонусе шли бесплатные клопы. На обложке была изображена лягушка, которая вынув красный язык, пыталась изловить им клопа.

— Фу, — пробормотала она. — Локи бы их явно возненавидел.

Фейбл выпучила глаза.

Локи! Теперь я вспомнила. Его смеющийся ветер вырубил нас. Я пыталась предотвратить его убийство Шу.

— Просыпайся, Фейбл, — она постучала себя по голове, словно это был кокосовый орех. — У тебя еще полно работы.

Она вспомнила, как они бежали за Локи, пытаясь не дать ему убить Белоснежку.

— Аксель, — трясла она брата. — Очнись!

— Что такое? — простонал Аксель. — Сегодня же нет школы.

— Аксель! Мы не в Сахарном Домике. Мы в Шлоссе. Проснись, — Фейбл распечатал упаковку Липких Коричных Лягушек и поднесла ее к нему. Живые лягушки заквакали, и

стали прыгать на Акселя и облизывать ему лицо. Должно быть, они подумали, что Аксель гигантский жук.

— Ну что ты творишь? — проснулся Аксель, отплевываясь. — Какая напрасная трата еды. Я бы съел их чуть позже.

— Нам нужно спасти Белоснежку, — зарычала на него Фейбл.

— Разве этим не занимаются семеро гномов? — Аксель потянулся, все еще постанывая.

— Что ты несешь? Теперь уже та Белоснежка, не другая? — Фейбл нахмурилась, поправляя очки.

— Белоснежки даже не существует, — ответил Аксель. — Иди проспись.

— Давай просыпайся, или я наведу на тебя порчу, — Фейбл потянула его за рукав, — Помнишь, мы пытались остановить Локи, которого Королева контролировала с помощью Руна?

— Ой, — заморгал Аксель, жуя одну из несчастных лягушек, — Теперь вспомнил. Трудно не думать о том, что это сон. В любом случае, Миркалла всех нас обманула. Странно, почему она заботилась о нас все это время?

— Думаю, ей что-то нужно от нас, — сказала Фейбл, — Но сейчас нам нужно сосредоточиться на спасении Шу.

— Секундочку, ты несешь какой-то бред, — икнул Аксель, — Зачем нам спасать туфлю? (прим. Пер. Shew — Шу, и shoe- туфля имеют одинаковое произношение.)

— Шу, Аксель, — Фейбл отобрала к нему еду, — Помнишь, Локи сказал, что мама называла ее Шу?

Аксель кивнул.

— Ага, извини. Опять забыл.

— А где Люси? — удивилась Фейбл.

— Люси, — нежно произнес Аксель, будто он был влюблен в нее, — Не знаю, я помню, как Королева управляя Локи, словно марионеткой, вела его в Шлосс. Потом ты применила заклинание, чтобы отвязать нас от стульев.

— Все верно, — согласилась Фейбл. — Затем мы побежали за Локи. Вот только Люси я с тех самых пор не видела.

— Быть может, она пошла с Королевой, — предположил Аксель, — Ты не заметила, какое сильное влияние та оказала на бедняжку?

— Вполне возможно. Самое время действовать, — сказала Фейбл, разворачиваясь и шагая к комнате Шу, — Нам нужно помочь ей.

— Подожди, — раздался голос Акселя из коридора. — Локи, должно быть, уже заколол ее и вошел в ее сон. Как мы теперь спасем ее, или его?

— Все что нам нужно сделать, это вытащить кол из Шу, и она сразу же проснется, — ответила Фейбл. — Что касается Локи, он говорил тебе разбить зеркало, если мы не сможем его разбудить. Это разрушит его связь с Миром Сновидений.

Добравшись до комнаты Шу, они оба остановились. Они не ожидали увидеть подобное. Вместо того, чтобы найти Локи и Шу, лежащих рядом друг с другом, они обнаружили Храм Сна, окруженный защитным лиловым светом, сквозь который ничего не было видно.

— Это что, система телепорта из Стар — Трека? — Аксель потер глаза.

— Разумеется, нет. Заткнись, Аксель, — неохотно приблизилась Фейбл, — Интересно, сможем ли мы пройти сквозь него, — пробормотала она.

— Нет, — поспешил за нею Аксель. — Мы не знаем, что с нами может случиться там.

внутри. Мы не знаем что это такое. Нас может затянуть в Мир Сновидений, а мы ведь ни Сновидящие, ни Охотники за Сновидениями. Для нас это слишком опасно.

— Что это за сон? — Поинтересовалась Фейбл, — он не похож на те, в которые ранее уже входил Локи. Сейчас светло, а он обычно входил в сны после полуночи. Этот длится явно больше сорока двух минут.

Аксель не ответил. Он достал телефон и начал копаться в нем.

— Что ты делаешь, Аксель, разве это не телефон Локи?

— Он самый, — гордо кивнул Аксель. — Я подобрал его после того, как он ушел из Сахарного Домика. В нем вся информация, которую Локи скопировал с Книги Охотника за Сновидениями.

— Наконец-то, ты сделал нечто умное, — произнесла Фейбл. — Нашел что-нибудь?

— Вообще-то, да, — ответил Аксель, пытаясь избежать взгляда Фейбл.

— Что там?

— Я нашел страницу, где эти лиловые ворота упомянуты как замкнутый Храм Сна, — ответил Аксель.

— И? — Фейбл сгорала от нетерпения.

— Такое происходит только тогда, когда Руном Охотника за Сновидениями обладает кто-то другой, — ответил он, читая из телефона.

— Мы уже знаем, что Руно Локи у Кармиллы, — фыркнула Фейбл. — Расскажи мне то, чего я не знаю, Аксель. Через него безопасно проходить?

— Неа, — ответил Аксель. — Здесь говорится, что проход через Храм Сна может привести к безумию.

— Что? Почему?

— Поскольку лиловый цвет означает, что сон Заперт, — прочел Аксель.

— Что это значит?

— Локи не очень много об этом написал, но погоди, — Аксель пролистнул страницу. — Здесь говорится, что Запертый Сон это... — он поднял глаза на Фейбл, выглядя взволнованно.

— Аксель? — Фейбл наклонила голову.

— Это значит, что сон бесконечный, — медленно произнес Аксель.

— Что ЭТО значит?

— Значит, он не контролируется песочными часами, так называемым Будильником, Сновидящий не может перемещаться во времени и месте, как Шу делала в остальных своих снах, — ответил Аксель.

— Это безумие, — произнесла Фейбл. — Что это еще за лиловая штукавина такая?

— Это защитник или же Замок этого сна. Это ж очевидно, Фейбл.

— Да? — Фейбл снова начала отчаянно заламывать себе руки. — Но должен, же быть какой-то способ, чтобы пробудится из любого сна, даже если он бесконечный. Магия всегда решает проблемы, вроде этой. Об этом там ничего не сказано?

Аксель оторвался от телефона и пожал плечами:

— Не сказано, — он отвел взгляд, не желая сообщать ей о том, что только что прочел. Единственный способ проснуться был безумным, и это наверняка огорчит Фейбл, так что он пока решил ей не говорить.

— Ты скрываешь от меня что-то еще, Аксель? — настаивала Фейбл. Зная, что далее Фейбл попытается выхватить у него из рук телефон Локи, Аксель удалил ту часть, которую

не хотел ей читать. — Что ты сделал, Аксель, — надулась она, выхватывая телефон.

— Ничего, — покачал он головой и продолжил жевать лягушку.

— Аксель, ты уверен? — вежливо спросила она, глядя на лиловый свет и задумываясь, хватит ли ей ума пройти сквозь него.

Аксель внимательно разглядывал его. Он знал, что его сестра довольно безбашенная, чтобы войти в свет. И если бы она только знала, что он только что прошел, у нее бы появилось еще больше причин сделать это. Его долг был защищать ее, и он не позволил бы ей узнать единственный возможный способ положить конец этому сну. Не смотря на то, как сильно он восхищался Локи и боялся Шу, его сестра имела для него, куда большее значение.

— Ты уверен, что можно доверять всем тому, что написано в Книге Охотника за Сновидениями? — спросила Фейбл, просматривая страницы, — я имею в виду, здесь, словно чего-то не хватает. Я уверена, что у каждого колдовства есть решение, но я просто не могу здесь ничего такого найти.

— С чего бы нам не доверять автору? — спросил Аксель. — Это тот же самый парень, что написал все главы, подписанные как В.Х.

Куда попадают люди, которые умирают во снах? Сны умирают вместе с ними? Опускаются ли они на уровень ниже в Мире Сновидений?

Шу вспомнила, как Локи рассказывал что Мир Сновидений представляет собой шесть уровней, а это был Первый Уровень Сна. Она задумалась, на что же тогда похожи остальные Пять Снов, и что если она проникла на Второй Уровень, когда умерла в Терновой Стене.

Почему на этом уровне Мира Сновидений так много пепла, и почему я до сих пор в сознании, если я умерла в своем же собственном сне?

Шу лежала на спине, глядя в голубое небо над головой. Его было едва видно, за завесой бесконечного пепла. Оно выглядело словно большое черное платье с крошечными дырочками, сквозь которые сочился лунный свет.

Пепел прилип к ладоням Шу, и она попыталась смахнуть его. Она закашляла. Пепел попал и ей в рот. Она приподнялась на локте, обнаруживая, что оказалась на кукурузное поле, сияющее слабым великолепным цветом — ярким оттенком золотого.

Это и есть загробная жизнь? Кукурузное поле?

Легкий ветерок овеял Шу, словно призрак, зашелестев растениями и оглаживая ее кожу. Ей нужно было подняться, чтобы получить более полный обзор. Поднявшись на ноги, она увидела, что кукурузное поле было просто гигантским, со всех сторон окруженное Терновой Стеной, за исключением маленького прохода вдалеке, от которого разлетался пепел. Ветер раздувал пепел и разносил его над кукурузным полем.

— Это Поле Сновидений, — пробормотала Шу. — Как я сюда попала? Кто сжег Терновую Стену?

Она огляделась по кругу, разыскивая Серену, но так и не нашла ее. Шу позвала ее так громко, как только смогла. Ее голос не отозвался эхом, приглушенный пеплом, которым был наводнен воздух.

— Господь Милосердный, — произнесла Шу. — Не позволяй чему-либо плохому случиться с Сереной.

Шу бежала словно сумасшедшая через Поле Сновидений. Что если Серена умерла и теперь лежала мертвая где-нибудь в кукурузе? Стебли тянулись далеко ввысь, так что ей пришлось присесть на корточки, чтобы отыскать ее. Шу пробовала бежать во всех направлениях. Кукурузное поле напоминало лабиринт. Желтый цвет бил по глазам, внушая ощущение потерянности, в контрасте с черным пеплом над головой.

Внезапно, Шу остановилась как вкопанная перед чем-то среди кукурузных стеблей. Такого прежде она никогда не видела. На спине в маленькой лужице лежала девушка. На девушке было надето красное платье, руки как у мумии сложены на груди. Шу опустилась на колени и увидела, что девушка дышит и спит крепким сном. Шу никогда прежде не видела, чтобы кто-нибудь так крепко спал мертвым сном.

Ты и сама спала так, как эта девушка, Шу. Попробуй вспомнить. Вся история Белоснежки вертится около этого момента, когда ты спишь в гробу и просыпаешься от поцелуя принца. Эта девушка напоминает тебя!

Шу уняла голос в своей голове. Она не могла припомнить, чтобы ее целовал принц или же, что она спала в гробу посреди леса... Единственный гроб, что она запомнила, был

хрустальный в Шлоссе.

По обе стороны от девушки стояли хрустальные урны, наподобие той, что прижимала к себе Серена. В одной урне была вода, другая же была наполнена песком, который был скорее зеленоватым, нежели желтым. Шу пригляделась. Песок был липким, и тогда она с любопытством попробовала воду, та была соленой и она выплюнула ее. Снова взглянув на девушку, она увидела, как несколько зеленоватых песчинок прилипло к ее закрытым векам.

— Эй, — Шу потрясла ее, — очнись. Ты видела Серену? Ты знаешь живая я или мертвая? — Девушка не ответила. Она была спящей красавицей.

Поднявшись, она увидела еще одну девушку в красном платье, спящую на водяном ложе с двумя урнами по обеим сторонам. Пару шагов спустя, она нашла еще одну девушку, затем еще одну. На Поле Сновидений было полно девушек.

— Серена! — закричала Шу, теперь уже паникуя.

Где-то среди кукурузных стеблей, Шу услышала голос, напевающий всякий бред. Это была Серена. По ее голосу можно было понять, что она дрожит.

— Лондонский мост падает, — напевала Серена, словно младенцу в колыбели. — Падает. Горит.

— Где ты, Серена? — закричала Шу, истерично бегая и перепрыгивая через спящих красавиц, которые попадались ей на пути.

— Розовое колечко. Карман полный роз. Пепел! Пепел! Мы все падем, — у Серены были галлюцинации. По звукам, у нее было либо сотрясение, либо что-то еще. — Лондонский Мост падает.

— Продолжай петь, — сказала Шу. — Только так я смогу найти тебя.

— Гори, гори, гори, — напевала Серена. — Я с радостью сгорю.

Наконец, Шу нашла ее. Серена сидела посреди кукурузного поля, усыпанная пеплом, падающим с небес. Она прижала ноги к груди, обхватив их руками, голову она неуклюже положила на колени. Она была обнаженной, прикрываясь лишь руками да золой, которая и без того постоянно скрывала ее синяки. Огненная аура ее волос была насыщенной. Ее волосы сами по себе выглядели странно: длиннее и растрепанней.

Шу осторожно приближалась, пока Серена мурлыкала себе под нос свои жуткие песенки. Она дрожала с влажными от слез глазами. Шу подумала, что прикоснуться с ней будет дуростью. У девушки был горячий нрав, а Шу хотела всего лишь помочь ей. Меньшее, что она могла сделать, это прикрыть ее какой-нибудь одеждой.

Шу вернулась к одной из красавиц и раздела ее. Что для одной достоинство, для другой стыд. Шу не оставила спящую красавицу совсем без одежды, она оставила ей корсет. Она заметила, что у девушки под одеждой тоже были синяки, но у нее не было времени, чтобы расследовать эту часть.

Шу устремилась к Серене с платьем. Ее волосы снова стали нормальными: светлыми, растрепанными и менее огненными. Она опустилась перед ней на колени и заглянула ей в глаза, чтобы та смогла узнать ее и позволить ей надеть на себя платье.

Если бы я только смогла понять, почему ты плачешь.

Заплаканные глаза Серены изучающе оглядели перепачканное пеплом лицо Шу, словно дитя, ищущее мать.

— Ты жива? — пропищала Серена, затем прыгнула Шу в объятия. — Ты жива, Радость! Я думала, ты умерла.

Шу упала, запутавшись в объятиях Серены.

Серена плакала, потому что думала, что я умерла?

— Когда Терновую Стену охватило огнем, я подумала, что ты умерла, — объяснила Серена, обхватив лицо Шу ладошками. — Я искала тебя повсюду. Где же ты была?

Шу вспомнила, что проснулась посреди Поля Сновидений, забыв о том, как оказалась там. Кто же знал, что произошло на самом деле? Кто поджог Терновую Стену и спас ее? Она сомневалась, что добьется ответов от Серены. Ее тоже спасли, как и Шу, и ни у одной из них не осталось ни единого воспоминания о том, что произошло.

Сдерживая слезы, и пытаясь устоять перед душераздирающими эмоциями Серены, Шу погладила ее по спине и села ровно.

— Тебе нужно одеться, — она показала Серене платье.

— Ой, — Серена покраснела, словно только что заметила, что она голая. — Мое платье загорелось, так что, полагаю, я его сняла.

Шу не стала подвергать вопросам достоверность ее истории. Серена надела платье, которое было ей велико, и побежала по полю вприпрыжку, словно малое дитя, радуясь обновке.

— Мне нравится, — произнесла она. — Оно цвета огня!

— У тебя есть соображения о том, что произошло, Серена? — Шу поднялась и вежливо спросила. Она удивилась, почему Серена сравнила красный цвет с огнем, а не кровью.

— Что произошло? — Серена огляделась, моргая, будто бы пытаясь вспомнить. — Ты имеешь в виду Терновую Стену?

— Да, Серена. Кто спас меня? Кто устроил поджог?

— Я... - Серена выглядела так, будто бы на самом деле пыталась вспомнить. — Я не знаю. Ты начала танцевать, и тебя чуть не убили. Я хотела помочь тебе, но ты сказала мне держаться подальше. Я не знала что делать. Я продолжала кричать твое имя. Я даже пыталась найти тебя, но шипы остановили меня, а потом внезапно...

— Внезапно, что, Серена?

— Терновая Стена загорелась, и я... думаю, я умерла. Послушай, ты жива, — сказала Серена. — Вот что важно.

— Да, тут ты права, — ответила Шу, зная, что она только что могла умереть в ее сне. — Что меня и вправду беспокоит, то, что Терновая Стена приняла меня за чужака. Я люблю Скорбь. Я родилась здесь. Я проклятая принцесса.

— Твой отец сын Ночной Скорби, Радость, — ответила Серена. — Ты и твой отец до сих пор являетесь собой угрозой для всей Скорби, пока ты не научишься контролировать себя и не займешь нужную сторону. Так мне сказала о тебе русалка.

— Я УЖЕ выбрала сторону, — возразила Шу. — Я сражаюсь за хороших людей, против всего зла.

— Не думаю, что все так просто, — сказала Серена Шу. — Я имею в виду, что ты до сих пор питаешься человеческой кровью. Впрочем, не беспокойся, я уверена, в конечном счете, Терновая Стена примет тебя. Кроме того, теперь, когда ты прошла ее, мы сможем раздобыть третий ингредиент для Сердца. Песок! — она всплеснула руками.

— Как это так? — У Шу не было иного выбора, как плыть по течению.

— Дай я тебе покажу, — Серена подбежала к месту, где она спрятала свою хрустальную урну и Шу последовала за ней. Она подошла к одной из спящих красавиц, затем опустилась на колени и осторожно погладила ее по голове. — Разве она не прекрасна? — трепетно произнесла она.

— Они все прекрасны, — произнесла Шу. — Кто они такие?

— Засони, — сухо ответила Серена. — Они поддерживают жизнь в Поле Сновидений.

— Как такое может быть? Они спят, а выглядят почти мертвыми.

— Потому что каждая из них заколдована спать сто лет, — объяснила Серена.

— Как так? И почему?

— Это девушки, убитые Кармиллой, — пояснила Серена. — Кто-то, очевидно, сам Песочник, перенес их сюда. Потому то, если ты заметила, у них ушибы и порезы под платьями. У некоторых есть следы укусов на шее.

— Зачем Песочник принес их сюда? — Шу стало любопытно.

— Чтобы возродить их, — ответила Серена. — Поле Сновидений — волшебное место Искусства. Оно способно возродить к жизни несправедливо убитых.

— Но они спят, Серена, — заметила Шу.

— Помнишь, я говорила тебе, что магия имеет цену? — спросила Серена. — Для того, чтобы они смогли ожить, им придется проспать в кукурузном поле сто лет. Они заплатят свою цену тем, что подпитывают поле, а через сотню лет проснутся и получают шанс на вторую жизнь. До тех пор, пока они не проснутся, они в безопасности. Серена бросила взгляд на Промежуточное Поле, которое со всех сторон было окружено Терновой Стеной.

Шу проследила за ее взглядом, замечая сгоревшую часть Терновой Стены.

— Что случится с проходом в Терновой Стене? — спросила она.

— Думаю, он зарастет сам по себе, как только мы уйдем, — произнесла Серена. — Иди сюда, я покажу тебе, что здесь делают все эти девушки, — она усадила Шу на колени рядом с собой.

— Ты имеешь в виду ту цену, которую они платят, проводя сто лет в спячке, пока не проснутся? — удивилась Шу.

— Видишь урны по обеим сторонам, одна из них наполнена водой, вторая песком? — показала Серена.

— Да.

— Всем Засоням снятся сны. Думай о них, как о растениях Поля Сновидений. Они кормят Поле Сновидений своими снами. Сны, что им снятся, могут быть как хорошими, так и кошмарами. Те, кто видит кошмары, плачут и получают Прекрасные Слезы. Те, кто видит хорошие сны, в глазах образуются песчинки, как и у всех нас, когда мы спим. Этот песок зовется Прекрасные Пески.

— Какой прок в песке и слезах?

— Когда урна полна влаги, она переливается, впитывается в землю и тем самым помогает кукурузе расти, — ответила Серена.

— А песчинки у них в глазах... я имею в виду песок, — Шу была заинтригована.

Серена набрала полный кулак песка и показала его Шу.

— Это необычный песок. Это третий ингредиент элемента Сердце, — она набрала полную хрустальную урну. — Элемент Сердце завершен.

— Все очень странно, Серена, — сказала Шу. — Я имею в виду Поле Сновидений, девушек и песок у них из глаз.

— Это не странно. Это прекрасно. — Возразила Серена. — Этот песок принадлежит Песочнику. Он владеет этим полем.

— Ты рассказывала мне об этом.

— Ты ведь знаешь Песочника, который прокрадывался к нам в спальню, когда мы были

совсем детьми и сыпал нам на глаза песок, чтобы мы смогли видеть сны? Как думаешь, откуда он берет песок? Отсюда, с Поля Сновидений.

— Сейчас Песочник где-то здесь? — любопытно прошептала Шу. — Я имею в виду, мне бы хотелось увидеть его.

— Повзрослей, Радость, — ответила Серена. — Он же Песочник. Его нельзя увидеть. Это разрушит весь смысл его существования.

Шу подумала, что история получится многообещающей, ведь она жила в мире где Белоснежка была вампиром, а путешествие между снами было возможным, однако, она не помнила, чтобы слышала нечто подобное, когда была ребенком. Сама идея того, что Песочник спас девушек, убитых ее матерью, казалась благородной, но она все же думала, что столетнее кормление поля слишком большая цена для расплаты.

Подумай об этом, Шу. Девушкам дадут второй шанс. Они не против проспать сто лет.

Она решила, что Засони были не столь важны. А вот Серена определенно была. Что беспокоило ее больше всего, так это то, что как Серена узнала о зловещих растениях Рапунцель, Поле Сновидений и Песочнике.

— Послушай меня, Серена, — Шу схватила ее за плечи. — Я никогда не встречала никого, кто бы знал обо всех этих вещах. Мне нужно знать, откуда ты узнала обо всем этом.

— Я же сказала тебе, я прочла множество книг в школьной библиотеке, — небрежно ответила Серена. — Ты знала, что она на самом деле называется "Сказки на Нучь"? — хихикнула она. — Две буквы "О" в середине являют собой две пары глаз, что пялятся на тебя из-за книжных полок. Они принадлежат слепцу по имени Скелиман. (прим. Пер. в оригинале Сказки на Нучь выглядят как Bedtime Stoories. Двойное oo производит на русский язык звук «у», потому и Сказки на Нучь).

— Мне жаль, Серена, но я не верю, что ты узнала обо всем этом в "Сказках на Нучь", — ответила Шу, не обращая внимания на все те странные детали, что та упомянула. Она хотела знать, каким образом Серена добыла свои бесценные знания. — Если все эти секреты так легко найти, я уверена, что в моей семье найдется кто-нибудь, кто знает о них. Я ведь Принцесса Скорби, помнишь? Моя семья основала это королевство. Мне жаль называть тебя лгуньей, поскольку я просто уверена, что ты узнала все это не из библиотечных книжек.

Серена потеряла оправу урны, пряча взгляд от Шу. Шу нежно приподняла ее подбородок.

— Ладно, — вздохнула Серена. — Я узнала обо всем этом от Бьянки, — она сказала все это вполголоса, будто бы стыдилась, словно Бьянка была некой злодейкой.

— Кто такая Бьянка? — Шу нужно было подтвердить свои подозрения.

— Моя мама, — Серена наклонила голову, уголки ее губ дернулись.

Будь осторожна, Шу, когда ее губы дергаются, в противном случае, ты снова можешь ее потерять.

— Я думала, ты сирота.

— Так и есть, — ответила Серена. — Ты бы не поняла.

— Я пойму. Все, что тебе нужно сделать, это доверится мне, как я доверилась тебе проходя Терновую Стену, — Шу опустила тот факт что ей доверять все же не следует, но она знала, что не причинит Серене вреда.

— Моя мать мертва! — Серена подскочила, искорки гнева снова вспыхнули в ее глазах.

— Так она научила тебя всему этому, когда ты была меньше? — Шу поднялась. Ей нужно было надавить на нее, чтобы узнать больше.

— Нет, — Серена топнула ножкой. — Я же говорила, что ты не поймешь. Бьянка умерла давным-давно, когда мне было три года.

— Это не имеет смысла, Серена.

Серена не ответила.

— Если Бьянка умерла давным-давно, как она рассказала тебе обо всем этом?

— Во снах, — произнесла Серена, все еще стоя спиной к Шу.

— Понятно, — кивнула Шу, не смотря на то, что итог ее вовсе не удовлетворил. Может ее мать была призраком, или еще одним Охотником за Сновидениями? — Ты знаешь фамилию Бьянки или чем она зарабатывала себе на жизнь?

— Она... — Серена начала дрожать. — Она...

Шу знала, что она надавила слишком сильно, но ее уже было не остановить.

— Поговаривали, она была своего рода ведьмой! — Серена отвернулась, на грани срыва. Призрачный ветерок овеял кукурузное поле и где-то вдалеке ударила молния, освещая пепел повисший в воздухе. — Ты довольна? Она сжигала вещи, множество вещей. Даже сжигала города. Они сожгли ее на костре! Так они сжигали и унижали множество ведьм. Гори! Гори! Гори! — Серена, обняв урну, побежала к Терновой Стене, ее красное платье развевалось над желтой кукурузой и пеплом.

— Отличная работа, Шу, — пробормотала Белоснежка, злая на саму себя. Ей не следовало так сильно давить на нее. Ей следовало быть осторожней с того самого раза, когда Серена впервые убежала, когда она начала задавать много вопросов.

Вид плачущей и убегающей Серены разбил ей сердце. Замерев на месте, Шу наблюдала, как она исчезает в проходе Терновой Стены. Не было смысла сейчас бежать за ней. Серене было больно, и она сомневалась, что сможет помочь ей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Призрачный ветерок закружился у ее ног, и она ощутила опасность, одна в поле со спящими красавицами. Когда Серена ушла, Шу ощутила, как за ней наблюдают. Что-то помимо девушек скрывалось в этом кукурузном поле, быть может даже в Терновой Стене. Шу начала медленно приближаться к проходу, думая, что если это была Бьянка. Каждый ее шаг отдавался сонным эхом. Она не осмеливалась оглянуться, но была уверена, что кто-то преследует ее. Она проглотила комок в горле. Она ускорила шаг.

Кто у меня за спиной?

Она побежала, чьи-то шаги последовали за ней. Шу споткнулась об одну из спящих красавиц. В этот самый момент, ей пришлось в голову, что кто бы ее не преследовал, они давно следили за ней. Устояв на ногах, она обернулась к тому, чтобы там не было.

Помни, что ты Дампир. Тебе не пристало бояться.

Шу не увидела ничего, кроме желтой кукурузы, и дымчатых образов кустов вдалеке.

— Локи! — закричала Шу изо всех сил, думая, что это он и преследовал ее, — Чего же ты ждешь? Я здесь!

Ничего.

Никто не отозвался, даже злобный Охотник. Шу выдохнула и обернулась. Она медленно приближалась к проходу в Терновой Стене. Она снова услышала шаги позади себя. Побежав, она проскочила в проход в Терновой Стене: он был довольно широкий, а ближайшие шипы не могли до нее дотянуться. Вышло так, что она пробежала сквозь проход, словно на быстрой лошади.

Наконец, Шу вошла в Черный Лес. Ей удалось на мгновение оглянуться и она, наконец,

увидела вдалеке кого-то в черном плаще. Кто бы это ни был, они ехали не на единороге, а преследовали ее шагом и остановились, как только она оглянулась. С такого расстояния, узнать людей было просто невозможно. Они молчаливо наблюдали за ней, ожидая. Их молчание поползло по коже Шу в виде гусиных мурашек. Она повернулась и побежала так быстро, как только смогла, надеясь, что сможет вспомнить обратную дорогу к Шлоссу. Пятьдесят шагов спустя, она запнулась о дерево и, ударившись головой, потеряла сознание. Ее преследователь приблизился.

Девушка в Хрустальном Башмачке

Шу открыла глаза и увидела вместо человека в черном плаще, который преследовал ее, Королеву Скорби. Шу сразу поняла, что она проснулась в другое время, потому что возле Кармиллы было ее любимое зеркало, а это означало, что она уже встретила Кровавую Мэри. Все остальные зеркала в комнате Шу были накрыты белыми простынями, так чтобы они не смогли отразить истинную сущность Кармиллы. Шу наблюдала, как она поправляет свою корону и заплетенные волосы в своем любимом зеркале. Кровавой Мэри не было и в помине.

— Нам нужно поговорить, — произнесла Кармилла, сидя на краешке огромной кровати Шу.

Шу выпрямилась, не сказав ни слова. Она решила послушать, что сперва скажет сама Кармилла.

— Я знаю, ты одинока, Шу, — начала Кармилла, — из-за того, что ты отчасти вампир, мы были вынуждены оградить тебя от всех и каждого для твоего же блага. Скоро ты будешь исцелена. Тебе лишь нужно набраться терпения

Шу была Дампиром, которому, прежде всего, нужно было кормиться, тогда, как Кармилла жестоко убивала юных девушек забавы ради. Шу готова была накричать на нее и сказать ей, что ее положение совершенно ничтожно по сравнению с королевой, но она сдержалась

— Однако, это еще не значит, что я позволю тебе дружить с той Рабыней. Как там ее зовут, Табула? — Кармилла щелкнула пальцами в перчатках, не глядя на нее.

— Чи-ре-ни, — ответила Табула, она сложила перед собой руки, одна на одну, подбородок почти касался груди.

— Да, Серена, что это за имя такое? — Королева закатила глаза. По какой-то причине, Шу показалось, что Королева знает Серену, и только делает вид, что не знает. Это было видно по ее хитро сверкающим глазам. Ощущая неловкость под пристальным взглядом Шу, Королева изменилась в лице, казалось, что имя напомнило ей о чем-то — Разве это не итальянское имя? — сказала она с ухмылкой.

Итальянское? Шу поморщилась. Серена итальянка?

— Ты когда-нибудь слышала о Римской Империи, Табула? — задала вопрос Кармилла.

— Я слышала, как король упоминал о ней, — ответила Табула. — Он сказал, что закончилось это тем, что ее назвали Италией. Что это значит, ваше величество?

— Италия, это остров, по форме напоминающий башмачок, — Кармилла смахнула что-то с матраса Шу кончиками пальцев, — Есть миф, который гласит, что Создатели Мира создали Италию по образу и подобию хрустальной туфельки. Довольно, романтическое понятие утверждали б некоторые.

Шу не понимала, почему Кармилла впивается в нее взглядом. Казалось, что она хотела, чтобы Шу прочитала скрытый смысл в ее словах.

Откуда она знает так много о Рабыне, и что такого особенного в иностранном государстве в форме башмачка?

— Но почему Создатели Мира даровали ему подобную форму? — спросила Табула, — Это довольно странно, создавать королевство в форме обуви, в этом нет ничего романтического.

Шу знала, что Табула была иммигранткой с довольно изысканных земель в Восточной Области мира, где сравнение кого-либо с обувью было просто оскорблением.

— Неправильный вопрос, Табула, — ответила Кармилла. Она разглядывала свои ногти, время от времени поглядывая на Шу, — Создатели всегда правы. У них есть причина на все происходящее, даже на наши страдания.

— Тогда, если позволите спросить, какой вопрос будет верным, ваше величество? — спросила Табула.

— Для начала, почему башмачок один, а не два, — губы Кармиллы медленно расплылись в улыбке, — Ты никогда не замечала, что все в этом мире имеет свою пару?

— Что вы имеете в виду, ваше величество? — осторожно поинтересовалась Табула, немного волнуясь, почему Королева обращалась именно к ней. Кармилла редко разговаривала со своими служанками. Даже сегодня, она на самом деле не разговаривала с Табулой. Она передавала Шу сообщения через Табулу.

— Практически все в этом мире имеет свою пару, — повторила Кармилла, — обувь, семейные пары, глаза, ночь и день, солнце и луна, и даже добро и зло пребывает в паре. Я думаю, что так вселенная таинственным образом пытается создать некий баланс. Почему тогда только один башмачок? Разве ты не согласна, Шу? — она оглянулась на Принцессу Скорби.

Шу ничего не ответила. Она молчаливо хотела, чтобы Королева ушла, чтоб иметь возможность расследовать этот сон дальше, но никто не осмеливался уйти, пока разговаривала Кармилла.

— Я расскажу тебе почему, — произнесла, наконец, Королева, — существует старинная история, которую мне рассказывали, когда я была еще ребенком, в замке моего отца в Штирии. Это была история о бедной девушке, которая жила со своей мачехой и сводными сестрами. Конечно, как и во всех скучных сказках, ее сводные сестры были злыми, а эта бедняжка была наивна, — закатила глаза Кармилла, — Однажды, бедная девушка захотела посетить бал, чтобы встретить прекрасного принца, в которого она влюбилась бы без памяти — помнишь вкусного принца, Шу? Однако, злая мачеха и две противные сестры не позволяли ей пойти на бал. Знаешь почему? Потому, что бедняжка была намного красивее своих сестер. Зловредные сводные сестры боялись, что она обратит все внимание принца на себя, если она появится на балу, поэтому они заманили ее в ловушку, в маленькую тесную комнатку, пол которой был покрыт золой из камина, а сами преспокойно отправились на бал. Не секрет, что остальная часть истории до боли предсказуема, — вздохнула она, приложив руку в перчатке к сердцу, — Крестная Фея — без Крестной Феи никуда, — прошептала она, наклонившись, и подмигнула Шу, — Крестная Фея появилась и помогла бедной девушке с платьем и каретой, чтоб у той была возможность засветиться на балу. Конечно же, принц безумно влюбился в нее, даже не спрашивая ее имени. Любовь с первого взгляда, знаешь ли, и все такое. Девчонка должна была возвратиться домой до полуночи, страшась наказания мачехи, ведь та снова могла запереть ее в комнате с золой. И, наконец, мы подошли к самой важной части, когда она теряет на балу башмачок, — Кармилла сверкнула глазами, медленно выговаривая каждое слово и изучая реакцию Шу.

Шу показалось это забавным, по сравнению с тем, как она рассказывала начало сказки. Она говорила быстро, не заостряя внимание на деталях или страсти в ее голосе, будто она читала список покупок.

— В конечном счете, лишь один единственный башмачок помог принцу обрести свою

потерянную любовь. Он ходил по городу, предлагая каждой девушке померить башмачок, обещая, что он женится на той, которой он подойдет — какой глупый принц, должна я сказать.

Шу задумалась, почему Королева рассказывала ей эту историю, если она думала, что она так предсказуема, и ненавидела ее всей душой.

— И то верно, не принц, а дурень, — Кровавая Мэри внезапно появилась в зеркале, прорывчав своим хриплым голосом.

Шу прижалась спиной к спинке кровати и отвернулась. Кровавая Мэри была молодой, но по-настоящему уродливой и страшной.

— Заткнись, Мэри, — строго сказала Королева, — Вернись туда, откуда, черт возьми, ты пришла. Ты пугаешь мою дочь.

— Как пожелаете, моя Королева, — Кровавая Мэри исчезла из зеркала, и Кармила снова принялась любоваться своей красотой.

— Так, где я остановилась? — спросила она, поправляя корону.

— Глупый Принц, ваше величество, — напомнила Табула, — Я предполагаю, он, в конечном счете, нашел ту бедняжку.

— Ах, да. Одна из двух злых сестер, будучи не в состоянии смириться с тем, что принцу понравилась ее сводная сестра больше, отрезала себе большой палец ноги. Ты можешь в это поверить? Мелкое отродье отрезало свой палец, чтобы принц выбрал ее. Я всегда была скептически настроена по отношению к тому, как изображались девушки в подобных сказках: беспомощные, обездоленные, боятся остаться в одиночестве и никогда не выйти замуж.

— Вы правы, ваше величество, — прокомментировала Табула, — женщины должны быть намного сильнее. Сводная сестра поступила просто ужасно.

— Ну, давайте не будем слишком строгими к маленькому отродью, — Кармила взмахнула рукой в воздухе, — Я сделала нечто хуже отрезанного пальца ради Ангела, ... я отдала ему свою плоть и кровь. Верно, Шу?

Шу кивнула, взволнованная неприличным подтекстом Королевы.

Конечно, ты сделала хуже, ты — детоубийца!

— Так, где я опять остановилась? — поинтересовалась Кармила.

— Девчонка отрезала себе палец, — хихикнула Кровавая Мэри из зеркала, по-прежнему не показываясь.

— Я знаю, ты любишь эту часть, Мэри, — сказала Кармила, — Таким образом, не смотря на то, что целый мир ополчился против принца и бедной непорочной девочки, глупый, несчастно влюбленный юнец, в конечном итоге нашел ее в доме мачехи.

— Разве башмачок не подошел ее сводной сестре? — Шу, наконец, проявила интерес.

— О, я забыла сказать тебе. Голуби предупредили принца по поводу сводной сестры и заставили его обратить внимание на ее ногу после того, как она померяет башмачок. Принц увидел, что у сводной сестры шла кровь из пореза, и сразу понял, что она была самозванкой.

— Она получила по заслугам, ваше величество, — сказала Табула.

— Да, так и есть, но разговор не о сводной сестре. Она здесь отнюдь не главный персонаж, — заявила Кармила, — Итак, в конце концов, любовь, в ее наиболее шаблонном проявлении, разлетелась по маленькой Италии в качестве сладкой сказочки на ночь. А Создатели хлопали в ладоши, аплодируя девчонке, которая вышла из грязи в князи, и завоевала сердце принца, — Кармила элегантно хлопнула своими одетыми в перчатки руками, едва соприкасаясь ладонями.

— Так в чем же смысл этого скучного рассказа, мама? — осмелилась спросить Шу.

— Я всегда любила твою нетерпеливость, Шу. Ты знаешь, что нетерпеливые девочки всегда поучают желаемое, не так ли? — сказала Кармила, — Вот смысл истории о хрустальном башмачке: я сказала тебе, что Крестная Фея дала ей пару хрустальных башмачков, верно? Иными словами, любовь между принцем и девочкой заставила Создателей плакать, — она сделала вид, что вытирает слезы с глаз, как это делали актрисы пантомимы в старых черно-белых фильмах. — Создатели решили увековечить их любовь, изменив очертания Италии таким образом, чтобы он походил на башмачок, в знак вечной памяти о том башмачке, который спас истинную любовь.

— То есть это история о том, какой стала Италия, — сказала Табула, — теперь я поняла.

Шу задумалась, не имела ли Кармила в виду Серену? Но как это возможно? Эта история произошла несколько веков назад. Быть может, она говорила о Бьянке, или предках Серены.

— Итак, вернемся к этой Рабыне, — сказала Королева, — ее имя на итальянском языке означает «Пепел». И, в действительности, прекрасно ей подходит, — добавила Кармила, — Она живет в нищете, будет жить в нищете, и умрет в еще большей нищете. Я лишь рассказала тебе эту историю, чтоб ты знала, что единственное, чего она хочет, это встретить принца. Она хочет встретить принца, чтобы разбогатеть, не заслуживая того. Ее дружба с тобой не настоящая. Она играет с тобой. Я не хочу, чтобы тебя одурачила какая-то там Рабыня.

Шу не собиралась спорить. Теперь она хотела знать о Серене еще больше.

— Я не хочу даже слышать о том, что ты снова с ней разговаривала, поняла? — сказала Кармила.

— Конечно, мама, — ответила, наконец, Шу, задумываясь, где же теперь Серена.

— Хмм, — Кармила слегка наклонилась, заглядывая Шу в глаза, будто пытаясь увидеть что-то за ними, — вежливость не одно из твоих достоинств, принцесса. Интересно, не пытаешься ли ты меня сейчас одурачить. Ты знаешь, что последствия будут страшны, если ты не сделаешь так, как хочу я. — она погладила Шу по щеке.

Слова Кармиллы загнали Шу в тупик. Кармила устраивала некое показательное выступление, с целью предупредить ее про поддельную игру Серены в дружбу. Она знала, что Шу упрямая, и ее предупреждения только подтолкнут ее нарушить правила и встретиться с Сереной снова. Какой Кармилле с этого прок?

— Ты знаешь, что я должна быть уверена в твоём питании, поэтому ты не должна меня снова избегать, поверь мне, — произнесла Кармила, показывая ей маленькую коробочку в форме печени, — Посмотри, что мамочка тебе принесла, — сказала она, открывая коробочку.

Шу посмотрела внутрь коробочки, и была просто ошеломлена: ее тело непроизвольно потянулось вперед, ее клыки удлинились. Шу уставилась на свежую печень.

— Она спелая, — сказала Кармила, — и молодая, — она облизала губы, — я хочу кормить тебя только самым лучшим, дорогая.

Шу поднесла печень ко рту и впилась в нее, высасывая кровь досуха. Она не знала, каким именно образом печень удалось сохранить. Она больше напоминала мешочек, наполненный кровью. Кровь утолила жажду Шу, и она почувствовала вину, за то, что ей это понравилось.

Это сон, воспоминание, ничего больше, напомнила она сама себе. Королева кормила ее,

дожидаясь ее шестнадцатого дня рождения, когда она сможет или превратить ее в вампира, чтоб та боролась на стороне Ночной Скорби, или же убить и съесть ее сердце, если она не повинуется.

— Хорошая девочка, — похвалила ее Кармила, немного поморщившись из-за капель крови, которые брызнули ей на лицо. Она планировала кормить свою опасную дочь из дня в день, пока не наступит ее день рождения. — Я сегодня же пришлю к тебе Госпожу Готель, чтобы взвесить твое сердце, — сказала Кармила, — Будь добра к ней, и не кусай ее, как в прошлый раз, — она нежно погладила свою дочь по голове, и вытерла остатки крови с ее губ красным платком.

Кто я, черт возьми, такая? Что в действительности означает быть Дампиром? Если я питалась таким количеством людей в прошлом, и если я убивала всех тех подростков в Шлоссе, как я могу быть прощена? Как я могу оказаться хорошей?

Кровь вошла в вены Шу как наркотик, и ей это понравилось. Это была ее сущность, и это объясняло, почему Терновая Стена хотела ее убить. В конце концов, она была из семейства Сорроу, и ей предстояло сделать большой выбор, быть с Сорроу, или же бороться с Сорроу.

— Что ты имеешь в виду под «взвесить твое сердце»? — спросила Шу.

Лицо Кармиллы слегка нахмурилось. Она старалась минимально показывать какие-либо эмоции, будто бы не желая лишней раз морщить свое прекрасное лицо. Ведь она столь усердно над ним работала: убивала девушек и купалась в их крови каждую неделю, чтобы оставаться красивой. Она не могла позволить своей красоте пойти псу под хвост, однако ради дочери, она ласково улыбнулась:

— Твое сердце нужно взвешивать каждую неделю. Больше никаких вопросов. Я предоставляю тебе питание и жилье, и частное обучение, как хорошая мать. Взамен, я хочу, чтобы ты делала все, как я скажу без лишних вопросов. Договорились? — Шу кивнула.

Тон Кармиллы был устрашающим. Она без единой эмоции улыбнулась своей послушной дочери, затем медленно поднялась, бросая взгляд на часы. Она никогда ничего не делала второпях. Она осторожно отряхнула свое платье, будто она набралась микробов, пока сидела на кровати со своей дочерью, затем повернулась и вышла с комнаты.

— И не беспокойся о Мистере Одли Тьюне, — донесся ее голос уже из коридора, — Он и его смехотворное имя покоятся с миром.

Шу поморщилась. Ну и как можно скрыть хоть что-нибудь от Королевы?

— Кто-нибудь приготовит мне ванну? — велела она остальным слугам снаружи.

— Зачем ей взвешивать мое сердце, Табула? — спросила Шу, когда ее матери уже не было.

— Ах, — Табула заикалась, боясь глядеть Шу в глаза, — мне лучше уйти, принцесса.

Она наблюдала за тем, как Табула вцепившись в зеркало Королевы, вышла с ним комнаты, закрыв за собой дверь.

Шу прошлась, чтобы раскрыть одно из зеркал в ее комнате и рассмотреть свое отражение. Она была вся растрепана.

— Кто я, черт возьми, такая? — снова пробормотала она, — и почему я не могу вспомнить, зачем они взвешивали мое сердце? Как вообще можно взвесить чье-то сердце? — она хмуро уставилась на собственное отражение.

Не смотря на то, что она видела в зеркале саму себя, в то же самое время в своем отражении она видела незнакомку. Люди склонны думать о себе, как о хороших и

отзывчивых, пока они не посмотрят в зеркало, и не обнаружат кровь на своих руках. Конечно, именно тогда они решают пойти и купить другое зеркало.

В течение долгого времени Шу стояла перед зеркалом в плену тишины своей комнаты. Внезапно она услышала звук, словно стены трескались. Это был странный звук, словно внутри них кто-то был. Встревожившись, она окинула большую комнату испуганным взглядом. (перевод выполнен специально для группы «Мир Фэнтези»)

Принцесса и Нищенка

Звук становился все громче. Уголкем глаза, она увидела пару черных ботинок за шторами. Здесь кто-то был, подслушивал; быть может, тот самый человек в черном плаще с Поля Сновидений. Шу сперва остановилась как вкопанная, но быстро решила, что с нее довольно и поспешила отдернуть шторы и разоблачить эту загадочную персону.

На середине комнаты, она услышала, как кто-то окликнул ее.

— Радость!

Шу замерла на месте и обернулась. Она увидела Серену, которая вылазила из камина с метлой в руке. Вот кто шумел за стенами, Серена как всегда появлялась через камин.

— Хватит пялиться, иди сюда и помоги мне, — произнесла Серена.

Шу протянула ей руку. Серена сперва забросила в комнату свою метлу: та была весьма необычной, тяжелой и сделанной из некой разновидности железа. Она потянула Серену изо всех сил и вытащила ту из камина, взметнув облако золы в шикарную комнату. Серена выглядела так, словно работала в угольной шахте.

Что же изменилось? Все та же Серена, вся в саже, как и всегда.

— Спасибо, — поблагодарила Серена. — Тебе нужно заставить кого-нибудь из слуг почистить этот свой камин.

— Ну, конечно же, Серена, — кивнула Шу, наклоняя голову и хихикая.

— В нем полно мертвых белок. Если тебе удастся убедить Королеву, я, правда, смогу разгрести этот беспорядок, — произнесла Серена. — Как в таком прекрасном замке может быть такой отвратительный камин?

— Все равно, что ты там делала?

— Хотела сделать тебе сюрприз, — Серена подхватила свою метлу и улыбнулась ей. Шу не смогла разглядеть на ее лице практически ничего кроме зубов.

Внезапно Шу вспомнила, что кто-то скрывался за шторами. Серена случайно отвлекла ее. Когда она обернулась, его уже и след простыл. Она отдернула штору и выглянула в окно, но не увидела никого знакомого.

— Ищешь что-нибудь? — спросила Серена.

— Ничего. Не волнуйся.

— Так тебе понравился мой сюрприз? — спросила Серена.

У Шу мгновенно потеплело на сердце от того, как она спросила об этом.

— Мне понравился твой сюрприз, и я рада, что ты на меня больше не сердишься, — ответила она с искренней улыбкой. — Но тебе все равно не помешало бы искупаться. Ты будто из-под земли вылезла, во всей этой золе.

— Ты тоже не выглядишь такой уж злодейкой во всей этой...., - Серена сдержала улыбку. — Крови.

Шу рассмеялась от всей души. К ней присоединилась и Серена. Не смотря на то, что одна из них была принцессой, а другая служанкой, у них обеих было много общего. В самый разгар веселья, Шу увидела шрам на шее у Серены. Этот шрам отличался от всех прочих. Это был кус, который Серена тщательно прятала под слоем сажи.

— Кто сотворил с тобой такое? — Шу оборвала свой смех и нежно провела рукой по шее Серены. — Поговори со мной, Серена. Я не отпущу тебя, пока ты не расскажешь мне об

этом. Кто сделал это с тобой?

— Я ведь Рабыня, помнишь? — она отодвинулась, держа свою метлу словно трость.

— О чем ты говоришь? — Различные непристойные сцены пронесли у нее перед глазами. Что они сделали с ней? Кто они? — Я думала, Рабыня означает...

— Это означает, что я рабыня. Я лишь делаю то, что от меня требуют хозяева, — перебила Серена, — даже, когда они хотят есть. Почему тебе так трудно смириться с этим?

— Кто пил твою кровь? — поморщилась Шу.

— А ты как думаешь? В этом замке лишь двое сумасшедших, — ответила Серена, вытирая лицо простынями с кровати Шу. Она сделала это не задумываясь о последствиях, ведь она не знала, что Королева запретила Шу общаться с ней.

— Двое? — удивилась Шу. — Ты имеешь в виду Короля и Королеву?

— Я имею в виду тебя и Королеву, — Серена высморкалась в простыню.

— Ты хочешь сказать я сумасшедшая? — улыбнулась Шу.

— Все думают, что ты своего рода монстр, — ответила Серена. — Я это знаю наверняка. Я помогала тебе закапывать одну из твоих жертв.

— Одли Тьунс не был жертвой, — Шу подалась вперед. — Он был оборотнем. Сколько раз мне напоминать?

— Ты пила его кровь, Радость, — ответила Серена, утирая ее зубы той же простыней. — Но я не ненавижу тебя. Быть монстром хорошо. Потому что ты сможешь дать отпор тем, кто хочет обидеть тебя, — сказала она. — И, быть может, тем, кто захочет сделать мне больно, — пробормотала она себе под нос, но Шу услышала ее.

Как тут не восхищаться Рабыней, которая сидит на моей кровати, пользуется моими простынями, словно туалетной бумагой и называет все своими именами, а потом еще говорит, что прощает меня и не ненавидит?

Шу села рядом с ней:

— Королева часто пьет твою кровь?

— Не знаю. Когда ей необходимо, — ответила Серена, доставая свою хрустальную урну из недр платья. Она прижала ее к груди, укрыла листьями и поверх всего этого завязала узел из виноградной лозы.

— Ты ведь знаешь, что она зверски убивает юных девушек и купается в их крови, да? — спросила Шу, пытаясь произнести все это как можно мягче. Ее душа дрогнула, от мысленных образов того, что вытворяла Королева.

— Знаю. Я видела это, — ответила Серена.

— Видела?

— Я разузнала большую часть потайных ходов и дверей замка, — Серена сверкнула глазами.

— Могу себе представить, — ответила Шу. — Хотя я все думаю, почему Королева оставила тебя в живых

— Что ты имеешь в виду?

— Разве это не очевидно? Она без колебаний принимает ванны из крови невинных девушек, — ответила Шу. — Так почему же она не прикончила тебя?

— Быть может, она считает меня хорошей домработницей? — предположила Серена, в ее глазах появилось сомнение, пытаясь выяснить почему. — Однажды я стану младшей служанкой, как Табула.

— Я сомневаюсь, что у нее есть подобное намерение, — ответила Шу.

— Нам обязательно говорить обо всем этом? — спросила Серена. — Я пришла, чтобы показать тебе свою магию! — Перед собой она держала свою хрустальную урну.

— Я очень хочу увидеть твою магию, — заверила ее Шу, но она до сих пор думала, почему Кармила пощадила Серену.

У нее промелькнула мысль, что если Серена захочет разоблачить Королеву, никто ей не поверит. Ей некому было рассказать об этом, никто не уважал ее, а тем более, если ее мать сожгли как ведьму, будет проще простого обвинить Серену в том же самом. Теперь она поняла, почему Табула отправила ее отмыть Шу, когда та укусила принца. В Королевстве Скорби Серена была никем. Если ее убьют, никто не кинется на поиски.

— Ты все еще думаешь, почему Королева Скорби помиловала меня? — нарушила тишину Серена.

— Так у тебя в самом деле есть идеи? — спросила Шу.

— Да, — Сирена посмотрела по сторонам, высматривая тех, кто смог бы их подслушать, затем подалась вперед, — Королева хочет завладеть моим Искусством!

— Оу? — Шу изогнула бровь. — Думаешь, твое Искусство так ценно?

— Понятия не имею, — лицо Серены вспыхнуло под слоем сажи, наклонив шею, а руки сжались в кулаки. — Мое Искусство поразительно!

— Хорошо, тогда пора бы уже тебе показать мне его. — Хотя Шу предпочла бы, чтоб Серена просто рассказала ей, что это такое. Впрочем, ей и самой было интересно, что Серена собирается ей показать. Разумно было полагать, что Искусство заслуживало ожидания и напряжения. Что же такого было у Серены, что Королева сохранила ей жизнь?

Размышления Шу лишь подтверждали фальшь Королевы, когда та предупредила ее не путаться с Сереной. Фактически, Королева рассказала ей ту итальянскую сказку неспроста, а затем чтобы натолкнуть Шу на некие мысли.

— Помнишь, я рассказывала тебе, что мое Искусство состоит из Сердца, Мозга и Души? — спросила Серена. — Два Мозга, что являются инструментами моего Искусства; так вот, один из них можно раздобыть лишь из дома, что находится в Черном Лесу.

— Домик?

— Злобный домик, — прошептала Серена, наклонившись.

— А? Злобный Домик? — повторила Шу. — Если этот дом и вправду злобный, чем он поможет в твоём Искусстве?

— В этом доме есть нечто особое, кое-что, что нам понадобится.

Нам? Подумала Шу. Не смотря на то, что я едва вношу какой-либо вклад во все это, мне нравится идея "нас".

— Что же там особенного? — удивилась Шу.

— Печь! — воскликнула Серена. — Та самая, в которой жарят детишек.

Сахарным Домиком Серена назвала заброшенный дом на вершине холма за пределами леса. Она описала его как второй по счету заколдованный дом в Королевстве Скорби.

— Если это второй, то какой же тогда первый? — спросила Шу, следуя за миниатюрной, перепачканной в золе девушкой в темноту леса. То, как Серена открывала ей секреты Скорби, навяло Шу образы из детства, которое у нее должно было быть.

Если бы ее не заточили в Шлоссе отец Король и мать Королева, она могла бы испытать своего рода приключения, как и Серена. Не смотря на то, что девушка была бедной, весь мир был ее игровой площадкой. Ничто не могло сравниться с детством, проведенным в исследованиях собачьей будки в саду, воображая, будто это была кроличья дыра, ведущая в другое измерение. Естественно, в Скорби ей не приходилось ничего выдумывать, ведь там нереальность и выдумка были явлениями весьма привычными.

— Больше всего духов в Скорби обитает в самом Шлоссе, — сообщила Серена, нагибаясь, чтобы избежать извивающейся ветви — деревья в Скорби ведут себя, в основном, как люди, используя свои ветки как руки, щекоча тебя, играя с тобой, а иногда, вытворяя куда более страшные вещи.

— В Шлоссе нет духов, — покосилась на нее Шу.

— Оу, ну конечно же есть, — возразила Серена, — ты знала, что твой подвал был темницей, которую использовали для того, чтобы пытать врагов, и что Шлосс был замечен в других местах по всему миру еще задолго до того, как твой папа построил его в Скорби? Ведь он Дух-Покровитель. (прим. Ред. Дух-Покровитель с лат. Genus Locī; он же Гениальный Лочи в первой части).

— Какой такой Дух-Покровитель?

— Все те вещи, что я прежде упоминала о Шлоссе. В сущности, это место обладающее душой само по себе. Обрати внимание, Радость.

— Оу, — ответила Шу. — Понятно. — Поверь, тебе не надо рассказывать мне о Шлоссе.

— Призраков и прочих духов привлекает один тот факт, что в замке живете вы с Королевой, — беспечно сказала Серена

— Огромное спасибо, меня совершенно не оскорбили твои слова, — хмыкнула Шу. Она стала жалеть том, что разрешила Серене выражать свое мнение. По правде говоря, девчонка была слишком откровенной.

— Кстати, не пожимай деревьям руку, — не оглядываясь сказала Серена, — Это ловушка.

— Пожимать руку?

Шу увидела, как две ветви приняли форму человеческих рук, и, казалось дружелюбно, обменялись рукопожатиями. Одна из них протянула свою «руку» Шу, предлагая пожать ее. Шу зарычала на деревья. Она так сильно их напугала, что они убежали на восьми ветвях, словно пауки.

— Что ты сделала? — Серена выглянула из кустов. Ее лицо было плохо видно. Виднелись лишь голубые глаза и белоснежные зубы — паста сделала свое дело.

— Я зарычала на них, — раздраженно ответила Шу, — Испугала их. Вот теперь я и использовала свои силы.

— Нет, не нужно, — возразила Серена. — Они уже боятся тебя. Большинство лесных существ боятся тебя. Они знают кто ты такая, и это их пугает.

— Что-то не припомню чтобы растения Рапунцель, или Терновая Стена меня боялись, — произнесла Шу.

— Поговаривают, что растения поливает сам Дьявол. А это уже совсем другая история. Терновая Стена ранила тебя лишь потому, что она боится чужаков. Судя по тому, как она отреагировала, она испугалась тебя, точно так же пчелы жалят людей, если боятся, — прошептала Серена. — Теперь, когда ты испугала деревья, нам негде прятаться. Весь смысл был в том, чтобы прятаться в их тени.

— Если здесь все меня боятся, тогда, почему же ты меня не боишься? — Шу выпустила клыки.

— Ты — моя подруга, Радость, — ответила Серена. — И иногда ты странная, но я тебя прощаю.

— Это я-то странная? — Шу почувствовала себя оскорбленной. Ей приходилось сталкиваться со всякими разными странностями Серены с того момента, как они познакомились.

— Мне снова тебе напоминать, как ты укусила милого принца и убила Одли, Радость? Это странно, — Серена закатила глаза и обернулась, выгибая спину, как коварная кошка, готовая поймать мышку, — Пошли, нам предстоит долгая дорога.

— Ты хоть знаешь куда идти?

— Мы идем по следу из хлебных крошек на земле, — ответила Серена. — Глянь себе под ноги.

Шу действительно увидела след из хлебных крошек. Они были беспорядочно разбросаны по земле под ногами, принимая вид змеевидной дорожки.

— Это секретный знак, указывающий на путь к Сахарному Домику? — спросила Шу.

— Злобная ведьма живет в Сахарном Домике, она любит кушать детей, поэтому заманивает их к себе дорожкой из хлебных крошек, — пояснила Серена.

— Так что такого соблазнительного в хлебных крошках?

— Хлебные крошки очень даже заманчивы, когда ты беден, уж поверь мне, — произнесла Серена, — Кроме того, тут еще разбросаны и конфеты.

— Кто оставляет конфеты в блестящих обертках на земле? Они отравлены? — поинтересовалась Шу.

— Нет, ты из-за них потеряешь сознание, — пояснила Серена, поднимаясь на небольшой холм, — Эти конфеты заколдованы. Все эти сладости, и каждый кирпичик, оконная рама, дверь, и даже крыша Сахарного Домика сделаны из вкусных ярких конфет.

— Не хочешь мне больше ничего такого рассказать про этот лес? — спросила Шу, когда стало ясно, что Серена хорошо осведомлена.

— Пожалуй, — ответила Серена. — Берегись Запретного Цвета. Ты ведь знаешь его, да?

— Я знаю, красный это запрещенный цвет в Скорби, — сказала Шу. Это была одна из тайн, которые она так и не выяснила — или, возможно, не могла вспомнить, так же, как и Серену. Никому не разрешалось носить красный в Скорби. Даже такие фрукты, как яблоки, и овощи, как томаты были золотыми. Поговаривали, что вне Скорби они были красными. — Хочешь просветить меня на этот счет? — поинтересовалась она.

— Ну конечно же, я хочу просветить тебя, — сказала Серена, вдыхая воздух вокруг себя, будто Сахарный Домик имел определенный аромат, который она опознает, — Красный

запрещен потому, что это цвет Смерти.

— У Смерти есть цвет?

— Смерть носит красный плащ и держит косу, гуляя по Черному Лесу, — Серена остановилась и обернулась, убеждаясь, что Шу восприняла это серьезно.

— Она же не девушка? — поиздевалась над ней Шу.

— Ты чертовски права, — посмотрела на нее Серена, — Вообще-то, женщина. Каждый раз она составляет список людей, чьи души ей нужно собрать и идет в Скорбь искать их. Как только она их находит, она отрубает им головы, — Серена взмахнула метлой в воздухе, — Помона — богиня фруктов и овощей запретила всем растениям принимать красную окраску, даже яблокам и помидорам.

— Так вот, почему яблоки и помидоры в Скорби не красные? — Шу была настроена скептически, но это было единственное объяснение, которое она когда-либо слышала. — Зачем Помона это сделала?

— Потому, что если бы в Скорби нигде не было видно красного, было бы легче поймать Смерть, — сказала Серена, — Я слышала, что это был приказ Королевы Скорби. Она хотела поймать Смерть собственноручно, помимо всего прочего, — Серена закатила глаза и пошла дальше.

— Но почему тогда Засони были одеты в красное? Это что-то значит?

— Засони — мертвые девушки, убитые твоей мамой, — не оглядываясь объяснила Серена, — Они одеты в красное потому как их должна была посетить Смерть. Красный действует, как метка, которой, в нашем случае, отмечены Засони. И так будет до того момента, пока они не проснутся сто лет спустя. И, если тебе интересно, как мне удалось пройти Терновую Стену в красном платье, то я просто-напросто его сняла перед входом Черный Лес. А теперь прекрати задавать вопросы. Ты слишком много болтаешь.

— Как скажешь, Серена, — промямлила Шу.

— Стой, — Серена подала сигнал рукой. — Мы пришли.

Шу остановилась, заглядывая Серене за плечо. Она увидела дом, сделанный из конфет. Он был окрашен в разные цвета: от фиолетового, желтого, оранжевого, до красного. Он блестел фонарями-тыквами с зигзагообразными улыбками, которые развевал ночной ветерок.

— Но ты же сказала, что нам предстоит долгий путь, — Шу облизнула губы, в нетерпении попробовать кусочек домика.

— Странно, — произнесла Серена, — Так и должно было быть. Вполне возможно, дом изменил местоположение, как и Шлосс. Я же говорила, что он зачарованный. Я даже слышала о существовании портала, с помощью которого можно попасть прямо в Шлосс.

— Пошли, — метнулась она вперед Серены за конфетой.

— Стой! У тебя все в порядке с головой, а, — Серена побежала вслед за Шу, и хлопнула в ладоши прежде, чем дошла до домика, — Ты вообще меня слышишь? — схватила она Шу. — Домик на тебя дурно влияет. Ты потеряешь сознание, если съешь что-нибудь из этого. Я же тебе только что это объясняла.

Шу показалось, что она только что проснулась от сна во сне. Она дважды моргнула, чтобы убедиться, что она пришла в себя. Домик, действительно, оказывал на нее влияние.

— Для чего ей нужны все эти дети? — спросила Шу.

— Как я уже говорила, она их ест, в основном мальчиков, — Серена потянула Шу от порога. Она пригнулась, на случай если вдруг откроется дверь, их не было видно. — Что же

касается девочек, тут ты сама можешь догадаться, что она делает с молодыми, румяными и красивыми.

Шу задумалась об этом на минутку. Она ахнула, когда додумалась до ответа.

— Да-да, кивнула Серена, — Она несет их Королеве, твоей матери, чтобы прокормить ее. Таким образом, та остается вечно молодой, — она скорчила лицо, произнося слово "молодая".

— Это ужасно, — Шу бросила взгляд на дверь, поверх плеча Серены.

— А что не ужасно в вашей семейке? — Серена пожалала плечами, — Неудивительно, что ваша фамилия Sorrou. (прим. Ред. Sorrow — Скорбь)

— И снова ты меня ничуть не оскорбила, — Шу пожалала плечами в ответ.

— В Скорби недавно поползли слухи о нескольких крестьянских девочках, пропавших в Шлоссе, — уточнила Серена, — к Королеве пришла мысль о том, что она может использовать ненасытный голод Бабы Яги в своих целях. После того, как Королева напьется и искупается в их крови, она отправляет тела обратно к Бабе Яге. Та варит их, она очень любит плоть, а кости выплевывает.

— Баба-Яга? Какое необычное имя, — заметила Шу.

— Конечно же, ей пришлось выбрать самое необычное имя, — ответила Серена. — Она ведь ест детей!

Обе девушки начали смеяться. Тут абсолютно не над чем смеяться, подумала Шу. Весь этот сон с Сереной был построен из гор глупостей на горах еще больших глупостей, смешанных с огромным количеством крови и разнообразными ужасными вещами. Прямо, как жизнь в Реальном Мире, подборка неудачных и непонятных событий, не имеющий никакого смысла. Лучший способ вернуться в жизнь это посмеяться над ней.

— Я слышала, что ее имя напоминает звуки, которые она издает, когда жует, — пояснила Серена, — Баба — это звук, который она издает, когда глотает: бабабаба! А Яга это звук, который она издает, когда пытается жевать кости: яяяяга!

Еще она заметила, что смех Серены был более заразительным и звонким, чем чей-либо еще. Она смеялась так, будто это был ее последний день на земле. Ее рот растянулся, глаза стали больше, две милые ямочки показались из-под вездесущего пепла, и, конечно же, веснушки.

Шу заметила небольшую деревеньку, расположенную далеко в низине холма.

— А люди в той деревне знают о существовании этого домика? — поинтересовалась она.

— Не думаю, — ответила Серена, — Они хорошие. Деревня называется Фьюри Телл (прим. Ред. Furry Tell игра слов автора «сказка» — fairy tale). Кстати, в основе названия лежит очень смешная история...

Внезапно, дверь Сахарного Домика распахнулась.

Мешок, Полный Мертвых Детишек

Из-за двери показался нос. Нос был кривой, больше самой огромной моркови, которую они когда-либо видели, и с небольшой горбинкой посередине. Ужасное лицо Бабы Яги появилось вслед за ним, освещаемое тонким лучом света из фонаря-тыквы над головой. Ее лицо напоминало помятый пирог, покрытый выступами и липким соком. Лицо Бабы Яги выглядело так, словно кто-то искусал его множество раз.

— Это ОНА, — задрожав, прошептала Серена, держа Шу за руку. — Шаль, что надета на ней, сделана из поломанных детских косточек.

— Не бойся, — успокоила ее Шу.

Шу наблюдала за тем, как Баба Яга начала выходить из дома. Она передвигалась со скоростью мертвой черепахи. Ее тело было округлым и напоминало котел, но только с головой, а ноги торчали из под шали, которая, как казалось, была сделана из перьев. Шу ахнула, когда увидела, что у Бабы Яги были куриные ноги и ступни. Она подумала, что это, должно быть, самые жуткие ноги в мире.

— Почему ей нужно так много времени на то чтобы выйти из дома? — прошептала Шу, отмечая, что Баба Яга, с ее крючковатым носом и куриными ногами, была похожа на огромную злую птицу.

— Ее тормозит мешок, — прошептала Серена в ответ. — Этот мешок за ее спиной полон девочек, они все без сознания. Она направляется к Королеве.

Шу увидела, как Баба Яга согнула и без того дугообразную спину и протянула мешок, который был больше ее самой раза в два, через дверной проем. Она спустилась с крыльца по трем деревянным ступеням, размахивая своими жуткими куриными ногами; головы детишек глухо ударялись об пол. Казалось, Бабе Яге стало куда удобней тащить его, когда она пошла по траве. Она курила сигару, пока шла.

— Хочешь знать, из какого табака сделана сигара? — спросила Серена. — Это пепел, что остался от Рапунцель!

Шу тряхнула головой и прислушалась к тому, что пела Баба Яга, пока тащила мешок вниз по холму:

Тише детки, помолчите

Бабушка купит вам поющую птичку,

А если вдруг птичка не запоеет,

То Бабуля ей крылышки разом оторвет

Птицы тот час разлетелись с деревьев. Ее голос обратил белок в бегство, они даже побросали свои драгоценные орехи, а змеи заползли под деревья. Ведьма еще раз затянулась сигарой и снова запела:

Тише детки, давайте не плачьте.

За что вы попали в этот мешок,

Вам, как я думаю, совсем невдомек,

Советую проститься с этим миром скорей,

Бабуля скоро слопает всех маленьких детей.

— Иногда, когда ей нужно больше денег, она отправляет несколько мальчишек

Джорджи Порджи, Бугимену, — добавила Серена. — Он любит заставлять детей плакать, и он хорошо платит за детские слезы.

Они наблюдали, как Баба Яга скрывалась во мраке, потом Серена и Шу бросились к Сахарный Домик и заперли за собой дверь.

— Ты уверена, что она сейчас не вернется? — спросила Шу.

— Нет, ей понадобится время, чтобы добраться до замка, — ответила Серена, спускаясь по лестнице в подвал.

Куда бы Серена не пошла, Шу последовала бы за ней, даже в Ад. Серена все еще прижимала к груди хрустальную урну, а в другой руке держала метлу, так она повела Шу через лабиринт свечей, которые освещали коридоры подвала, что сам по себе был похож на небольшое подземелье. Они прошли мимо комнат с решетками на дверях, как в тюрьме, где Баба Яга держала детишек. Сейчас камеры были пусты, поскольку Баба Яга унесла всех детей в мешке.

— Давай, шевелись, — потребовала Серена. — Не веди себя как принцесса, идущая по яичной скорлупе. Тебе это не идет.

— Это местечко похоже на Ад, — заметила Шу.

Серена пригнулась под низким потолком, ведущим в большую комнату. Наконец, она остановилась и указала на печь посреди комнаты. Она выглядела взвинченной. Шу не могла поверить, что Серене нравилось это место. Запах здесь был невыносимым. Тут что-то недавно горело, вероятнее всего, дети, которых ела Баба Яга. Она подумала о людях в Реальном Мире, которые считали, что сказки это всего лишь пушистые рассказы детишкам на ночь, и о том, как бы они отреагировали, если бы узнали, что Братья Гримм изменили все эти счастливые истории.

Серена нежно провела рукой по печи, затем снова повернулась к Шу.

— Разве она не прекрасна?

Печь была ржавой, коричневого цвета, и была увита зеленой виноградной лозой, короткая змеилась вокруг нее. К ней были приклеены мертвые лягушки, словно наклейки на холодильник. На печной дверце виднелись два отверстия, похожие на глаза, которые глядели на Шу. За глазами она видела лишь копоть, оставшуюся от сгоревших детей. Шу хотела подыграть, и сделать вид, что печь ей действительно понравилась, но не смогла. Подвал Сахарного Домика был самым страшным местом, в котором ей довелось побывать.

— Я думаю, что пришло время для твоей магии, Серена, — вздохнула Шу, молясь о том, чтобы ее магия не оказалась злой.

Шу надеялась, что магия была столь же увлекательной, как и утверждала Серена, особенно после всего того, через что они прошли. В конце концов, было бы больно обнаружить, что Серена оказалась еще одной помешанной, запятнанной злом.

Она такая же как и ты — Избранная. Ты создана из зла, тебе предначертано бороться с собственным видом. Как думаешь, кто сможет встретиться лицом к лицу с тьмой и повести людей к свету в мире, столь мрачном, как Скорбь? Серена, со всей своей наивностью, болью и страданиями, которые ей пришлось пережить? Аксель и Фейбл, двое подростков, наслаждающиеся прелестью своего детства?

— Разве ты не рада, наконец-таки, увидеть мое Искусство? — Серена опустилась на колени и опустила свою тяжеленную метлу. Она открыла хрустальную урну и вдохнула ее запах, словно некий экзотический парфюм. — Ты все еще помнишь, какие элементы мне нужны, чтобы воссоздать мое Искусство?

— Сердце, Мозг и Душа, — Шу изобразила неподдельный интерес. — Сердце — пепел растения Рапунцель; песок из глаз спящей красавицы с Поля Сновидений, которое находится в собственности у Песочника; и известняк из школьного мела.

— Зубная Паста! — радостно воскликнула Серена, смешивая ингредиенты в урне. Она увидела, как они приобретают лиловое свечение, в то время как Серена решила почистить зубы остатками "зубной пасты".

— Что теперь? — Шу стало любопытно.

— Теперь вот это, — Серена взяла в руки железную метлу. — Ты ведь думаешь, что это метла, да?

— Так это и есть метла, — подзадорила ее Шу.

— Неа. Мне просто пришлось одурачить Королеву Скорби и прочих слуг, чтобы они думали, будто это обычная метла, — гордо улыбнулась Серена. — И это даже не ведьмина метла...

— Тогда что это?

Серена почистила свою железную метлу подолом красного платья, в которое одела ее Шу на Поле Сновидений... — ранее днем на ней было надето рваное голубое платье прислуги, то самое, которое дала ей Табула. Закончив чистить, Серена приложила черенок метлы к губам и подула в него, производя звук, чем-то похожий на громкий пук. Она подула еще разок и заглянула в отверстие.

— Ты по-прежнему не догадываешься что это?

Медленно, но верно выходя из терпения, Шу отрицательно покачала головой.

— Стеклодувная трубка, — прошептала Серена. — Первая часть инструмента Мозга — это печь, ради которой мы проделали весь этот путь. Вторая часть — эта стеклодувная трубка, фактически, она волшебная.

— И что же может эта стеклодувная трубка? — спросила Шу.

— Она гораздо лучше волшебной палочки!

— Гораздо лучше волшебной палочки? — удивилась Шу.

— Стеклодувная трубка намного лучше волшебной палочки. И через минуту, я тебе это докажу, — Серена провела трубкой под мышкой и трижды хлопнула в ладоши. Печь запылала. — На самом деле, это не моя магия. Я просто видела, как Баба Яга делала это.

— По — крайней мере, она не сказала "Сезам откройся", — пробормотала Шу... еще одна штука, о которой она прочла в одной из книг жертв. Серена не совсем поняла, о чем та толкует.

В свете мерцающего огня печи, Серена смазала конец трубки липкой фиолетовой смесью Сердца. Смесью, больше похожая на липкий комок, прилипла к нему. Она снова бросила взгляд на Шу, подмигнула ей и поместила липкий конец трубки в печь, держась за другой конец с помощью сложенного вдвое красного платя. Смесью начала издавать похожий на свист звук, соприкоснувшись с огнем из печи. Медленно, она расплавилась, и из фиолетовой превратилась в адски оранжевую, как угли в огне.

— Берегись! — предупредила Шу Серену, когда вспыхнул огонь.

Несмотря на то, что стеклодувная трубка была слишком длинной и тяжелой для девушки, у нее оставались силы на то чтобы растянуть свое вспотевшее личико в улыбке и посмотреть на Шу.

— Во имя Господа, чему ты так улыбаешься? — напряглась Шу.

— А какая тебе разница? — теряя равновесие ответила вопросом на вопрос Серена.

Шу вскрикнула, но Серена, слегка покачнувшись, все же устояла на ногах, будто на канате в цирке. Впервые Шу наконец осознала, что именно казалось ей странным в обуви Серены: ее туфли были сделаны из...хрусталя.

Шу нахмурилась. Черный материал, который прежде ей не удавалось определить, был гибок, словно резина, и красиво переливался в свете огня. Шу была уверена в том, что башмачки были сделаны из хрусталя по тому, как они отражали огонь из печи. На мгновение ей показалось, что башмачки сделаны из Обсидиановых камней, но нет, это был хрусталь, необычайно гибкий хрусталь, который наводил смотрящего на мысль, что это кожа низкого качества Тем не менее, в этих башмачках было что-то эдакое. Что привлекло внимание Шу здесь, перед печью. Когда Серена чуть не потеряла равновесие, одновременно поднимая голову и удерживая тяжелую стеклодувную трубку, туфли помогли ей устоять на ногах. В любом случае, Туфли Серены были не совсем обычными.

— Не волнуйся, Радость, — Серена стиснула зубы, сжимая стеклодувную трубку обеими руками, будто она вытаскивала упрямую рыбу из воды, — я делала это много раз.

Снова удержав равновесие, Серена вытащила стеклодувную трубку и положила ее на нечто напоминающее стол мясника, светящаяся расплавленная смесь была приклеена к другому концу трубки. Серена опустилась на колени, и начала дуть в один конец трубки, формируя из расплава пузырь. Сплав раздувался, словно горло лягушки, когда она дула. Огненная субстанция выглядела словно живая: подчиняясь воздуху, который Серена дула через трубку.

— Ничего себе, — сказала Шу, — Как ты это сделала? Что это?

Серена сделала глубокий вдох, уставшая после дутья.

— Ты увидишь через секунду, — сказала она, — Не могла бы ты поднять камень с пола и провести им по шару?

— Что?

— Просто сделай это, — сказала Серена, — Создай любую форму, которая тебе нравится, в то время пока я буду выдувать. Ты когда-нибудь вырезала из дерева, или работала с глиной?

Шу ничего не ответила. Она почувствовала себя как никогда неловко.

— Не переживай, — поняла Серена, — Используй свое воображение, чтобы превратить это в то, что тебе нравится. Я буду видеть, какую форму ты придаешь, и постараюсь выдуть то, что ты представляла. У меня это очень хорошо получается.

— Не могу.

— Просто подумай о чем-либо. Преврати это в вазу, или чашку, — щеки Серены покраснели, как угли из-под липкого пепла на ее лице.

Не смотря на то, что Шу понятия не имела какого это, она подняла камень, и начала придавать форму огненной глиноподобной субстанции. Сначала она переживала из-за невыносимо высокой температуры, но потом она начала делать так, как повелела ей Серена. Острый конец камня вошел в сплав, как нож в масло. Серена вращала стеклодувную трубку вокруг своей оси, пока Шу воплощала свое воображение в реальность. Она поняла, что создавала нечто похожее на чашку. Когда сплав начал принимать разумную форму, она резнула слишком глубоко. Липкая часть смеси шмякнулась об пол, словно густая грязь.

— Ууупс, — Шу отступила назад, глядя как сплав растекался по полу, словно вулканическая лава.

— Ууупс? — Серена подняла бровь, — Мне нравится, как ты придумываешь эти глупые словечки. "Ууупс" звучит, будто кто-то икает, — развлекалась она, — Не переживай. Ты научишься это делать. Я совершала подобные ошибки в свое время. Другие художники считают, что тогда, когда твое новое творение горячее, чтобы держалась форма, его нужно охладить, но я-то знаю лучше, — сказала Серена.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что это мое Искусство, Радость. Мне не нужно охлаждать его, потому что оно оживает, когда я дышу в него — сказала Серена.

— Оживает? Ты имеешь в виду, что стекло оживает?

— Ты еще ничего не видела. Это только начало, — ответила Серена.

— Ты вообще соображаешь, что ты в прямом смысле играешь с огнем? — Шу не могла не озадачиться вопросом, что если это занятие и стало причинами ран Серены. Возможно, она обжигалась во время игры с огнем.

— Играю с огнем! — подпрыгнула на месте Серена, стряхивая плесень. — Никогда не думала об этом так. Разве это не очаровательно?

— Есть немного, ответила Шу, уставившись на сплав, который она превратила в чашку.

— А теперь подойди сюда и поддержи трубку, чтобы я смогла показать тебе настоящее волшебство, — поманила ее Серена.

— Так это еще не все?

— Это далеко не все. Придерживай трубу примерно за треть от конца для равновесия, пока я буду в нее дуть.

Затем она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Она сжала пальцы в кулаки и вдохнула еще глубже.

— Не беспокойся, если я упаду в обморок, — наконец сказала Серена.

— Почему ты можешь упасть в обморок?

Времени на ответ не осталось. С закрытыми глазами Серена подула в трубку изо всех ее сил. Ее лицо и уши побагровели, щеки раздулись и превратились в мерцающие лампочки. Казалось, что она дула каждой клеточкой своего тела, и всей своей душой.

Душой? Она говорила, что третья составляющая это Душа! Так вот, каков ее талант. Она завершает свое волшебство дыханием.

Пока Серена дула в трубку, сплав раздувался все больше и больше, словно воздушный шарик, готовый лопнуть, но, в отличие от шарика, он становился более пластичным, словно теплая глина. Серена подула сильнее, не останавливаясь даже чтобы передохнуть. Цвет сплава постепенно изменялся от оранжевого к синему. Это был прекрасный лазурный цвет ясного неба, волнующий, словно призрак, среди темных стен подвала.

Шу стало тяжело держать трубку. С другого конца Серена держала ее ртом, глаза девушки были закрыты, словно она придавала форму с помощью воображения. Синий стал более светлым, почти прозрачным, оттенком, напоминающим кристальную глубину бриллианта.

Разве она не прекрасна, вспомнила Шу слова Серены о печи. Печь была так же уродлива, как и ее хозяйка, но, несмотря на это, сплав получился на удивление прекрасным. Было поразительно наблюдать за тем, как адский огонь, взаимодействуя с расплавленной массой, превращает ее в жизнерадостный и сверкающий предмет.

— Серена, — произнесла Шу, теряясь в чистоте и красоте прозрачного алмазного блеска в ведьмином подземелье, — Это удивительное Искусство, что это такое?

На мновение Серена прекратила дуть. Она глубоко вздохнула, желая поскорее ответить.

— Это стекло, Шу, то, что я делаю, называется Запретным Искусством. Я — Стеклодув.

Шу не совсем понимала, что именно Серена подразумевала под Запретным Искусством. Она знала только то, что стекло в это время пользовалось огромным спросом в Скорби и остальном мире. Стекло было на вес золота или бриллиантов в Реальном Мире. Оно было настолько ценным, что порой люди убивали ради него.

Почему его называли Запретным Искусством? Разве стеклодувами, такими как Серена, не следует дорожить?

В самом центре подвала Бабы Яги, расплавленное стекло на конце стеклодувной трубки приобрело форму цветка с семью лепестками. Шу затрепетала.

Как у такой крошечной замарашки мог появиться такой дар? Почему она живет жизнью служанки, когда ее имя должно прославляться за такой талант? Неудивительно, почему Королева Скорби не жалела ее. Должно быть, ей об этом что-то известно.

Потрясающий искрящийся хрустальный цветок ярко светился в темном подвале. Шу почувствовала, что он источает приятный аромат лилий.

Наконец-то Серена открыла глаза, делая очень глубокий вдох. Боль в груди ее совершенно не беспокоила, все внимание она сосредоточила на своем шедевре. Она взяла трубку из рук Шу, приложила ее к губам и подула еще сильнее. Она была похожа на Крысолова, играющего на большой флейте. Но вместо мелодий, на противоположном конце трубки появлялось Искусство Серены в форме драгоценного хрусталя.

— Он становится больше, — сказала Серена после очередного вдоха. — Я вынесу его на улицу.

Она поднялась по леснице на первый этаж. Шу шла рядом с ней и открыла для нее дверь Сахарного Домика. Серена вышла на улицу, ее волшебный стеклянный цветок висел на кончике трубки, словно воздушный змей.

— Но не переживай, он не тяжелый, — покашливая пояснила Серена. — Я бы могла создать даже хрустальный замок, который не весил бы больше надувного шарика.

Шу молчала, не в силах оторвать глаз от постоянно растущего творения Серены, который все еще был прикреплен к другому концу трубки. Теперь он освещал весь Сахарный Домик, словно Новогодняя елка, усыпанная мерцающими бриллиантами.

Серена прекратила дуть в трубку, и побежала вниз по склону со своим цветком над головой и полной луной позади нее. Цветок, хоть и был стеклянный, проходил сквозь деревья, словно призрак, освещая их изнутри как рентген. Он искрился в небе, словно серебристый феерверк.

— Ты это видела? — спросила Серена.

— Не могу поверить, — произнесла Шу, поспевая за ней.

— Ты правда это видела? — повторила Серена.

На этот раз Шу поняла, что Серена разговаривала не с ней. Она разговаривала с луной Шу подняла голову, и убедилась в этом. Высоко в небе Луна улыбалась Серене... и, возможно, Шу тоже. Не было никаких доказательств того, что Луна была девушкой, но одно было ясно наверняка, она улыбалась. Шу не могла поверить в то, что провела всю свою жизнь в замке, ожидая своего шестнадцатилетия. Кто же мог подумать, что в Королевстве Скорби существует такая красота?

— А теперь глянь сюда, — Серена снова подула. Цветок начал трансформироваться во что-то другое, нечто с большим количеством изгибов и деталей; в морского конька.

— Невероятно, — воскликнула Шу и подпрыгнула на месте.

— Подожди немного и увидишь что из этого получится, — улыбнулась Серена. Она была счастлива, что Шу понравилось ее Искусство. Шу предположила, что Серена делала это самостоятельно, без чьей-либо помощи. — Пока я дышу, моей фантазии нет пределов.

Медленно, сверкающий морской конек повернул голову и наклонился, чтобы посмотреть на Шу. Его глаза были словно чистый хрусталь, а улыбка походила на полумесяц.

— Серена, — забеспокоилась Шу. — Он только что ожил?

Серена кивнула, она не могла одновременно говорить и переводить дыхание.

— Меня зовут Сплеш, — произнес морской конек.

Шу прикрыла рот руками, не веря в происходящее.

— Я Шу, — протянула она руку.

— Нет, неправда, — Сплеш почесал нос о руку Шу. — Ты — Радость.

Глаза Шу широко распахнулись. Она обернулась к Серене за объяснениями.

— Та часть стекла, которую я создаю своим собственным дыханием, являет собой мою душу, — сказала Серена, — Я считаю тебя Радостью, поэтому он думает так же.

— Я — Радость, — ответила Шу Сплешу, протягивая руку.

Глаза Сплеша засияли, затем его взгляд скользнул ниже.

— Ты знаешь, какой твой следующий шаг, Радость?

Шу хихикнула, не совсем понимая о чем он.

— Найди Феникса, — Сплеш кивнул.

Сердце Шу заколотилось.

— Что такое Феникс, и как ты узнал об этом?

— Феникс это не ЧТО, а КТО, — сказал Сплеш, — Это ключ к большому сокровищу.

Внезапно Серена закашлялась, не в силах нормально дышать. Она начала терять равновесие, и ее башмачки не помогали.

— Скажи мне, что тебе известно, — потребовала Шу от Сплеша, глядя на Серену.

Но было уже слишком поздно. Сплеш потускнел, ведь он мог говорить только тогда, когда Серена вдыхала свою душу в трубку.

— Эй, давай я подержу тебе трубку, — Шу бросилась на помощь Серене.

Серена оттолкнула Шу. Она была очень груба. Ее поступок был внезапным и неожиданным поскольку обе сейчас переживали хорошие времена во взаимоотношениях.

— Что не так? Дай я помогу, — настояла Шу. Она хотела дать Серене передохнуть, чтобы та смогла продолжить дуть снова для того, чтобы Серена могла разузнать у Сплеша о Фениксе. — Ты ведь устала. Давай подержу.

— Нет, — кашлянула Серена. Казалось, будто она хотела крикнуть, но была слишком слаба. Серена упала на землю и выпустила трубку из рук, потеряв сознание. Сплеш растворился в ночи.

Шу уже не думала о Сплеше. Положив Серену себе на колени, она пыталась ее разбудить. Через пару секунд Серена очнулась, она выглядела изможденной.

— Красиво, правда? — поинтересовалась она у Шу. Ее веки трепетали.

— Да, но что важно сейчас, так это ты. Что с тобой? Почему ты не разрешила мне подуть в трубку?

— Потому что я забочусь о тебе, — ответила Серена.

— Я знаю, что ты заботаешься обо мне, но почему ты просто не позволила мне помочь тебе?

— Запретное Искусство имеет свою цену, — объяснила Серена. — Ты должна заплатить частью своей души, иначе все могли бы этим заниматься, — продолжила она.

— Какую именно цену?

— Каждый вдох в трубу — это вдох, отнимающийся от моей жизни, — ответила Серена.

— Ты имеешь в виду...

— Жизнь волшебника, тьфу, художника, сокращается, — кивнула Серена. — С каждым разом, когда художник практикует свое Искусство, он становится все ближе к безумию.

— Тогда почему ты этим занимаешься? Неужели ты не осознаешь, что слишком юна чтобы умирать или сходить с ума из-за своего желания поиграть? — Шу встряхнула ее, будто стараясь пробудить ночного кошмара.

— И ничего я не юна, — Серена уже стояла на ногах, но все еще выглядела усталой, нагнувшись, она подняла трубку, словно гордый солдат, не собирающийся сдаваться. Сплеш превратился в почерневшей расплавленный кусок, мертвый кусок стекла, холодный без огня или души в нем. — Мне нравится создавать мое Искусство. Это все, что у меня есть. Я не беспокоюсь о потере нескольких лет жизни, ведь я должна жить сегодняшним днем.

— Послушай меня, — остановилась Шу. — Это неправильно. Ты должна прекратить заниматься этим Искусством.

— Но почему? — Серена опять начала показывать свой нрав. — Что с того, если я потеряю пару лет своей жизни? Люди, подобные мне, обычно умирают молодыми, или, того хуже, живут долгую жизнь, и терпят боль и унижение, — она указала на свои шрамы. — Я буду распоряжаться своей жизнью так, как я хочу.

— И не боишься сойти с ума?

— Ха-ха, — усмехнулась Серена, — оглянись вокруг, Радость. Мы в Скорби. Что может быть безумней?

Шу не знала, что и думать. Она видела, насколько волшебным и захватывающим было Искусство Серены, но какова была цена за него? *Как так получалось, чтобы каждый вздох, который ты отдаешь ему, становился вздохом, который отнимут у тебя? Кто научил Серену такому Искусству?*

— Кроме того, ты еще не видела мою магию в цвете, — произнесла Серена. — Я могу создавать огромных бабочек с цветными крыльями величиной с ночное небо.

— Правда? — Шу не могла избавиться от этой картины в голове.

— Правда, — кивнула Серена, — помнишь я рассказывала о Крае Радуги? Вот там мы и можем добавлять в Искусство разные цвета.

Ужасный голос, напевающий песню, прервал разговор о Крае Радуги. Это была Баба Яга. Она вернулась крайне неожиданно. Скорей всего, в ночи она видела свечение Искусства издали. Они увидели ее мешок, подпрыгивающий за ней, пока она поднималась по холму, к Домику. Баба Яга продолжала петь, облизывая губы, когда заметила их.

— Беги! — Серена потянула Шу за руку и побежала к вершине холма. Чуть ближе к вершине Шу увидела, что Серена замедлила ход. — Я потеряла свою туфельку! — запаниковала Серена.

— А ты не можешь уйти без нее? Почему ты хромаешь? — поинтересовалась Шу.

Внимательно взглянув на босую ногу Серены, Шу уже не нуждалась в ответе. Кто-то отрезал палец Серены на левой ноге. Необычный башмачок помогал ей лучше ходить.

— Кто сотворил с тобой такое? — спросила Шу. Потом она поняла, что Серена потеряла один из ее пальцев из-за проклятого растения Рапунцель. Каждое волшебство имеет свою цену. Серена должно быть сама сделала эти необычные башмачки, что бы они помогали ей ходить.

Серена побежала вниз по холму, прямо к Бабе Яге, искать свою туфельку. И, как обычно, Шу побежала за ней. Серена в истерике искала свой башмачок, не замечая, что находится буквально в двух шагах от Бабы Яги. Шу видела, как ухмылялась старая ведьма, наблюдая за тем, как жертва сама шла прямо к ней. Шу ускорила, она обогнала Серену, и зарычала на Бабу Ягу. Серена же ничего не заметила, она продолжала бегать по холму в поисках туфельки. Баба Яга позволила Серене уйти, потому что она была напугана принцессой с клыками, но когда Шу не укусила, Баба Яга медленно улыбнулась, обнажая острые, как кинжалы желтые зубы.

— Если ты собираешься показать свои клыки, лучше используй их, — засмеялась она.

Шу выглядела озадаченной. Ведьма была права. Почему она просто не укусила ее?

— Ты — монстр, но его нет в тебе, — сказала Баба Яга. — Ты слишком ослаблена, вероятно, любовью. Это присуще людям. Твое нежелание противостоять злу будет иметь тяжелые последствия, потому что ты и не хорошая, и не плохая. Ты *ничто*. Дампир должен переступить через любовь, чтобы обрести силу, — она схватила Шу за шею и подняла ее над землей. Шу пыталась освободиться, но хватка ведьмы душила ее.

— Отпусти меня! — прорычала Шу еще раз.

— Признаюсь, сперва я испугалась тебя, но твоя доброта мешает процветанию зла в тебе, — сказала Баба Яга. — Как печально. А мне бы хотелось увидеть твою темную сторону, но, к великому сожалению, мне придется тебя съесть. И мамочка твоя никогда об этом не узнает, — Баба Яга разинула рот, готовясь укусить Шу.

— Руки прочь от нее, — Серена наконец-то нашла свою туфельку. Она замахнулась трубкой на Бабу Ягу, но, та увернулась, и Серена ударила Шу.

Удар, хоть и случайный, оказался тяжелым. Шу упала на землю. Серена, несмотря на свою миниатюрность, ударила очень сильно. Абсолютно беспомощная, она уставилась на луну. Она ненавидела быть беспомощной. И как эта Баба Яга осмелилась сказать ей, что она не была достаточно сильна в тот момент, когда Терновая Стена приняла ее за чужака?

Перед тем, как потерять сознание, она успела подумать о решении, которое ей нужно было принять в ближайшее время: либо остаться размазней и забыть о том, что она Избранная; или же принять свою тьму и использовать ее, чтобы смело взглянуть в лицо всему этому злу. Ей нужно было научиться держать удар, или же умереть в этом сне и забыть об этом.

Мир стремительно потемнел вокруг Шу. Серена закричала во всю силу своих легких.

Огненная птица (Феникс)

Когда Шу очнулась, небо было наполнено падающим пеплом, а звуки мерцающим пламенем окружили её. Деревья пылали. Растения были в огне. И даже воздух был насыщен им. Снова *пепел* в небе, танцующий под мелодию зла.

Шу дотронулась до головы: рана оказалась несерьезной, но у нее шла кровь. Она медленно встала, перед глазами все было размытым, туманным, как будто мир таял вокруг нее. Пару вдохов спустя она поняла, что со зрением было все в порядке. Мир просто на самом деле таял вокруг нее. Нечто лавообразное и расплавленное сползло к ней с вершины холмов. Оно медленно скользило по траве, сжигая ее и принимая разнообразные формы. Шу подняла голову, глядя на существо из лавы, и увидела дом ведьмы. Он таял, как мороженое на солнце. Сахарный Домик горел.

Серена сидела, обняв колени и подтянув их к груди. Она снова монотонно напевала эти странные песенки. *Лондонский мост падает и пепел, пепел и горит, горит, горит*. Волосы Серены стали цвета огня; практически сожженные, они напоминали форму птичьих крыльев, развеваясь над головой, как падающий с неба пепел.

— Ищи Феникса, — слова Спеша по-прежнему эхом звучали у Шу в голове, и ей показалось, что она действительно на него смотрит.

Головоломка из Семи Карт

— Остановись, Фэйбл, — сказал Аксель. — Ты ходишь туда-сюда уже целую вечность.

— А что ты хочешь, чтобы я делала, Аксель? — Фэйбл остановилась у края фиолетового свечения, окружающего Храм Сна. — Этот сон заперт навсегда, и мы ничего не можем с этим поделать. Я не собираюсь ждать здесь, пока эта фиолетовая стена не разрушится сама по себе лет через сто, — она обернулась и снова посмотрела на свечение.

— А я не собираюсь терять тебя в этом Храме Сна. У меня на тебя большие планы. Мы вместе проживем замечательную жизнь. Ты могла бы стать величайшей ведьмой в Скорби. Я мог бы быть... хм... владельцем крупнейшего ресторана. Что напоминает мне о том, что мы могли бы пойти перекусить в «*Пузатую и Чудовище*», как ты на это смотришь?

— Почему бы тебе не перестать думать о еде всего на одну крошечную секунду своей жизни!

— Нет такого понятия, как крошечная секунда, Фэйбл. Это либо секунда, либо нет, — ответил Аксель. — Кроме того, еда — это хорошо. Разве ты не слышала мудрую поговорку: «Хорошая еда — хорошее настроение»?

— Ты когда-нибудь замечал, что большинство, так называемых, мудрецов толстые? — отрезала Фэйбл.

— Нам нужно кушать, чтобы в нашем организме циркулировала кровь и мы могли думать яснее, — защищался Аксель.

— Люди чувствуют себя сонными после того, как поедят, Аксель, — сказала Фэйбл. — Ты просто не знаешь об этом, потому что все время ешь. Ты живешь на темной стороне Луны.

— Как скажешь, сестренка. Но мне нужно подзарядиться, чтобы я смог просмотреть дневник Я.Г., — он стал листать дневник, который они нашли в «Сказках на Нучь». — Все это так запутано — дневник, который принадлежит Я.Г., и Руководство Охотника за Сновидениями, подписанное В.Х. Кто эти люди, и как они связаны друг с другом?

— Уверена, что Я.Г. — это Якоб Карл Гримм, — ответила Фэйбл, счастливая, что ее брат забыл о еде.

— Или кто-то, кто хочет, чтобы мы думали, что это дневник Я.Г., — подмигнул Аксель.

— Не придавай всему этому слишком большое значение, — сказала Фэйбл. — С чего это ты вдруг начал читать этот дневник? Ты что — отказался от Руководства Охотника за Сновидениями, которое стащил у Локи?

— Нет, но я больше не могу найти ничего полезного в нем на данный момент, — ответил Аксель. — И у него в кармане есть оригинал Песочной Книги.

— А мы даже не сможем добраться до нее, если только не перейдем сквозь это глупое фиолетовое свечение, — вздохнула Фэйбл. — Понимаешь, о чем я. Мне нужно пройти сквозь этот фиолетовый свет..

— Нет! — запротестовал Аксель.

— Позволь мне только коснуться его, — попросила Фэйбл. — Может быть, сквозь него совсем нельзя пройти..

— Я сказал нет, Фэйбл. Не заставляй меня использовать мои навыки кунг-фу, чтобы

остановить тебя, — ответил Аксель.

— Почему ты оказался старшим ребенком в семье? — пробормотала Фэйбл. — Почему я не я родилась первой?

— Потому что я обманом заставил наших родителей воспроизвести меня на свет первым, — сказал Аксель.

— В самом деле? — высунула язык Фэйбл. — Так что, ты серьезно не нашел ничего в телефоне Локи?

— Почему ты спрашиваешь меня? Ведь он у тебя.

— Здесь говорится о том, что Локи нам уже рассказывал, — отозвалась Фэйбл: — о том, что Мир Сновидений состоит из шести уровней, все о Будильнике, Храме Сна, и даже о том, что можно разрушить сон, разбив зеркало, но это в случае, если нам удастся проникнуть внутрь Храма Сна.

— Я сказал тебе нет.

— Так скажи честно, Аксель. Ты что-нибудь прочитал там, а потом удалил с телефона Локи? — Фэйбл старалась быть милой. — Скажи мне, что это, Аксель. Пожалуйста!

— У тебя разыгралось воображение, — Аксель посмотрел вдаль, поэтому выражение его лица не выдало лжи. — Там не было ничего, что могло бы нам помочь.

— Хорошо, — вздохнула Фэйбл. — Тогда что ты ищешь в дневнике Я.Г.?

— Он немного странный, если тебе интересно, — ответил Аксель. — Ты ведь помнишь, что в этом дневнике был явный намек на то, что Белоснежка злая и манипулирует Охотниками за Сновидениями?

— Ну и что? — задала вопрос Фэйбл.

— Не очень-то и похоже на правду, я думаю, — сказал Аксель. — Либо Якоба Гримма ввели в заблуждение, заставив думать, что Белоснежка злая, либо он действительно ненавидел ее.

— Вот это поворот, — Фэйбл потерла подбородок. — Так ты думаешь, что Якоб Гримм на стороне Зла?

— Может быть. Мы даже не знаем, кто находится на стороне Зла, — вслух подумал Аксель.

— Что ты имеешь в виду? — произнесла Фэйбл.

— Я имею в виду, на чьей стороне, по твоему мнению, Локи? — спросил Аксель. — Только что он сражался с Королевой и спасал Белоснежку. А в следующую минуту он уже на стороне Королевы.

— Локи на нашей стороне, — настаивала Фэйбл. — У него доброе сердце.

— А как насчет его прошлого? — сказал Аксель. — Помнишь, как Королева говорила нам, что он Охотник, убивший бесчисленное количество людей в Скорби?

— Королева лжет, — произнесла Фэйбл.

— Как скажешь, — произнес Аксель.

— Вернемся к дневнику Я.Г., — предложила Фейбл, — Ты сказал, что Якоб не был на нашей стороне.

— Я не уверен, но, возможно, что Якоб и Вильгельм, словно, находились на разных берегах — так или иначе, это то, какими они были в реальной жизни. Из всего, что я прочитал в этом дневнике, следует, что между двумя братьями был большой конфликт.

— Ты имеешь в виду, что с ними что-то случилось после того, как они подделали

сказки, и это настроило их друг против друга?

— Хоть и не ясно, зачем они подделали сказки, я думаю это довольно правдоподобная идея, — сказал Аксель, — Это могла быть война между двумя писателями. Не спрашивай меня почему.

— Один из них — хороший, другой — злой. Мне это нравится, — сказала Фейбл.

— Кроме того, что не совсем ясно, кто в этом мире добро, а кто зло, — Аксель прожевал слова.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Смотри, не сожги меня в ответ, но я думаю, что здесь все серо, — сказал Аксель, — Я имею в виду, что Шу — Избранная, которая должна спасти мир, но в свое время она убила довольно много подростков в Шлоссе. И не оправдывай ее тем, что она была под влиянием проклятия. Нет оправдания убийствам невинных людей.

— Она невиновна, — Фейбл защищала Шу, — Поверь мне, должно быть какое-то объяснение всему этому. Возможно, все те подростки были злыми.

— Я знаю, что ты поклонник Белоснежки номер один, Фейбл, — сказал Аксель, — Ты знаешь как мне нравится Локи, но он не отличается от всех них. Он Охотник.

— Следующее, что ты мне скажешь, что Королева вовсе не сущее зло, — Фейбл закатила глаза.

— Ну, — Аксель пожал плечами, — вообще-то, да.

— Что ты несешь, Аксель? ЛАДУШКИ. Я поняла. Ты голоден. Извини. Мне нужно было дать тебе поесть, а то ты не можешь мыслить адекватно.

— Почему? Королева боролась за свою дочь до последнего вздоха. Она через многое прошла, не грехи на нее.

— Если ты в самом деле на стороне добра, то ты скорее умрешь, чем станешь злом, — запротестовала Фейбл. — Ты говоришь так только потому, что Люси сказала тоже самое.

— Что снова напоминает мне о том, — Аксель огляделся, — где она?

— Забудь о Люси, — ответила Фейбл. — Мы теряем время. Вернемся к дневнику Якоба Гримма. Ты нашел еще что-нибудь полезное?

— Не совсем, — сказал Аксель. — Кроме его неприязни к Белоснежке, почти все здесь намекает на то, что он отчаянно искал Семерых Потерянных.

— Что еще за СемероПотерянных? — спросила Фейбл.

— Помнишь, когда Миркалла, в смысле Кармила, рассказывала нам историю Локи на кухне? — обратился к ней Аксель. — Она упомянула, что не может заполучить сердце Белоснежки, по причине того, что Белоснежка разделила его на семь частей и отдала по кусочку каждому из ее семи друзей, что бы это ни значило. Их называют Семеро Потерянных.

— Так что, семь гномов из истории Гримма о Белоснежке на самом деле не были гномами? — Фейбл поправила очки. — Они всего лишь семь друзей, называемых Семеро Потерянных?

— Похоже, что так, — сказал Аксель. — В некоторых частях дневника они названы Пилигриммами, с двумя "м". Улавливаешь?

— Мне нравится. Интересное название, — Фейбл снова поправила свои очки. — Это означает две важные вещи. Во-первых, они — вроде странников в поисках приключений. Во-вторых, они связаны с братьями Гримм. Но если они связаны с братьями Гримм, то почему же Якоб Гримм не знает, кто они такие на самом деле?

— Потому то я и полагаю, что Якоб и Вильгельм были по разные стороны баррикад, — сказал Аксель.

— Это становится все более и более правдоподобным, — произнесла Фейбл. — Но скажи мне, Аксель. С какой стати, Братья Grimm подменили Семерых Потерянных и назвали их семью гномами.

— Ради того, чтобы скрыть личности Семерых Потерянных, — ответил Аксель. — Это ж очевидно.

— Не могли бы вы уточнить, Профессор Аксель? — Фейбл поправила очки.

— Не делай из меня дурака, — предупредил ее Аксель. — Я думаю, что Семерцы Потерянных хорошо известны в качестве сказочных персонажей, — гордо заявил Аксель. — Красная Шапочка, быть может, Золушка и Спящая Красавица, разнообразия ради. Это было бы клево.

— Почему нет? Для меня это имеет смысл, — согласилась Фейбл. — Какова вторая причина?

— Вторая причина — это нечто за гранью нашего понимания, — произнес Аксель.

— И ты думаешь, я должна посчитать это открытием? — Фейбл уперла руки в боки.

— Я знаю, это звучит глупо, но позволь мне сообщить, что речь идет не только о желании Королевы Скорби заполучить сердце Белоснежки, — сказал Аксель. — Проблема гораздо больше. Если бы все это касалось только сказочных персонажей, бессмертных и живущих среди нас, я бы предположил, что речь идет только о Семерых Потерянных и сердце Белоснежки. Однако, здесь замешаны Якоб и Вильгельм Карл Grimm, люди, которые вообще написали эти книги. Ты когда-нибудь видела детектив, в котором писатель и действующее лицо встречались бы на самом деле? Здесь намного больше тайн, поверь мне.

— Я очень рада, что мы одного и того же мнения, брат, — с энтузиазмом сказала Фейбл. — А что это? — она указала на рисунки в книге.

— Это семь предметов, принадлежащих Семерым Потерянным, тарелка, хлебные крошки, стул, нож, бобы, вилка и чашка, — сказал Аксель. — Как в поддельной сказке о Белоснежке, помнишь, когда гномы заходят в домик и каждый спрашивает, кто двигал его чашку и так далее?

— Да, — промолвила Фейбл, — и что?

— Если Семеро Потерянных заменяют собой гномов, то каждый предмет должен привести нас к одному из них, — сказал Аксель.

— Ты уверен? — спросила Фейбл.

Аксель кивнул.

— Так нам нужно связать предмет с героем сказки, и тогда мы узнаем, кто такие Пилигриммы? — спросила Фейбл.

— Все не так просто, сестренка, — ответил Аксель. — Поверь мне, я пытался. Единственным предметом, который мне понятен, являются бобы.

— В самом деле? Какой же сказочный персонаж связан с бобами? — Фейбл почесала макушку.

— Помнишь Джека и Бобовый Стебель?

— Терпеть не могу эту сказку, — поморщилась Фейбл. — Джек меня раздражает, и к тому же он вор.

— Не говори так, — возразил Аксель. — Я его обожаю, и был бы рад с ним познакомиться.

— Уверена, что он такой же голодный, как и ты, — решила подразнить его Фейбл. — Так напомни мне, как же Джек связан с бобами?

Аксель бросил на нее недоверчивый взгляд.

— Джеку принадлежали бобы, из которых, если их посадить, вырастал очень высокий бобовый стебель!

— Оу, извини, — сказала Фейбл. — Я же говорила, что терпеть не могу эту сказку. Но погоди!

— Ну что еще? — нетерпеливо вздохнул Аксель.

— В сказке о Белоснежке не упоминалось ни про какие бобы на столе у гномов, — заметила Фейбл.

— Зато овощи были, — сказал Аксель. — А бобы — это овощи.

— Разве? Мы что, проходили это в школе? — удивилась Фейбл.

— Ты не учила в школе, что бобы — это овощи, Фейбл, — произнес Аксель. — Должно быть, тебя учили, что Шекспир — это поэт...., но даже тут ты ошиблась: ты думаешь, что он волшебник.

— Он и есть волшебник, — настаивала Фейбл. — Он просто не хотел, чтобы такие, как ты, знали об этом. Во всяком случае, ты заметил, что одним из предметов были хлебные крошки?

— Да, и что с того?

— Звучит очень похоже на тебя, Аксель, — сказала Фейбл. — Может быть, ты сказочный персонаж, и не знаешь этого, — засмеялась она.

— Конечно, — с гордостью сказал Аксель. — Я Акселус Великий. Кроме того, я действительно много ем. Но я не оставляю хлебных крошек повсюду. Это скорее подошло бы тебе.

— Как ты смеешь? Я все время убираю за тобой, — Фейбл взмахнула пальцем в воздухе, как будто это был меч.

— Ладно, ладно! — Аксель поднял руки, словно белый флаг. — Сейчас у нас есть более важные вещи для обсуждения. Раз уж тебе нравится эта часть дневника Я.Г., позволь мне показать что-то действительно умопомрачительное вот здесь, — сказал Аксель, указывая на отдельные страницы в середине дневника. — Я постоянно смотрю на эти семь страниц, но никак не могу понять их содержание, — Аксель показал ей семь последовательных страниц в дневнике, напоминающих карты Таро.

— Что это такое?

— Мне кажется, Я.Г. не смог связать Семерых Потерянных с предметами, поэтому продолжил исследование до тех пор, пока не наткнулся на неполный рисунок семи карт Таро, — сказал Аксель.

— Вероятно, он их где-то увидел и скопировал. Он пишет, что они — ключи к Семи Потерянным.

— Это что Старуха с Косой? — Фейбл поправила очки, указывая на рисунок женщины в красном плаще с косой. — Как могла Старуха с Косой быть одной из Семи Потерянных?

— Здесь сверху сказано: "Смерть", и это не просто какая-то смерть, — прокомментировал Аксель. — Похоже на девушку с косой. Ты когда-нибудь слышала о чем-то подобном?

— Нет, — отозвалась Фейбл. — А ты когда-нибудь слышал о сказке, в которой была бы Смерть с Косой?

Аксель отрицательно покачал головой.

— Что на следующей карте? — поинтересовалась Фейбл.

Аксель перевернул страницу, показывающую таро с ведьмой.

— Ведьма, — промямлила Фейбл. — А что у нее под ногами?

— Похоже на хлебные крошки, — предположил Аксель. — Смотри, эта ведьма похожа на тебя, а не на меня.

— Она закутана с ног до головы в плащ. Почему тогда ты думаешь, что это она? Ты не можешь знать наверняка, — заявила Фейбл.

— Будь это она или он, все-равно я думаю, что знаю, кто это, — сказал Аксель. — Помнишь Гензель и Гретель?

— Ну, конечно же, — захихикала Фейбл. — Я обожаю эту сказку. Она моя любимая. Я люблю Гретель, вот только Ганзеля терпеть не могу.

Аксель пожал плечами и углубился в просмотр страницы перед собой.

— Ты и я могли бы запросто сойти за Ганзеля и Гретель, — рассеянно пробормотал он.

— Миленко, — заметила Фейбл. — И мы бы с тобой жили в Сахарном Домике..., внезапно, она замолчала. Сходство было слишком странным. Она уставилась на Акселя, оба разделили напряженный момент взглядом, полным ужаса. Что если они и в самом деле Ганзель и Гретель? Мысль на мгновение повисла в воздухе. Они оба оцепенели.

Наконец, они прервали напряжение громко рассмеявшись.

— Ты и я, Ганзель и Гретель, — произнесла Фейбл, — это невозможно.

— В этом ты права, — сказал Аксель. — Думаю, я надеялся, что моя сестра окажется одной из Семерых Потерянных, так что я бы смог бесплатно пообедать в **"Пузатой и Чудовище"**.

— Так, какая карта следующая? — спросила Фейбл, желая замять эту неловкую ситуацию.

Третьей Таро оказался Вор. Это был мальчик в зеленой шляпе и с ухмылкой на лице. Надпись "Вор" красовалась сверху карты.

— Он выглядит забавно, — Фейбл выгнула бровь. — Он мне любопытен. Это что, бобы у него в руке? Если это Джек, то я готова передумать. Он мне нравится.

Аксель перевернул страницу, чтобы Фейбл не засматривалась слишком уж долго на милого мальчика.

— А вот и мы... — Аксель приподнял бровь.

— Луна? — рассмеялась Фейбл. — Как луна может быть одной из Семи Потерянных?

— Быть может Я.Г. не так уж много знал об этом Пилигримме, — выразил свое мнение Аксель. — Это может быть всего лишь подсказка.

— ЛАДУШКИ. Перелистывай страницу, быть может, мы сможем найти нечто такое что имеет смысл, — сказала Фейбл.

На следующей странице оказался зверь настолько уродливый, что Аксель скривил губы, предпочитая не смотреть на него.

— Чудовище, — задумчиво протянула Фейбл. — Я даже не могу сказать, какого оно пола. Зачем Шу отдавать часть своего сердца уродливому созданию?

— Следующая — это Звезда, — Аксель перевернул лист и оказался на практически пустой странице, где были только звездные рукописные символы. — Как удобно: одним из Потерянных оказалась Луна, другим — Звезда. Этот Я. Г. сошел с ума.

— А кто седьмой из Семерых Потерянных? — Фейбл сама перевернула страницу. —

Что это? — она выглядела так, как будто кто-то только что лопнул ее воздушный шарик.

— Феникс, — Аксель уставился на картинку птицы с багровыми крыльями, птица выглядела так, словно пылала огнем. — Ты ведь знаешь, что такое феникс, да, Фейбл?

— Ну, конечно же, знаю. Я ведь делаю твою домашнюю работу, Аксель, — рассеянно пробормотала Фейбл.

— Ты делаешь мою домашку и не знаешь, что бобы — это овощи, — проямлил он.

— Феникс — это птица, которая сгорает, чтобы затем восстать из пепла, — объяснила Фейбл.

— Как Зомби, — хихикнул Аксель. Фейбл была слишком очарована изображением Феникса, чтобы ответить. — С чего я должен думать, будто это некая подсказка? — спросил Аксель.

— Так и есть, — подтвердила Фейбл. — Только вот я не знаю, что это означает.

— Я не совсем понимаю, — ответил Аксель.

— Когда мы преследовали Локи, я слышала, как он что-то безостановочно бормотал себе под нос, словно пытался не забыть это, — Фейбл подняла глаза, встречая взгляд Акселя. — Он продолжал говорить "Феникс".

— Что с того?

— Я понятия не имею, — ответила Фейбл. — Все что я знаю, так по словам этого Я.Г. эта птица одна из Семерых Потерянных, — Фейбл повернулась к Храму Сна, который был защищен лиловым светом. — Локи там не за тем, чтобы убить Белоснежку. Он там ради Феникса, — озвучила она свое открытие.

— Так значит Королева отправила его убить Феникса? — спросил Аксель.

— К чему убивать ее? — спросила Фейбл. — Она вероятно хочет, чтобы та нашла для нее первую часть сердца Шу. Ты уверен, что о Фениксе больше ничего не сказано в этом дневнике?

— Хм, — Аксель пролистал страницы. — Единственное еще одно упоминание Феникса содержится в этой заметке, где Я.Г. объясняет свое разочарование поисками Фениксов.

— Я не понимаю, — произнесла Фейбл.

— Он говорит, что Феникс — единственный из Семерых Потерянных, чье настоящее имя он узнал... надо отметить, он весьма силен в, как он выражается, "истинных именах", — сказал Аксель. — Он пишет, что каждый раз, как к нему в руки попадали рукописи о настоящем имени Феникса, он был сбит с толку остальными манускриптами, которые называли Огненную Птицу несколько иначе.

— Стало быть Феникс — девушка? — удивилась Фейбл. — У тебя есть эти имена?

— Подожди секундочку, — Аксель начал листать страницы. — Я наткнулся на них, но текст был таким мелким и почти стертym...о, вот они, — он передал дневник Фейбл.

— У меня же дислексия, а ты передаешь его мне? — возмутилась Фейбл, уже читая его.

— Ты читаешь мелкие шрифты куда лучше меня, — начал спорить Аксель.

— ЛАДУШКИ, — Фейбл поправила очки. — Одно из имен Че-ри-ни... не уверена как правильно нужно его произносить. Сперва он думал, что ее зовут Эмбер. (прим. пер. Ember — тлеющие угли). И потом в какой-то момент он понял, что ее настоящим именем было... — Фейбл подняла глаза и встретилась взглядом с Акселем. Она выглядела так, как будто только что увидела свою покойную мать.

— Какое имя? — спросил Аксель. — Ты сводишь меня с ума.

— Золушка, — произнесла Фейбл. — Кармила преследует Золушку!

— Как ей удастся преследовать Золушку, если королева послала Локи в сон к Шу? Разве он не должен войти в сон Золушки, где бы она ни была? — спросил Аксель.

— Я не знаю, Аксель, — Фейбл часто дышала, глядя на лиловый свет. — Этот запертый сон, как мы знаем, должен кончиться. Ты уверен, что в телефоне Локи ничего не упоминалось о том, как открыть сон?

Аксель сделал вид, что не услышал ее. Он не собирался говорить ей, что он успел прочесть. Это само по себе было убийственно.

Не смотря на то, что Шу верила в то, что Серена и была тем самым Фениксом, это знание не давало ответа на все ее вопросы: Кем на самом деле был Феникс? Почему она должна была искать его.

В любом случае, сейчас сон приобрел смысл. Он был совершенно не о том, что Королева хотела убить ее. Локи использовал слово "Феникс" в качестве Инкубатора, потому что Кармила хотела, чтобы Шу возобновила отношения с Сереной, полагая, что та приведет ее к Фениксу.

Какой смысл напоминать Шу о том, что в детстве у нее был близкий друг под именем Серена, и почему она не помнит эту часть своего детства?

Она выяснила, что Серена была Золушкой. Это было не очень сложно. Девушка была покрыта пеплом, жила с мачехой и сводными сестрами, спала в темной комнате рядом с золой и имела один драгоценный стеклянный башмачок, без которого не могла жить. Это должна была быть она, только не в том виде, в котором вы ожидали бы встретить ее в книжке с картинками из реального мира. Серена была настоящей Золушкой из плоти и крови. У Шу было такое ощущение, будто что все, что она знала раньше о Серене, было ничтожным. Серена была не из тех девушек, которые мечтали о посещении королевского бала и встречи с принцем. Она не ждала, пока Крестная оденет ее в самое красивое платье и пошлет карету из тыквы. Вместо этого, она была молодой девушкой, которая наслаждалась тем, что ей удавалось лучше всего, Запретным Искусством, благодаря чему преодолела все зло, пожалованное ей судьбой. Искусство стало убежищем Золушки, компьютерной игрой, в которую играли мальчишки, ускользя в собственный воображаемый мир, вышивкой, которой прославлялась средневековая женщина, вплетая нити в полотна удивительной красоты. Искусство стало лекарством Серены, которое унимало ее боль. Это была ее надежда прожить еще один день; это был тот хрустальный башмачок, который она оставила после себя, подобно тому как Гензель и Гретель бросали свои хлебные крошки, так что счастье могло проследить за ее шагами и найти ее однажды.

И все-же, Шу было любопытно, кто же спасал ее всякий раз, когда она оказывалась на грани к смерти. Была ли то Серена? Могла ли сама Серена создавать огонь? Если так, то почему она не сказала об этом Шу? Но если Серена могла бы создавать огонь, тогда им бы не пришлось идти к печи в Сахарный Домик. Нет, это была не Серена.

Шу вспомнила о Бьянке. По другому и быть не могло. Это она в капюшоне преследовала Шу. Она была ангелом-хранителем Серены, она сжигала всех, кто обижал ее дочь. В любом случае, это — единственное объяснение того, что произошло с Сахарным Домиком. Бьянка спасала дочь от Бабы Яги, и сжигала все до тла, но кто поджег Терновую Стену? Стена никак не угрожала Серене. Могло ли оказаться, что Бьянка защитила Шу, чтобы та выжила и продолжала опекать ее дочь?

Возникало множество вопросов, за которыми следовали другие вопросы. Единственное, что было ясно, так это то, что Серена была одной из Семерых Затерянных которой Шу отдала часть своего сердца, хотя эта информация все равно была бесполезной. Шу не помнила, как именно она разделила сердце, и кому достались его части. Она знала, что сердце разделено из-за единственного воспоминания о дне когда Кармила прокляла ее и

заклЮчила в Шлоссе, не сумев найти Семерых Затерянных. Кармила спрашивала ее о них, и о том, какие части сердца кому достались, даже не подозревая о том, что сама Шу не помнила, что она делила и раздавала частички своего сердца. Шу не могла объяснить причину своей забывчивости.

Сейчас, на Конце Радуги, Шу наблюдала, как Серена играла со своей стеклодувной трубкой в резервуаре, который был озером чистого света, переливающимся всеми цветами радуги. Это было то место, куда Серена обещала привести ее с самого начала; то место, ради которого она прошла бы сквозь ад; единственное место, где Запретное Искусство могло обрести цвет. И это место было прекрасно.

Серена уже показала Шу, как она окунает расплавленное стекло в цветное озеро света. Все, что ей было нужно, так это выбрать цвет. Серена любила множество переходов из одного цвета в другой, поэтому она использовала все цвета радуги. Она также создала огромную бабочку с хлопающими огненными крыльями, но затем убила ее, когда начала задыхаться. Самым удивительным творением Серены были небольшие бабочки, которые при появлении из трубки взмахивали крыльями, знакомясь с миром, как будто стеклодувная трубка была для них коконом. Эти бабочки могли долго жить, не требуя непрерывного дыхания Серены, потому что были чрезвычайно легкими созданиями. Им понадобилось около десяти минут, чтобы свободно полетать над озером, прежде чем их свет погас и они, превратившись в камень, упали в озеро.

Переполнившись благоговения, Шу назвала Серену Богиней Мелочей. Она смогла создать жизнь через свою трубку, только это была недолговечная жизнь. Возможно, Господь избрал Серену не просто так. Но по какой-то причине, он не дал ей возможности создавать полноценную жизнь.

Шу улыбнулась, наблюдая как Серена играет со своей стеклодувной трубкой под радугой. Она представила, если бы все Боги были похожи на нее, создатели удивительных вещей, но теряющие, как Серена. А что если Господь создавал мир, используя их воображение, тем самым помогая им превозмочь боль?

Пока Шу наблюдала за игрой Серены, она услышала как где-то девочки напевают детский стишок. Они топали ногами и прыгали на скакалке где-то за деревьями. Шу подумала, что они похожи на тех жутких девочек, которых Локи слышал в Скорби. Они пели новую песенку:

Золушка, в Пепел Облаченная,

С хрустальным башмачком и спичками вооруженная

Сожгла весь мир до уголька,

Прах к праху, Зло до тла.

Шу закрыла глаза, желая, чтобы голоса ушли прочь. Она не знала кем были эти девочки. Она боялась их песенок, потому что думала, что они всегда предсказывают злое будущее. Вместо этого она стала наблюдать, как Серена счастливо играла в водоеме, вспоминая, как они оказались тут после того, как расплавился Сахарный Домик

Серена показала Шу дорогу к Концу Радуги. Они шли молча в течении часа. Серена нашла свой хрустальный башмачок и теперь шла нормально. Баба Яга исчезла, и Шу боялась спросить о том, что случилось пока она была в отключке. Сплеш сказал ей искать Феникса, и она нашла, она шла с ним бок о бок. Черт, Феникс оказался лучшим другом Шу. Они проходили мимо маленькой деревушки — Ферри Тейл, но Серена настояла на том, что им не следует заходить в нее. Брак заключается в Аду, — то есть на Небесах —, должна я сказать.

— Что ты делаешь, Радость? — сказала Серена, стоя посреди водоема, она дула в свою трубку, смешивая сплав с цветами Радуги.

— Я иду, — сказала Шу, просыпаясь от нахлынувших воспоминаний. Она ступила одной ногой в озеро Света. Сначала она почувствовала щекотку, словно она стояла в тумане.

Конец Радуги оказался действительно концом радуги. Шу не знала где находился другой конец радуги, но она была уверена, что он в Скорби. Если Конец Радуги не приоткроет завесу тайны, то Шу просто не представляла куда ей идти дальше. На мгновение Шу стало жалко свою мать, Кровавую Мэри и Ночную Скорбь. Те, кто поддались ненависти и тьме в своих душах, не могли увидеть Конец Радуги. Разве кто-нибудь мог поддаться тьме после того, как увидел это место? Она посмотрела на свод радуги, который простирался далеко в небо, скрываясь за полуночными деревьями. Радуга была видна в темноте.

Серена успела расплавить свою смесь огнем, сжигавшим Сахарный Домик, и выдувала весь путь к Концу Радуги. Сердце Шу не выносило того, что ее подруга становился ближе к смерти с каждым вдохом в трубку, но она не могла разрушить счастье в глазах Серены, даже если это означало оказаться на один шаг ближе к смерти. Серена дышала в трубку, чтобы поддерживать огонь. Таким образом она могла смешать его с радугой от озера. Это был единственный способ раскрасить ее волшебное стеклянное искусство. Она сказала, что обычные стеклодувы в остальном мире используют кварц и другие природные цветные камни — Шу ничего не знала об этих камнях. Но Серена объяснила, что она не была обычным стеклодувом. Она была Хранителем Искусства.

Теперь, все огромные стеклянные цветы, созданные ею, были раскрашены, словно крылья бабочки. Она выдохнула, создав для них стеклянный замок, внутри которого они смогли провести некоторое время, но это продолжалось не долго, после того, как огня не стало. Серена даже выдула небольшую качающуюся лодку, которая плавала на Озере Света — Шу не спрашивала как — но и этот огонь тоже погас. После того, как все ее расплавленные огни закончились, Серена не собиралась возвращаться, чтобы раздобыть немного огонь из печи в Сахарном Домике, не сегодня. Если бы только Серена могла создавать огонь, ее сила была бы абсолютной, и она бы создала свою собственную страну чудес, в которой можно было бы жить.

— У тебя есть какое-нибудь предположение, почему ты обрела этот талант? — спросила Шу, пока они сидели на вершине холма рядом с Концом Радуги. После того, как Серена наигралась во все, что хотела, она выглядела изнуренной. Оттуда, где они сидели, радуга была на расстоянии вытянутой руки.

— Это магия, а не талант, — промолвила Серена. — Но я не знаю, почему. Разве для магии должна быть причина? Это весело, и я люблю это.

— Ты была проклята когда родилась или что-то в этом роде? — шутливо спросила Шу. — Я знаю, что меня прокляли.

— Правда? — удивилась Серена.

— Это долгая история. Я бы предпочла делать собственный выбор, чем идти по стопам судьбы, которую мне навязали.

— Так значит ты не просто вампир-лунатик как твоя мать?

Шу рассмеялась:

— Нет, существует куда более разумная причина моему существованию.

— Хотела бы я знать причину своего существования, — рассеянно произнесла Серена. — Но мне плевать. Я веселюсь. — выплюнула она.

— Как думаешь, мы хорошие друзья, Серена? — осторожно спросила Шу.

— Друзья навек, — хихикнула Серена.

— Так я могу спросить у тебя кое-что при этом не огорчив тебя? — спросила Шу.

— Что, например? — неохотно поинтересовалась Шу.

На мгновение их взгляды встретились, мир замер и время остановилось. Шу подумала, что наконец настало то самое время, когда она может попросить Серену внести ясность при этом не расстроив ее. Она сделала глубокий вдох и попыталась спросить Серену так деликатно, как только смогла.

— Например, откуда ты родом? Обещаю, я выслушаю тебя без осуждения. Я не собираюсь задавать вопросы подобные тем, что прозвучали на Поле Сновидений.

— Я родилась на Острове Мурано, — обыденным тоном ответила Серена. Она чувствовала себя гораздо лучше с тех самых пор, как очутилась на Конце Радуги. Здесь она чувствовала себя в безопасности, в месте, где искусство принимало свою оптимальную форму.

— Мурано? Никогда о таком не слышала. Где он?

— Рядом с Венецией, — ответила Серена, не вдаваясь в подробности.

— Это где это? — Шу знала, что это где-то в Италии...еще один аспект, о котором она узнала из телефона жертвы в замке. Она по-прежнему хотела услышать это от самой Серены.

— Италия, — глаза Серены широко распахнулись. — В сущности это остров, — она опустила голову, чтобы прошептать Шу кое-что. — Он по форме напоминает башмачок, — она очертила в воздухе силуэт башмачка кончиками пальцев.

— Оу, правда? — удивилась Шу, пытаясь разгадать часть загадки и выяснить, как же со всем этим связана Кармила.

— По легенде, принц потерял бедную девушку, в которую был влюблен, но ему удалось отыскать ее благодаря хрустальному башмачку, который она оставила, — казалось, эта история имела для Серены огромное значение. — В честь их любви, Боги придали Италии форму башмачка.

— Восхитительная история, — Шу притворилась, что никогда ее прежде не слышала. — А есть соображения кем были тот принц и девушка?

— Это ведь сказка, Шу. Будь благоразумной, — произнесла Серена. — Иногда ты поражаешь меня своей наивностью.

— Так ты говоришь по-итальянски? — Шу сменила тему.

Смутившись, Серена отрицательно помотала головой:

— Я не знаю как.

— Ты ведь иммигрантка, так?

— Из твоих уст это звучит как оскорбление, — Серена сузила глаза.

— Вовсе нет, — ответила Шу. — Думаю в Скорби все иммигранты, за исключением моих отца и матери. Тогда как ты попала в Скорбь и с кем?

— Я, правда, не помню. Должно быть я была совсем маленькой. У меня осталось пара воспоминаний о корабле, на котором я приплыла.

— Расскажи мне об этом.

— Помню как днями пряталась в трюме лодки под рыбой, чтобы меня не смогли отыскать, — ответила Серена. — Должно быть, со мной кто-то был, но я не знаю кто, потому что была совсем маленькой.

— Помнишь, почему ты пряталась?

— Вероятно, я нелегальная иммигрантка, — Серена слегка скривила губы. — Я помню название корабля почему-то.

— Это интересно.

— Он назывался Веселый Роджер. На нем был мужчина, и вместо руки у него был крюк, но на этом все.

— Это довольно детальное воспоминание для того, кто не так уж много помнит, — заметила Шу.

— Как и уже сказала, должно быть, я была слишком маленькой. Помнишь, когда мы впервые встретились, я прожила здесь уже год или около того, — ответила Серена.

Шу постаралась не выглядеть удивленной, но все вокруг нее казалось имело связь. Как так вышло, что Серена плавала на Веселом Роджере, и почему у нее не осталось никаких других воспоминаний о своем путешествии. Веселым Роджером назывался тот самый корабль, на котором Шу и Локи плавали в Дримори Явиги. Это был пиратский фрегат, который атаковал Ангела и Кармиллу посреди океана, когда те убежали от Ночной Скорби. Шу ничего не сказала по поводу Веселого Роджера. Она предпочла выслушать Серену.

— По прибытие в Скорбь меня продали в рабство..., — Серена опустила глаза, ей не хотелось говорить. — Ну, знаешь, одной семье.

— Твоя семья живет в лесу?

— Это не моя семья, — Серена стиснула зубы, глядя на Шу. — Мне приходится жить с ними, в противном случае, мне нельзя будет оставаться в Скорби в качестве иммигрантки. Они угрожали, что всем расскажут, что я нелегальная иммигрантка, если не буду делать то, что мне велят. Знаешь в чем ирония? Я не боялась, что они депортируют меня, я боялась того, что мне больше некуда возвращаться.

— Разве ты не хотела бы вернуться на Остров Мурано?

— Хотелось бы, но я нутром чую, что не нужно этого делать, — ответила Серена. — Не знаю откуда у меня это предчувствие.

— Понятно, — кивнула Шу, медленно приближаясь к следующему вопросу и наблюдая за настроением Серены. Она не собиралась спрашивать ее, как она смогла запомнить свою мать, если была слишком маленькой. — Не могла бы ты рассказать мне о...

— Бьянке? — неожиданно улыбнулась Серена. — Она обучила меня искусству стеклодува.

— Она сама была стеклодувом?

— Самым лучшим, она была моим наставником, — Серена переплела пальцы. — Она могла создавать до сотни стеклянных артефактов за день. Она обладала редчайшим талантом и дыхательной методикой. Она была знакома с каждым камнем, каждым ингредиентом и смесью. Она имела представление о таких металлах о которых никто слыхом не слыхивал. Однажды я видела, как она превратила железо в стекло.

— Вау, — произнесла Шу. — Должно быть ее уважали и ценили.

Серена снова скривила губы. Она сжала пальцы.

— Не совсем, — ответила она. — Видишь ли, моя матушка жила в Венеции, городе, который знаменит своими каналами и стеклодувным ремеслом, помимо всего прочего. Но не смотря на то, что стеклодувное ремесло было восхитительным искусством, оно представляло угрозу для местных жителей.

— Угрозу?

— Как я только что продемонстрировала тебе, это требует довольно много огня. Дома в

Венеции были построены из дерева. Однажды во время выдувания стекла, случайно загорелся дом.

— Таким образом, местные жители увидели в стеклодувном мастерстве угрозу для своих жилищ?

— Не только, — Серене, казалось, было неприятно. — Венецианцы считали огонь злом и он якобы явился из глубоких недр ада. Поджечь чей-либо дом считалось серьезным преступлением, поскольку огонь вызывал ненависть. Правда у них было много воды, чтобы потушить пожар, поскольку город стоит на воде, но все же огонь имел специфическое значение для Венецианцев. Бог создал их как народ воды. Огонь был их заклятым врагом. Они боялись его и всех его проявлений.

— Понимаю, — ответила Шу. — Стало быть искусство твоей матушки не было оценено.

— Что само по себе парадоксально, ведь стекло было самым прибыльным доходом Венеции... очень немногие понимали, что огонь был неотъемлемой частью его создания. Со всего мира съезжались люди, чтобы посмотреть и купить наше стекло, — объясняла Серена.

— Я полагаю, что венецианские власти запрещали разглашать секреты создания такого красивого искусства, — сказала Шу.

— Да, это правда. Но откуда ты узнала?

— Потому что в Шлоссе постоянно болтали о стекле, — ответила Шу. — Моя мать потратила прорву денег на стекло со всего мира. Оно было дорогим и редким, так же как и Венецианское искусство, которое было практически невозможно приобрести. Кроме того, стекло само по себе было очень дорогое в Скорби. Об этом ты должна знать.

— Знаю, — кивнула Серена, что навело Шу на мысль, что та знает об этом гораздо больше.

— Как же твоей матери удалось справиться с конфликтом людей в Венеции, в котором сочетались любовь и ненависть к стеклодувам? — спросила Шу.

— В какой-то момент, даже священники ополчились против стеклодувов, обвиняя их в сговоре с силами Зла. Они заявили, что лишь темное искусство может создаваться с помощью огня, — сказала Серена. — Они свято верили в то, что Адский огонь помогает им в создании этого восхитительного искусства. Так что, для некоторых экстремистов, стекло стало порождением Зла.

— Это же абсурд.

— Вся жизнь абсурд, — вздохнула Серена. — Они так увлеклись, что производство стекла в Венеции резко возросло, особенно у моей матери и нескольких ее друзей.

— Ты же только что сказала, что твоя мама могла создавать больше ста артефактов в день, — произнесла Шу.

— И это не укладывается в твоей голове, почему? — спросила Серена. — Удивительно, что при таком таланте, она не могла производить нужное количество огня в день. Это было попросту невозможно.

— Тогда как она это делала?

— Ну, венецианские экстремисты сделали предположение, что у нее был доступ к вулкану, который подпитывался гиеной огненной, — ответила Серена.

— Давай опустим все эти бабкины рассказы, — предложила Шу. — Я хочу знать, как твоя мать действительно делала это.

У Серены ушло лишь мгновение на то, чтобы слова сорвались с ее губ:

— Моя мать была не просто стеклодувом. Она была...

Шу замерла. Внезапно она подумала о том, что ответ ей уже известен.

— Фениксом, — произнесла Серена, она отвела взгляд от Шу, словно это было преступлением.

Шу выдохнула. Она знала каким будет ответ. Тоже самое, что она и ее мать были вампирами, лишь с несколькими оговорками, Серена и ее мать были Фениксами по — своему. Ей по-прежнему необходимо было узнать, что же именно делает Феникс.

— В первоисточниках говорится, что Феникс — это птица, которая восстает из пепла после того как сгорит, — сказала Шу. — Я не совсем понимаю кем была твоя мама.

— Обладательница Огня, некоторые звали ее Магом Огня, — ответила Серена.

— Не понимаю.

— Ну, весьма верное описание Феникса, особенно когда ты стеклодув, художник с талантом выдувать стекло, но лишь немногие из них могли обладать особой силой.

— Какой?

— Они могли создавать огонь по желанию, — ответила Серена.

Ящик Пандоры

— Так Бьянка могла создавать огонь по желанию? — спросила Шу. — Вот почему, как я полагаю, она могла производить столько артефактов.

— Это дар от Создателей, — ответила Серена.

— Тех же самых Создателей, которые придали Италии форму башмачка?

Серена кивнула.

— Это очень редкий дар среди стеклодувов. Я слышала, что за все время только у семи женщин в мире была подобная сила. Три из них жили в Венеции. Моя мать была одной из них, а о двух других я ничего не знаю.

У Шу на языке уже вертелся вопрос к Серене: имела ли она понятие о том, что ее мать могла сжечь Терновую Стену и Сахарный Домик. Она была просто признательна, что Серена открылась ей без тени раздражения, и что в данный момент ей не придется рисковать таким доверительным отношением.

— К сожалению, на этом история не закончилась, — сказала Серена, — Экстримистам, которые имели влияние на Церковь, использование огня показалось колдовством. Венеция отнеслась скептически — и, все же скрывала — как именно производится Искусство, вот слух-то и пополз. А слух был о том, будто ведьмы могут брать огонь из самого Ада, и вскоре, сожгут весь город. Местные поверили, и решили сжечь всех ведьм.

— Но почему? Ничто, кроме домов, не сгорело. Зачем они предсказывали конец всей Венеции?

— Самый знаменитый венецианский оперный театр, Teatro Le Fenice, сгорел на следующий день, — сказала Серена.

— Le Fenice? Не слышала о таком.

— Он был очень знаменит. Поищи в книжках по истории. В нем проходил Венецианский Карнавал, — сказала Серена.

— Думаю, городские жители негодовали, — сказала Шу.

— Так началась охота на ведьм-стеклодувов, все стеклодувы Венеции проходили через унижения, и в конце-концов, в течении многих лет, их сжигали на костре. Думаю ты слышала и о несправедливо обвиненных, их тоже сжигали.

— Невежество и глупость — две самые серьезные мировые проблемы, — прокомментировала Шу. Она слышала про сжигание ведьм в городе Лор, откуда был родом ее отец.

— В конце концов, правительство Венеции решило устранить эту проблему, — сказала Серена, казалось ей стало скучно. Несмотря на то, что Серена была довольно начитанной, она предпочитала не выставлять свои знания напоказ, Серена не была похожа на Шу, все, что интересовало молодую девушку — это ее Искусство. — Они решили изловить всех стеклодувов и отправить их на остров Мурано. Такая мера была предпринята, чтобы остановить многочисленные убийства и не допустить распространения секретного ремесла по всему миру.

— Так вот почему ты родилась на острове Мурано, — догадалась Шу.

— Мама была беременной, когда ее отправили на остров Мурано, — продолжила Серена, — Она рассказывала, что еще до ее отъезда, ей посоветовали ей назвать меня Золой.

— Почему Золой?

— Вся жизнь моей матери была связана со словом "зола", — сказала Серена, — Она всегда была покрыта пеплом от золы и огня, который она создавала, или вещей, которые случайно сжигала. Моя мама даже решила назвать меня Золушкой, чтобы оно звучало больше по-девичьи.

— Тогда почему тебя зовут Серена? — спросила Шу, уже зная ответ.

— На итальянском Серена означает "зола", — сказала Серена, — Иногда я мечтаю, чтобы меня звали Эмбер. Я не знаю почему, ведь Серена мне нравится больше.

— Эмбер — смеси от золы пепла и огня (Слово "Эмбер" образовано от сочетания слов "зола" "пепел" и "огонь") — прокомментировала Шу, — Так твоя мама умерла на острове Мурано?

— Спустя некоторое время после моего рождения, — сказала Серена, — Я не помню много о Мурано, всего лишь единственное воспоминание корабля, уносящего меня прочь.

— У тебя чертовски занятная история, Серена, — заключила Шу. — Я уверена, что произошло куда больше событий, чем ты можешь вспомнить. Тогда почему же у тебя не получается создавать огонь как у твоей мамы, думаешь ты не смогла перенять ее дар?

Лицо Серены покраснело, но она не смущалась, она испугалась. Она отрицательно помотала головой, глаза ее были шире, чем обычно.

— Хотелось бы, чтобы дар перешел ко мне, — произнесла она, — Много раз я пыталась сотворить огонь силой мысли, но у меня не получалось.

— Сотворить огонь силой мысли? — Шу даже не подозревала, как именно Бьянка добывала огонь.

— Я видела во снах, как мама создает огонь, — сказала Серена, — Она объяснила мне, как делать стекло, и заставляла меня совершенствоваться. Она пробовала научить меня созданию огня, но у меня ничегошеньки не получилось.

— Однажды она мне сказала, что никогда не видела человека, который мог бы придавать стеклу настолько причудливые формы. Ах, если бы у меня был такой дар, как у нее!

— А как она пыталась научить тебя создавать огонь? Создание огня — это процесс? Существует ли определенный порядок действий?

— Забавный он, этот порядок, — усмехнулась Серена, — Нужно вытянуть руки, вот так, — она протянула руки, и почти коснулась Шу ладонями, — Затем нужно сконцентрироваться, думать лишь об огне, и произносить "Мотца"!

Серена повторила это загадочное и забавное слово "Мотца" несколько раз, Шу осмотрелась вокруг на предмет пожара. Да, сейчас стало совершенно ясно, что Серена не способна создавать огонь. Она не могла поджечь ни Терновую Стену ни Сахарный Домик.

— Ну как? Убедилась? — пожимая плечами, разочарованно произнесла Серена, — Как бы мне хотелось научиться создавать огонь. Ты представляешь, насколько бы я стала сильна?

Шу заметила, что в глазах Серены промелькнул огонек. Она знала, что такой-же огонек появлялся и в ее глазах, когда она убивала в Шлоссе.

— Тебе не нужна сила огня, и не нужно это Искусство, — сказала Шу, — Ты особенна тем, какая ты есть, Серена.

— Правда? — спросила Серена, задумавшись над комплиментом Шу. — Мне нравится так думать. Причина, по которой я хочу обрести способность создавать огонь, это Искусство недооценено и его боятся. Взгляни на меня. Я могу колдовать, но стоит мне только

заговорить об этом, я пропала. Я читала о стольких недооцененных талантах мира сего. Поэт может написать гениальную поэму, певец спеть самую душещипательную песню, а художник написать самую красивую картину, но без своей силы, кем бы они стали?

— Я понимаю, ты говоришь о том, что владеть Искусством без умения создавать огонь тоже самое, что хлопать в ладоши одной рукой. — Шу кивнула.

Все самые значимые вещи — парные, Шу. Нужно внимательней слушать мамочку, когда та говорит, несмотря на то, что она дьяволица.

— О да, верно, — согласилась Серена, — Иногда я задаюсь вопросом что бы стало со мной, если бы сама Королева или семья, в которой я живу, узнали о моем Искусстве.

— Думаю, они попытались продать бы тебя по заоблачной цене, — пошутила Шу.

— Не самый худший вариант, может быть и хуже, — произнесла Серена, — Доставали бы меня расспросами о том, как именно я это делаю. Ведь они бы захотели тоже иметь такой талант. Да, не стоит и упоминать о том, что люди в наши дни убивают друг друга за стекло. — сказала Серена. — Теперь понимаешь о чем я? Если бы у меня была вся мощь, я бы не жила в страхе. В таком случае, само Искусство отошло бы на второй план, я бы зажила совсем другой жизнью..

— Уверена, ты проживешь замечательную жизнь, — сказала Шу, глядя ее по перепачканным золой волосам. — Мотца! — попытала она удачу, вытянув пять пальцев в воздухе. Серена приложила руку к сердцу и упала на спину; притворяясь, что Шу убила ее движением руки.

Шу рассмеялась:

— Поднимайся, глупышка.

Серена не могла перестать смеяться. Шу давно так не смеялась с подругой, почти сто лет, подумала она.

— Иногда, когда я повторяю "Мотца" снова и снова, часами пытаюсь создать огонь, я думаю, что схожу с ума. Seriously, кто вообще говорит что-то подобное?

— У тебя есть идеи, что это вообще может значить?

— Не думаю что оно что-то означает, — ответила Серена. — Мотца звучит забавно. Ты заметила как нелепо выглядят твои губы, когда ты произносишь "мот", а потом "ца", твои глаза становятся больше, а зрачки и вовсе смотрятся удивленно, — Серена указала на свои глаза, снова глядя на Шу. Ее взгляд медленно потускнел и она потеряла виски.

— Что теперь? — Шу снова забеспокоилась.

— Можно я расскажу тебе секрет, Шу?

— Мы уже об этом говорили, — сказала Шу, — ты можешь рассказывать мне все-все-все, — Шу было приятно, что Серена задала ей такой вопрос. Ведь до этого момента, Серена все скрывала, либо говорила о некоторых вещах слишком расплывчато. А теперь Серена хочет поделиться секретом. Интересно, как интроверты, установив доверительные отношения, начинают раскрываться.

— Бьянка заверяет меня, что я очень важная, словно элемент, что нечто серьезное произойдет в мире благодаря мне, — сказала Серена, — Однажды она мне даже сказала, что я — словно Ящик Пандоры.

— А что это за ящик такой?

— Знаешь, ходит миф о ящике, в котором заточено все зло, — начала рассказ Серена, — Однажды, Пандора, девочка, которой дали этот ящик и которой сказали ни в коем случае не открывать ящик, потому что там содержится зло, поддалась любопытству и выпустила

темную силу в мир.

— Зло? Ты? — спросила Шу. — Это не имеет смысла...

Неожиданно, Серена выпрямилась и в ее глазах появился страх.

— Что такое, Серена? — Шу заволновалась, она слишком измотана, у нее не было сил опять сталкиваться с неприятностями. Ей уже порядком надоел этот сон.

— Ты слышишь? — Она наклонилась и приложила ухо к земле, вслушиваясь.

— Да что опять случилось? — Вскочила Шу, — Неужели Баба Яга нас нашла?

— Я услышала цокот копыт, — Серена бросила взгляд на Шу. — Да. Думаю, это лошадь.

— Тебе услышала это из земли?

— Она приближается к нам, — произнесла Серена.

— С какой стороны? — Шу осмотрелась вокруг.

Они были на взгорке, так что Шу не составило бы труда рассмотреть любого, кто приближался к ним днем, но уже темнело. Она прищурилась и вдалеке разглядела огонь. И тут она догадалась. То был городок Ферри Тейл, в котором они побывали на пути из Сахарного Домика. Там жили прекрасные и миролюбивые люди, которые накормили и предлагали приютить на некоторое время их с Сереной. Только Серена не хотела останавливаться на ночлег.

Серена резко встала и посмотрела в глаза Шу. Ее взгляд одновременно выражал и ужас и восхищение.

— Шу, это не лошадь.

— Тогда что же это?

— Это трехглазый единорог. Я могу слышать единорогов. Мне приходилось часами ждать трехглазого единорога, чтобы увидеть...

— Увидеть, ЧТО, Серена? Ты меня пугаешь.

— Помнишь, я говорила тебе, что есть кое-кто другой, кто мне нравится больше принца? — Серена схватила Шу за плечи.

Шу кивнула, когда головоломка начала медленно складываться.

— Он идет, — сказала Серена. — Я знаю, что мне он не должен нравится, но ничего не могу с собой поделать. Возможно я им восхищаюсь потому, что он могущественный и все его бояться.

— Так кто это идет? — Шу встряхнула Серену. Мысль от осознания того, о ком именно Серена говорила пугала ее.

— Охотник, Шу, — произнесла Серена. — Боюсь, он убьет всех до единого во Фьюри Телл.

Заклинание Фейбл

— Аксель, — позвала Фейбл, ее брат не обращал внимания. — Аксель! — встряхнула она его.

— Что такое? — Взгляд Акселя снова был прикован к телефону Локи. Он решил перечитать Руководство Охотников за Сновидениями на случай, если он все же упустил что-нибудь. — Думаю, я кое-что выяснил.

— Что, например? — спросила Фейбл.

— Думаю, — Аксель поднял голову, принимая позу гениального изобретателя, — что я знаю, кем был отец Локи.

— Правда? — удивилась Фейбл. — Кем же?

— Дай мне минуту, чтобы подумать над этим, — Аксель ходил туда-сюда по комнате. — Отчасти это невозможно, но иного объяснения и быть не может.

— Давай же, Аксель. Скажи мне, — настаивала Фейбл.

— Не сейчас, — Аксель поднял палец. — Сперва мне нужно найти кое-что в интернете. Затем, если все сойдется, я клянусь что вырою Шерлока Холмса из могилы, чтоб он и ты узнали, какой я гениальный детектив.

— Шерлок Холмс умер? — удивилась Фейбл. — Как печально. Я считала его по-настоящему крутым парнем.

Лицо Акселя покраснело. Он приблизился к сестре так, словно собирался съесть ее.

— Что случилось, Аксель? — сдала назад Фейбл. — Здесь где-то завалилась упаковка Липких Сладких Косточек.

— Я не голоден, Фейбл, — прорычал Аксель. — Я зол. Шерлока Холмса даже не существует. Он персонаж книги!

— Оу, правда? — рассмеялась Фейбл, — а Белоснежка и Злобная Королева стало быть нет!

Аксель ощутил замешательство:

— Ну... я... не бери в голову, — он сердито махнул рукой. — Мы не будем драться за воображаемых людей, которых даже не существует.

— Ты прав, — поддержала его Фейбл. — Раз уж ты не говоришь мне кем был отец Локи, позволь мне рассказать тебе кое-что.

— А. Ты пыталась сказать что-то, — сказал Аксель. — Так что же?

— Это пустяк, если не абсолютное безумие, — начала Фейбл. — Так что наберись терпения, пожалуйста.

— Что такое, Фейбл? — Аксель напрягся, пытаясь играть для Фейбл роль папочки. — Ты же не собираешься сказать мне, что ты влюбилась и хочешь пойти на свидание. Ты для этого слишком юна.

— Нет, не это, — Фейбл стала необычайно вежливой.

— Тогда что же?

— Мне кажется, я знаю, как освободить Локи от Руна Кармиллы, — сказала она. Аксель поразила ее спокойствию.

— Правда? Это же круто, — воскликнул Аксель.

— Это не так-то легко, — ответила Фейбл. — Сперва дай мне рассказать, как это

работает. Кармила контролирует Локи посредством Руна, так? — начала она. — Я не знаю как устроено Руно, но думаю, оно является частью души Локи. В этом случае, Кармила контролирует его, как собаку на цепи, создавая тем самым связь, которая контролируется одной из сторон.

— Не могла бы ты опустить детали, — произнес Аксель. — Просто давай уже спасем его и я обещаю, что в награду буду целую неделю делать свою домашку сам.

— Это не так-то легко, Аксель. Прошу, выслушай, — сказала Фейбл. — Я знак заклинание, которое способно разрушить практически любую связь.

— Что в переносном смысле прервет связь Руна? Это то, что ты пытаешься сказать?

— Да, — ответила Фейбл. — Только в магии, это делается несколько иным способом. Заклинание, которое я знаю, свяжет меня с Локи.

— Теперь я ничего не понимаю.

— Это просто. Это словно завладеть чьим-то телом. Большинство провидцев проделывают подобные штуки, — ответила Фейбл.

— Как это работает? — спросил Аксель.

— Теоретически, если я встану близко к лиловому свечению и если заклинание сработает, я стану частью тела Локи. Ненадолго, но достаточно, чтобы привести его обратно в чувства, — сказала Фейбл.

— Я не могу позволить тебе остаться наедине с Локи, — ответил Аксель. — и уж тем более в его теле!

— Всего лишь духовно, Аксель, — объяснила Фейбл.

— То есть, целоваться ты не сможешь?

— Нет!

— Тогда, ЛАДНО. Так как это поможет ему прийти в себя?

— Разве ты не понял? Кармила контролирует его душу через Руно. Его душа в свою очередь контролирует тело. Если я войду в тело Локи на мгновение, я разорву эту связь, — сказала Фейбл. — Руно Локи станет бесполезным, потому что оно будет связано со мной, а меня она контролировать через Руно Локи не сможет. На меня оно не окажет должного эффекта.

— А что ты будешь делать в это самое время? — спросил Аксель.

— Я смогу вытащить кол из Шу, полагаю, — ответила Фейбл. — Да не важно. Я ориентируюсь по ситуации.

— Нет, я не могу позволить тебе этого, Фейбл, — возразил Аксель. — Это слишком опасно.

— Прошу, не выводи меня из себя, Аксель, — начала спросит Фейбл. — Я хочу помочь Локи, и она лишь мысль об этом заклинании пугает меня, так что мне понадобится все твое мужество.

— Ты сама это сказала, — не сдавался Аксель. — Это опасное заклинание. Это означает, что твоя душа, или чтобы там ни было, окажется внутри Храма Сна. Разве я не говорил тебе, что нахождение внутри него ведет к полному безумию, пока сон заперт?

Фейбл поникла, не способная произнести ни слова. Она действительно хотела, чтобы любовь Локи и Шу одержала победу над Злом. Этот безумный сказочный мир перестанет значить для нее хоть что-нибудь, если она потеряет одного из них.

— Послушай меня, Фейбл, — Аксель подошел к сестре и обнял ее. — Иногда я давлю на тебя и я знаю, что я не самый лучший брат на земле, но я не могу вынести даже мысли о том,

чтобы потерять тебя. Я люблю Локи и Шу, но подумай об этом, Фейбл. Это не наша битва. Мы не одни из тех сказочных персонажей. Мы всего лишь две сиротки и у нас никого кроме друг друга. Понимаешь?

— Понимаю, братец, — Фейбл обняла его крепче. — Я просто хотела помочь. Я не могу просто стоять здесь, не зная что происходит там, в Мире Сновидений.

— Вот это моя сестренка, — сказал Аксель. — Кроме того, что без тебя будут делать Итси и Битси? — он терпеть не мог пауков своей сестры, но если это могло вызвать у нее улыбку, то он был не прочь притвориться, что любит их.

— Ты же ненавидишь моих пауков, Аксель, — сказала Фейбл.

— Кто такое сказал? Просто дождись когда мы вернемся, и я обещаю, что буду кормить их.

— А еще тебе нужно позволить Итси спать в кровати рядом с тобой, — Фейбл решила не упускать момент.

— Ну конечно же, — Аксель стиснул зубы за ее спиной, перебирая всевозможные варианты убийства пауков, — до тех пор пока на его месте не окажется какая-нибудь девушка.

Фейбл слегка толкнула его в живот.

— Я только что вспомнила, что это все равно бы не сработало.

— Почему?

— Мне нужно полное имя Локи, чтобы завладеть его телом. В магии это называется истинное имя. У каждого человека есть истинное имя, без которого заклинание не работает, — объяснила Фейбл. — Я помню, что он говорил нам, что Блекстар не настоящее его имя. Его дал ему Чармвилль, потому мне становится еще любопытней, что если ты и правда узнал кем был его отец.

— ЛАДНЕНЬКО, — ответил Аксель и снова взялся за свой телефон. — Я расскажу тебе о своем гениальном открытии, но сперва тебе нужно рассказать мне побольше об истинных именах.

— Это же легко, — сказала Фейбл. — Помнишь старую сказку про Румпельштиггина, которую слышал каждый ребенок?

— Конечно, — кивнул Аксель. — Я всегда подозревал, что это имеет нечто общее с профессором Румпельштейном. Имена похожи.

— Может быть, но это не главное, — сказала Фейбл. — В сказке про Румпельштиггина, которую как я думаю, ты знаешь, чертенок выкрал первенца у матери и пообещал вернуть в случае, если та назовет его настоящее имя. И когда она называет, она контролирует его и даже обретает способность лишить его жизни.

— И что?

— А то, что мы думали, что это всего-лишь обычная история, а на самом деле она- часть истинного волшебства., - ответила Фейбл. — Чтобы заставить заклинание работать, особенно если оно могущественное, ведьма или исполнитель должен знать чье-либо истинное имя, то есть настоящее имя. Но в Королевстве Скорби, я полагаю, истинные имена имеют куда большую власть. Это просто предположение.

— А я сегодня узнал кое-что от своей сестренки, — гордо заявил Аксель, копаясь в телефоне. — Теперь, в свою очередь, я расскажу тебе о своем открытии об отце Локи, только сначала мне нужно отправить последнее сообщение Гению Гоблину. Мне нужно спросить у него кое-что. Этот чувак настоящий гуру. (перевод выполнен для группы «Мир

Фэнтези)

Резня во Фьюри Телл

Шу и Серена наблюдали, как орда Охотников ворвалась в маленькую деревеньку Фьюри Тейл. Их черные плащи развевались на ветру. Рога у единорогов были отрезаны, вместо них красовался третий глаз, у всех за исключением единорога Локи, предводителя Охотников. Единорог был черным, и вместо третьего глаза у него был рог. Шу мгновенно узнала его, потому что это был знаменитый Аликорн Локи.

Всюду, где Локи проезжал на своем единороге, вокруг него завихрялся смеющийся ветер.словно его черная призрачная тень, которая окружала его защитной занавесой, открывая взору лишь лицо и руки. Он разговаривал словно живой, и он подбадривал Локи каждый раз, когда тот отрубал на скаку голову местного жителя.

— Не могу поверить глазам, — Шу отвернулась от вида крови и клинка, которым Локи размахивал по всей деревеньке. По крайней мере, она увидела его издалека. Она не думала, что смогла бы вынести все это, окажись она чуть ближе.

— Это ужасно, — пробормотала Серена, меняя свое мнение по поводу своего обожания к Охотнику, чьи белокурые волосы выбивались из-под капюшона, в то время как он ехал верхом и убивал жителей деревни.

— Фьюри Телл такая маленькая деревушка. Быть может, сотня людей или чуть больше, — сказала Шу. — Почему он убивает их так безжалостно?

— Он бы не стал, если бы на этом не настаивала Королева Скорби, — ответила Серена. — Я слышала, как только он поднимает свой меч — погибает не менее девяноста девяти человек. что стоит ему поднять свой меч, должно погибнуть не менее девяноста девяти человек. Он говорит, что это его счастливое число, — сказала она.

— Почему девяносто девять? — удивилась Шу.

— Я слышала, что Королева Скорби сделала его главным Охотником после того, как он убил девяносто девять вампиров в битве на границах. Но это было давно, тогда он был еще милым мальчиком в королевской армии, — ответила Серена.

Шу задумалась, где же все это время был Ангел. Она вспомнила, что Ангел уезжал на довольно долгое время, чтобы сражаться с Чужаками, иногда не возвращаясь по целому году. Он ведь всегда гордился Локи. Поэтому Локи был приближенным королевской семьи, и поэтому Ангел позднее поручил ему охранять ее лично. Она подумала, что это был неразумный ход со стороны Ангела назначить Локи ее телохранителем. Локи был самым юным и самым храбрым воином в своей армии. Назначать его телохранителем принцессы было просто бессмысленно. Быть может, он беспокоился, что Кармила обижает Шу, и тем самым решил, что Локи станет превосходным защитником принцессы. Как только Ангел мог позабыть о прошлом Локи, что он был сыном ангела и демоницы? По иронии судьбы, Кармила ожидала именно этого.

Шу повернулась, чтобы посмотреть на резню во Фьюри Телл. Локи убивал совершенно безжалостно. Она задумалась, осознавал ли он что творит. Он всего лишь был марионеткой, которой управляла Кармила, кукловод?

Он не пропускал ни одной головы, ни разу. Его удары были быстрыми и он даже не оглядывался на тела павших. Некоторые охотники поднимали головы и начинали пинать их ногами, пока смеющийся ветер пролетал меж ними. Шу была слишком потрясена, чтобы

обратить внимание на то, что стала свидетельницей первого в истории футбольного матча.

Лицо Локи было скрыто капюшоном плаща, и Шу по-прежнему желала, чтобы это оказался не он. Что если она стащит капюшон и убедится, что головы рубит вовсе не Локи, разве это будет не самым лучшим моментом в ее жизни?

Ты же знаешь, что это ОН, Шу. Не пытайся изменить этого. Тебе подсказывает сердце. Даже если ты ничего не помнишь, его ты уже не забудешь. Он пытался убить тебя во имя Королевы, когда тебе было шестнадцать. Ты не помнишь лишь, как он влюбился в тебя после всего этого.

— *Послушай, — произнесла Шу. — Серена, оставайся здесь. Я собираюсь пойти во Фьюри Телл.*

— *Нет! Ты останешься здесь.*

— *Я должна пойти. Быть может, он вспомнит меня, — ответила Шу.*

— *Ну, конечно же, он вспомнит тебя. Он находится в услужении Королевы. С какой стати ему не помнить принцессу?*

— *Я совсем не это имела в виду. Я имею в виду вспомнить... — Шу прикусила язык. Она хотела упомянуть, что Локи мог вспомнить, что она та, кого он любил. Быть может, если бы ей удалось поцеловать его, она спасла бы его, как он спас ее тогда, в Шлоссе.*

— *Мы ничего не сможем поделать с этим, Шу, — Серена стиснула ее руку. — Думаю, он мне больше не нравится после всего того, что я только что увидела. Я имею в виду, слышать, что он могущественный и убивает направо и налево одно, но видеть это совсем другое. Как он мог убить столько людей? Здесь лежали женщины вместе со своими детьми. Он такой же как Королева и моя приемная семейка.*

— *У тебя есть какие-либо соображения по поводу того, зачем они нападают на деревню? — спросила Шу.*

— *Я не слышу их отсюда, — ответила Серена. — Я могу снова попробовать приложить ухо к земле.*

— *Не обязательно, — сказала Шу, собираясь бежать во Фьюри Телл.*

— *Интересно, зачем охотники собрали всех детей, — заметила Серена.*

Шу остановилась. Серена была права. Локи убивал всех взрослых во Фьюри Телл, в то время как охотники сгоняли всех детишек в центр деревни. Детей поставили на колени, связав руки у них за спиной, тогда как охотники проверяли их один за одним. Они жестоко дергали детей за волосы, нюхали их и заглядывали им в глаза.

— *Что происходит? — спросила Шу, снова колеблясь. Быть может ей просто следовало ворваться в деревню и встретиться лицом к лицу с Локи, или..?*

Хватит колебаться!

— *Хотела бы я знать, — ответила Серена. — Смотри, он отпускает одного из детишек.*

— *Где?*

— *Та, светловолосая девчушка.*

Это была правда. Шу удивилась, почему охотники освободили одного из детишек. Она заметила, то отпустили еще одного, потом еще одного. Охотники прокричали что-то, одну и ту же фразу, снова и снова.

— *Ты слышишь, что они говорят? — спросила Шу у Серены.*

— *Погоди, — Серена опустила на колени и снова приложила руку к земле, пытаясь услышать, что кричали охотники. Шу задумалась, было ли это нормально или же Серена*

была просто одержимой. — Думаю, они говорят нечто вроде "зима в глазах", — произнесла Серена.

— Это бессмысленно, — отозвалась Шу. — Почему они так говорят?

— Это похоже на песенку, но, быть может, это звучит как "у них в глазах зима". Я не уверена, — Серена снова поднялась на ноги, не в силах больше слушать всю эту резню.

Фьюри Телл просто плавал в крови, и Локи наконец слез со своего единорога, прохаживаясь среди детей. Они опустили головы дрожа и моля о пощаде. Локи ничего не сказал. Он схватил девочку за волосы и отрезал их, затем протер ими свой клинок, пнув жертву, отчего та, покатила по земле.

— Я лучше буду любить принца, — пробормотала Серена.

Шу ничего не ответила. Она оцепенела. Она только что поняла, если ей не удастся привести Локи в чувства, в этом сне им просто суждено стать врагами. Пока Кармила владеет его Руном, он один из тех, кого ей предначертано убить. Если бы она только нашла способ вернуть его.

Будь честна с собой, Шу. Если тебе удастся спасти его, сможешь ли ты простить его за все то, что он совершил в прошлом: люди, которых он убивал и детей, которых он собирается убить прямо сейчас?

Шу пожала плечами, ощущая головокружение от мыслей в голове. Почему она не должна прощать его за все те ужасы, что он совершил в прошлом, когда как он простил ее за всю ту кровь, что она пролила в Скорби. Она убила сотни подростков в Реальном Мире, и все же, ей было предначертано стать Избранной. Возможно ли быть Избранной и при этом не искупить прошлые грехи?

— Серена, — Шу обратила свой взгляд на нее. — Ты уверена, что этот кровожадный Охотник, Локи? — вопрос был нелогичным, но ведь любовь слепа, а принимать желаемое за действительное было ей свойственно.

Шу захотелось умереть, нежели услышать неизбежный ответ Серены.

— Конечно же, это он, Шу, — уверенно ответила Серена. — Это он, Охотник. Известный так же как Локи Ван Хельсинг.

— Но Ван Хельсинг всего лишь персонаж книги, — Фейбл еще никогда прежде не выглядела такой шокированной.

— Если быть точным, он персонаж "Дракулы" Брэма Стокера, — сказал Аксель. — И да, герои книг только что повыпрыгивали со страниц здесь, в самой Скорби. Это сущее безумие! Как бы мне, по счастливой случайности, не оказаться каким-нибудь Шалтаем-Болтаем!

— Перестань так несерьезно ко всему этому относиться. Это прямо сумасшествие какое-то. В первую очередь, ты должен объяснить мне, как ты до этого додумался, — сказала Фейбл. — И тогда я буду решать, хочу ли я по-прежнему оставаться частью этого безумного мира.

— Для начала ты должна спросить себя, почему большинство глав, написанных в книге Охотников за Сновидениями, подписаны инициалами В.Х., - сказал Аксель.

— В.Х., - выдвинула предположение Фейбл, — Ван Хельсинг.

— Локи говорил мне, что Чармвилль Глиммер подарил ему это Руководство Охотников за Сновидениями, потому что оно написано его отцом, — сказал Аксель. — Поэтому Локи оберегал эту книгу.

— Ван Хельсинг — это отец Локи, — подумав, проговорила Фейбл, кружась в фиолетовом свете. — Так значит, Ван Хельсинг был ангелом, Охотником за Сновидениями?

Аксель кивнул, скрестив руки на груди.

— Не мог бы ты напомнить мне, кем Ван Хельсинг был в первую очередь, как персонаж, о котором мы говорим? — попросила Фейбл.

— Абрахам Ван Хельсинг был одним из главных персонажей в "Дракуле" Брэма Стокера, — объяснил Аксель. — В книге, Дракула был вампиром, которого никто не мог убить. Ван Хельсинг помог группе людей убить Дракулу после великой охоты. Ван Хельсинг был экспертом по вампирам и никогда не было действительно ясно, почему.

— Разве в книге говорится о том, что он был Охотником за Сновидениями? — спросила Фейбл.

— Конечно же, нет, — ответил Аксель. — Ты разве не улавливаешь суть, Фейбл?

— А должна была?

— Тот "Дракула" скорее всего — фальшь, как и сказки Братьев Гримм, — произнес Аксель, — Бьюсь об заклад, большинство книг подделаны, скрывая реальную историю, замаскированную на страницах романов, сказок и басен.

— Не может быть, — показала головой Фейбл.

Аксель посчитал забавным то, что Фейбл отказывалась верить ему, когда как она продолжала думать, что Шерлок Холмс настоящий, а Шекспир был волшебником. И все же он не делал из этого проблему. Он был сосредоточен на своих собственных открытиях.

— Помнишь, как я рассказывал тебе об имени Кармила Карнштейн еще до того, как она поймала нас в ловушку на кухне, о том, как она упоминалась в исторических романах?

— Да, — ответила Фейбл. — Ты говорил, что оно встречалось в книге Джозефа Шеридана Ле Фаню "В Темном Стекле". Один из рассказов в этой книге назывался "Кармила".

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Точно, — сказал Аксель. — На самом деле антагонистом (прим. пер. главный злодей) в этой книге была безжалостная девушка-вампир, ее звали Кармила и она происходила из рода Карнштейнов, весьма известной семьи в Австрии.

— Наша Кармила, Королева Скорби? — переспросила Фейбл.

— Я так думаю, — сказал Аксель, — Некоторые историки утверждают, что роман «Кармила», это первый документальный вампирский роман, написанный даже раньше знаменитого Дракулы. Ладно, существовало несколько старинных книг о вампирах, но «Кармила» была первой, которая вызвала у историков вопросы о природе вампиров, — он остановился, чтобы убедиться, что Фейбл с ним согласна. — Пролистывая книгу у себя на телефоне, я нашел картинку с изображением Кармиллы, высасывающей кровь у девушки по имени Лаура

— Почему это так важно?

— Потому, что Лаура никогда не превращалась в вампира, и никогда не умирала. Кармила питалась ею, чтобы оставаться в живых, — сказал Аксель, — Не находишь ничего общего с нашей Кармиллой, которая купалась в крови молодых девочек, чтобы оставаться живой? Королева Скорби — Кармила Карнштейн, первая в мире женщина-вампир.

— Но рассказы и время не совсем соответствуют друг другу, — Фейбл задумчиво потерла ухо.

— Мы же не будем снова это обсуждать? — потер глаза Аксель.

— Знаю, знаю, — она замахала руками в воздухе, — Все эти книги были переделаны. Они — остатки реальности, в которые просто невозможно было поверить. Будто некоторые книги были переписаны и наводнены подсказками, замаскированными в романах.

— Зашифрованы и напичканы намеками для таких гениев как я, — сказал Аксель.

— Не льсти себе, Шалтай-Болтай, — поддразнила его Фейбл.

— Ах вот как, значит? — Аксель вытянул шею и прищурил один глаз, — Как насчет этого открытия? Помнишь, как Локи говорил нам, что Шу называет свою маму " Та, Которой Нужно Повиноваться"?

— Помню, — ответила она. — Но думаю, что это название хромает. Оно чем-то похоже на имя главного злодея в книге про Гарри Поттера.

— Что, если я скажу, что все было наоборот? Что, если я скажу тебе, что Та, Которой Нужно Повиноваться, она же Кармила Карнштейн, она же Миркалла, и она же Королева Скорби, жила еще задолго до написания всех книг, которые были тобой упомянуты? — сказал Аксель.

— Чем ты это докажешь? — Фейбл ненавидела, когда ее брат умничал и оказывался прав.

— Смотри, — в качестве доказательства Аксель решил использовать самый правдивый источник, интернет, конечно же.

— Ты собираешься показать мне еще одну книгу с именем Той, Которой Нужно Повиноваться? — Фейбл скривила губы

Аксель утвердительно кивнул.

— В 1886 году знаменитый автор Генри Райдер Хаггард написал книгу, которая и по сей день не была напечатана. Книга называлась "Она". В ней идет речь о двух американских путешественниках, которые исследовали неизвестные в то время африканские территории. В своем путешествии они сталкиваются с примитивным народом черных туземцев,

порабощенных таинственной белой королевой, Айшей, которая правит как всемогущая "Она" и которая убила так много людей, что земля была покрыта алой кровью.

— И что? Все эти красочные рассказы могут быть просто совпадением, — поинтересовалась Фейбл. — И ее зовут Айша. Это тем более ничего не доказывает.

— Нет, ее имя не просто Айша, — ответил Аксель. — Она была известна под именем "Та, Которой Должны Повиноваться", — Аксель хлопнул пухлой рукой по телефону, как будто он был драгоценной картой сокровищ.

— Ты хочешь сказать, что это опять Кармила? — поинтересовалась Фейбл. — И что, этот писатель, как и большинство других, замаскировал ее историю под роман, чтобы намекнуть на существование королевы в Скорби?

— Точно, — сказал Аксель. — В книге даже есть момент, где автор упоминает, что она кормилась за счет своих рабов; возможно, он пытается указать на то, что она была вампиром. Это произошло в 1886, между столетием Спящей Смерти всех сказочных персонажей. Мы знаем, что Кармила имеет власть на небольшой части Мира Сновидений под названием "Явиги", что она, должно быть, выходит из него, пока все спят и живет в Африке до тех пор, пока остальные персонажи не проснутся.

— Мне нужно присесть, — произнесла Фейбл, скрестив ноги, словно индианская флейтистка, сидя на полу. — Моя голова сейчас взорвется.

— Если Королева Скорби — это все эти люди, — Аксель пытался доказать свою правоту, — то почему бы Ван Хельсингу не быть отцом Локи?

— История Кармиллы отличается, — сомневалась Фейбл. — Это все слишком запутанно. Я едва успела переварить тот факт, что люди из сказок настоящие, а теперь еще и вампирские предания?

— Это не так уж странно, если хочешь знать мое мнение, — сказал Аксель. — Если ты приняла то, что Шу вампир, то тебя не должно удивлять, что охотник связан с Дракулой. В конце концов, Королева отправила Охотника убить вампира. Будь то какой-то Охотник или же Абрахам Ван Хельсинг, суть от этого не меняется.

— Ладно, Аксель, — вздохнула Фейбл. — Просто дай мне время немного переварить это. Я понимаю, что здесь тоже выходит В.Х., но все равно это может быть простым совпадением. Зачем Брэму Стокеру, автору Дракулы, понадобилось бы делать это?

— Потому что, также как Братья Гримм, он подделывал реальную историю вампиров и сказок — и, конечно, никто бы не мог подумать, что они были связаны, — сказал Аксель. — Я постоянно говорю тебе об этом, но ты никогда не слушаешь.

— Я полагаю, следующее, что ты скажешь, что не знаешь, почему он ее подделывал, так же, как мы до сих пор не знаем, почему Братья Гримм подделывали свои сказки.

— В этом ты права, — Аксель поднял палец в воздух. — Но что, если я скажу, что Брэм Стокер, исправил книгу о Дракуле на свой вкус и цвет, что это изначально была правдивая история, и что он должен был переименовать персонажей, чтобы защитить их?

— Вот сейчас ты переходишь черту. Ни один автор не признается в таком, — сказала Фейбл.

Аксель ничего не сказал, но на его лице расплылась широкая улыбка.

— Ты ведь не можешь этого доказать? — Фейбл бросила ему вызов.

— Это я-то не смогу? — Аксель принял вызов, снова копаясь в Интернете на телефоне Локи. — А теперь взгляни на это, — он подозвал Фейбл к себе.

— "Предисловие к исландскому изданию Брэма Стокера в версии 1901 года," —

прочитала Фейбл в Интернете. — Ну и что с того?

— А ты прочти, — потребовал Аксель. — Это ограниченное издание, напечатанное самим автором.

— Совсем скоро читатель поймет, что события, изложенные в этой книге, тесно связаны. Они — части единого целого, — начала Фэйбл. — Читателю откроется полная картина. Он поймет, что все события, описанные в этой книге — части единого целого. Помимо незначительных деталей, по моему мнению, абсолютно ненужных, я дал возможность действующим лицам рассказывать истории с их точки зрения. Конечно же, я изменил их имена и названия мест. Что касается всего остального, я оставил рукопись без изменений, как того желали очевидцы, которые хотели представить свой труд общественности, — пожимая плечами, Фейбл посмотрела на Акселя. — Нет ни капли сомнения в том, что события, описанные ниже, действительно имели место быть, однако, на первый взгляд, все нижеизложенное может показаться полнейшей выдумкой. Так же, я убежден, что истории останутся не до конца понятыми, хотя, новые исследования в области психологии и естественных наук смогут объяснить некоторые явления через многие десятилетия. Сейчас же, ни ученые ни тайная полиция не сможет докопаться до истины. Это правда? — промолвила Фейбл с широко открытыми глазами.

— Прочтешь дальше? — спросил Аксель, — В этом редком документе автор признается, что роман полу-правдив, изменены лишь места и имена, думаю, чтобы защитить героев. Говорю тебе, по этой самой причине и Братья Гримм фальсифицировали события. Возможно, она защищали Семерых Затерянных. Похоже на историю Шу. Все, что ты читала в сказке Белоснежка и Семь гномов почти правдиво. Читать нужно между строк, там весь смысл, вся правда.

— То есть, ты хочешь сказать, что существуют романы с воображаемыми персонажами, которые существуют в действительности по всему миру, — размышляла Фейбл. — Значит, я могу встретить настоящего мистера Дарси?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Аксель. — Романы, которые мы читаем каждый день, оказались искажениями реальности. Более того. Послушай: "В романе "Дракула" Абрахам Ван Хельсинг утверждает, что его жена сошла с ума после смерти их сына".

— Бабушка не безумна, — воскликнула Фейбл.

— Для меня все призраки безумны, — сказал Аксель. — Но это не главное. Абрахам позже объяснил, что его жена умерла для него. Не забывай, что роман, скорее всего, был сфальсифицирован, так что это тонкое указание на призрачную мать Локи.

— Но Локи не умер, — произнесла Фейбл.

— Но на самом деле он был мертв, — сказал Аксель. — Он был обращен в Тень Небесным Советом, так Совет наказывает Охотников за Сновидениями. Для меня это означает умереть. Чармвилль вернул Локи из мертвых, высвободив его из лап Тени, дав ему вторую жизнь, помнишь?

— Я все еще не уверена в этом, Аксель, — Фейбл покачала головой и вздохнула, — Но если Локи — сын Ван Хельсинга, как это относится к происходящему?

— Я еще не уверен, — Аксель пожал плечами, — но не думаю, что снова смогу воспринимать мир таким, как раньше. Следующее, что я знаю, это то, что ты могла бы быть Гретель.

Фейбл уставилась на фиолетовый свет. Нечто снова и снова приковывало ее взгляд к этому свечению. Ее желание пройти сквозь него усиливалось с каждой секундой,

проведенной в Шлоссе. Фиолетовый свет создавал беспорядок в ее голове. Она решила не пытаться спасти Локи с помощью своего опасного заклинания, потому что она все равно не знала его Истинного Имени. И даже теперь, когда она узнала его Истинное Имя — благодаря теории Акселя — она все равно сомневалась. Фиолетовый свет манил ее, ей ведь так хотелось попасть в Храм Сна и спасти Локи.

Если бы она только узнала, какую информацию удалил ее братишка из телефона Локи. Фейбл позволила Акселю что-то бормотать о своих теориях, она его уже не слушала. Слишком ее манило то фиолетовое свечение. Что с ней происходило?

Вдруг, совершенно неожиданно, у Фейбл закружилась голова. Она чуть не упала в обморок, чуть не упала в лиловое свечение.

— Фэйбл? — Аксель ничего не понимал, — Что происходит?

— Я не знаю, — еле выговаривала она, — Будто...

— Будто что? Ответь!

— Де-жавю, или вроде того, — Фейбл выглядела взволнованной, — Словно я чувствую, что сейчас происходит в другом мире, — ее начало трясти, — Кажется, происходит что-то нехорошее.

— С кем? — Аксель крепко ее держал, — С Локи? С Шу?

Фейбл старалась не смотреть в глаза брату. Те ощущения, что бурлили в ней, были ужасны и страшны. Она сглотнула и сказала, что чувствовала.

— Со мной. Со мной случится нечто плохое.

Шу и Серена наблюдали, как местные лошади умчались, спасаясь от злобных Охотников во Фьюри Телл. Какое-то время, Локи расхаживал среди детей, словно разыскивая нечто. Он каждого хватал за волосы и заглядывал в глаза, как делали прежде остальные охотники. Ее же взгляд был сосредоточен на Локи Ван Хельсинге. Она всегда знала, кем он был, так что замечание Серены ее вовсе не удивило. Шу рассказывали, что Фредерик Ван Хельсинг был поверенным ее отца и он присутствовал при ее рождении. Неужели Фредерик был еще одним Охотником за Сновидениями, который симпатизировал вампирам? Она понятия не имела какова была его связь с Абрахамом или же Локи. Она лишь была уверена в том, что Абрахам Ван Хельсинг был отцом Локи, Охотником за Сновидениями, которого изгнали за любовь к матери Локи, демону.

— Помнишь, я собиралась рассказать тебе забавную историю о Сахарном Домике перед появлением Бабы Яги? Ту самую, как появилось название Фьюри Телл? — спросила Серена.

— И как? — отстраненно произнесла Серена.

— Фьюри Телл — это иначе говоря Ферри Тейл, — пояснила Серена, — Я знаю, это безумно, но есть секретный язык «Тоска». Говорят, что кто-то создал его для общения с женщиной, которую ему запрещено было любить. Чтобы общаться на этом языке, нужно говорить слова, которые звучат похоже, но имеют разный смысл. Я не знаю, кто изобрел его, но говорят, что он родом из Фьюри Телл.

— Похоже, это забавный язык, — сказала Шу, почти не вникая. Беседовать с Сереной, когда Локи собирается убить одного из детишек было не лучшим занятием. Она надеялась, что Локи искал детей только с "зимой в глазах". Она полагала, что остальных детей он оставит и уедет прочь.

— Забавный язык, — согласилась Серена. — Например, помнишь тот стишок "У Мэри была лампа"? — Она кивнула. Ей хотелось, чтобы Серена перестала болтать. — На языке Тоски он бы назывался: "Женился шляпник на ручке ковша", — хихикнула Серена.

— Что? — сказала Шу. Ей показалось, что она узнала кого-то из детей внизу, но она не была уверена.

— Блошиный зуд хуже самого громкого храпа, — хихикнула Серена, — Это означает: чья шерсть была бела как снег.

Она пропустила мимо ушей слова Серены, прищурившись, чтобы рассмотреть, кто были все эти дети.

— Весь стишок на языке "Тоски" будет звучать приблизительно так: Шляпник женился на ручке ковша, блошиный зуд хуже самого громкого храпа. А должок Мэрри одурачил Дверь с клыками покороче, — Серена смеялась не переставая.

— Серена! — зашипела Шу и показала пальцем, чтобы она замолчала. Поведение Серены после того, как они достигли Конца Радуги, было довольно раздражающим. Немного детским, считала Шу.

Серена пожала плечами и постаралась увидеть, зачем Шу спускалась вниз по холму. У нее не было выбора, но следуя за ней, она старалась быть тихой. В деревне же, Локи подошел к другому мальчику, который, по его разумению, был весьма крепко сложен.

— Зима в его глазах, — сказал он, отпуская его. Шу с трудом верила, что это был голос

Локи: спокойный и уверенный, без малейшего намека на сострадание. Охотник взял мальчика и проводил его к только что прибывшей карете. Те мальчики, которых пощадили, будут доставлены в замок.

— Почему дети с "зимой в глазах" отправляются в замок? — пробормотала Шу.

— Может это "блеск в глазах, а не "зима", — предположила Серена.

— Разве есть такое слово? — Шу подкрадывалась к одной из лошадей, сбежавших из Фьюри Телл. Лошадь не двигалась, совсем не боясь ее. Она всегда хорошо ладила с лошадьми. Это было одним из немногих преимуществ заключения в замке. Ей было разрешено ночью ездить вокруг замка на белых лошадях, в то время как ее окружали охотники, не давая ей сбежать. Ангел был ее личным учителем, когда он был рядом.

— Я не знаю, — Серена пожала плечами, — Я не ходила в школу, ты знаешь. Я просто убирала в ней. Может, это своего рода язык Тоски, как я только что тебе говорила.

Шу притянула к себе лошадь, которая медленно прогуливалась недалеко от деревни.

— Надеюсь, Локи не собирает детишек на убой Королеве, — прошептала Шу.

— Не думаю, — ответила Серена, — Они берут и мальчиков и девочек. А Королева купается только в девичьей крови. Мальчики очень ценятся, к ним всегда хорошо относятся. Я вот переживаю по поводу его слов, он говорит "зима в глазах".

— Пожалуйста, не надо! — умолял толстый мальчик. Он заплакал, — Родителей нет дома. Они уехали из города сегодня утром, сказали, что вернуться завтра. Я должен заботиться о сестре. Не убивайте ее. Я должен ее защищать.

— Да ты даже себя защитить не можешь, малыш, — смеющийся ветер хлестал мальчишку по обеим щекам.

— Кто твоя сестра? — произнес Локи.

— Вон она, — сказал мальчик, указывая на девочку с косичками.

— Вот глупый мальчишка, — стиснула зубы Серена, — Если б хотел защитить ее, не нужно было выдавать.

Шу едва сдержала крик, она осторожно начала спускаться с холма. Она узнала и мальчика и девочку.

— Мою сестру зовут Гретель, — ответил мальчик.

Локи подошел к Гретель и ткнул ее в плечо острием меча, из раны полилась кровь.

— Посмотри на меня, — добрым голосом произнес он, — Ты — Гретель?

Гретель кивнула, не поднимая головы.

Как только Шу увидела лицо девочки, она ее признала. Это была Фейбл. Она вспомнила, как отважно Фейбл сражалась с Плохишем в Шлоссе. За тот поступок Шу восхищалась Фейбл. Локи сказал Шу, что Фейбл не переставала верить в свои силы до самого победного конца. Она не удивилась, что Аксель и Фейбл оказались Гензель и Гретель. Локи говорил ей, что Чармвилль намекал на этот факт. Все разговоры о Сахарном Домике и еде намекали на этот факт еще больше. Шу очень надеялась, что Баба Яга не была их матерью-ведьмой. Это было бы ужасно.

Все о чем могла думать Шу, это каковы были б последствия, если бы Локи убил Фейбл. Умерла ли бы она в Реальном Мире, если бы он убил ее в Мире Снов? Умрет, подумала Шу. Ведь, если Фейбл не станет в 1812 году, то как она может жить в наши дни? Ведь все применимое к вампирам, применимо и к ней? Или..?

— Убери от меня свои руки, — закричала Гретель, — Ты, Королевский ублюдок.

— Замолчи, — взмолился Аксель, — Или он тебя убьет.

— Однажды, я стану ведьмой и я прокляну тебя, Охотник, — она плюнула Локи в лицо.

Гретель не умрет в Реальном Мире, так как Локи убьет ее не в своем сне. Медленно шагая, рассуждала Шу. Человек исчезнет навсегда только если он умрет в своем собственном сне. По правде говоря, Шу не была уверена в своих мыслях по этому поводу.

— Я не могу этого допустить, — пробормотала Шу, — Я обязана спасти девочку.

— Ты ее знаешь? Она твой друг, как и я? — спросила Серена.

— Да, — сказала Шу, собираясь оседлать коня.

— Позволь мне пойти в тобой, — попросила Серена, — Я могу помочь. Я буду сражаться своей стеклодувной трубкой.

Прежде чем Шу смогла ответить Серене, один из охотников увидел ее и Серену. Он стоял, глядя прямо на них, его лицо было скрыто капюшоном. Довольно странно, что он не сказал остальным о Серене и Шу. Он медленно пошел к ним, не говоря ни слова.

— Кто этот человек? — сказала Серена, нацелившись своей стеклодувной трубкой, словно мечем, — Иногда мне до ужаса хочется плевать огнем, как дракон.

— Это — человек, который гнался за мной, — Шу была готова завизжать, — Он преследовал меня всюду, в Терновой Стене и в моей комнате в замке.

— О чем это ты говоришь? — спросила Серена.

— Это мой преследователь, Серена, — сказала Шу, — Я думаю, это могла бы быть твоя мама.

— Моя мама? Это невозможно, — возразила Серена, — Ты ошибаешься. Зачем Бьянке тебя преследовать?

Ее преследователь теперь уже стал ближе. Под капюшоном не было видно желтых змеиных глаз, как у всех прочих. Однако, его молчание и уверенность были тревожными.

Шу собралась взобраться на лошадь вместе с Сереной, а потом уехать. Но, неожиданно, она обнаружила, что ни капли не боится человека, что преследует ее. Это было неожиданное чувство. На самом деле, ей стало даже любопытно узнать, кто это был.

Может ли это быть Локи? Или, может, это другой охотник, не Локи?

Голосок Фейбл, проклиная Локи, вернул Шу обратно к действительности. Нет времени на любопытство. Она должна сражаться и спасти Фейбл от Локи. Шу зарычала на охотника.

— Охотники гораздо сильнее тебя, — ответил охотник, приблизившись настолько, чтобы заговорить. Загадочный незнакомец оказался девушкой. Но это была не Бьянка, потому что по голосу она была слишком юной, да и Серена не узнала ее голос. — Единственный способ спасти Фейбл, это приказать Серене убежать.

— Кто такая Фейбл? — спросила Серена. — А ты вообще кто такая? — огрызнулась она на девушку в черном плаще.

— Как это спасет Фейбл? — воскликнула Шу, не имея времени спросить, кем же была ее преследовательница. Если человек, особенно девушка, знала, что Фейбл была не из этого мира, она подумала о том, что вполне может ей доверять. Может это Чармвилль Глимер?

Чармвилль не девушка, Шу! Не тупи!

— Сама подумай, — ответила девушка, одетая в черное. — Каждый раз, когда Серена убегает от тебя, сон меняется. Когда она оставила тебя в комнате замка, сон изменялся на сцену с Одли Тьюнсом. Когда ты обидела ее и она убежала с Поля Сновидений, сон изменился и ты проснулась в своей спальне.

— Какой еще сон? — спросила Серена.

— Я знаю, ты интересовалась, кто контролирует этот сон, — произнесла незнакомка. — Это — Золушка. Серена, Феникс.

— Откуда тебе известно мое имя? — Серена вся вспыхнула от гнева. — Лишь моя матушка звала меня Золушкой. Откуда ты узнала?

— Если Серена скроется из виду, сон изменится и Локи не убьет Фейбл, — сообщила незнакомка, игнорируя Серену. — Теперь, пожалуйста, скажи ей убежать. Она послушается только тебя.

— Беги, — сказала Шу Серена. Это был импульсивный шаг, но она желала спасти Фейбл. По правде, не смотря на то, что Фейбл обожала ее, она не совсем хотела спасти ее. Она хотела уберечь Локи от убийства Фейбл в Мире Сновидений... на случай, если ей когда-нибудь удастся вернуть его Руно обратно.

— И ты ей веришь? — воскликнула Серена. — Она же лгунья..

— Беги! — оскалилась на нее Шу. — Прошу!

— Увидимся позже, хорошо? — спросила Серена.

— Ну конечно, и создадим еще больше Искусства, — Шу постаралась ответить как можно спокойней.

Фейбл уже кричала позади. Серена со стеклодувной трубкой в руке, побежала изо всех сил. Шу увидела, как та скрылась во мраке, глядя на незнакомку и надеясь, что та не обманывает ее. Девушка в плаще оказалась права. Она начала ощущать головокружение и это был верный знак того, что сон вскоре изменится. Но прежде, чем это произошло, Шу задала последний вопрос: "Кто ты?"

— Меня зовут Элис, — девушка сняла капюшон. — Элис Вильгельм Карл Гримм. Меня послал Вильгельм.

— Фейбл! — закричал Аксель и подбежал к своей сестре, которая внезапно упала на пол.

— Что с тобой, сестренка? — Аксель притянул ее к себе и крепко обнял. Как и всегда, он попытался оказать ей первую помощь, все еще полагая, что в этом равных ему нет, но она и так дышала, только не отвечала ему. Ее глаза закатились, а потом, она начала дрожать.

Аксель похлопал ее по щеке пару раз, при этом постоянно извиняясь, что бьет слишком сильно. Он предложил ей свои Липкие Сладкие Косточки, пытаясь запихать ей их в рот, думая, что она потеряла сознание от голода. На мгновение, он даже обвинил себя в том, что ел слишком много, а ей доставалось всего ничего.

— Сколько раз я тебе говорил, что ты слишком костлявая? — Аксель уже был готов расплакаться. — Ты меня никогда не слушаешь. Что с тобой, Фейбл? Ответь мне.

Фейбл все еще дрожала, у нее начались галлюцинации и она говорила что-то, что Аксель не мог разобрать. Мысли лезли в его голову одна за другой. Быть может, ему следует вынести сестру из Шлосса и отвезти в больницу? Но каким образом? Черный Лес был слишком далеко от больницы, чтобы всю дорогу нести ее на руках, не смотря на то, что Кармен была почти что под окнами, но работала она лишь когда Локи был за рулем.

— ЛАДНЕНЬКО, — сделал глубокий вдох Аксель. — Понял. Ты пытаешься обманом выведать у меня то, что было в удаленной части Руководства Охотника за Сновидениями, чтобы разрушить чары сна. Если ты проснешься, я обещаю, что все расскажу, — взмолился он.

Фейбл по-прежнему дрожала, бормоча неразборчивые слова.

— Пожалуйста, Фейбл, пожалуйста! — воскликнул Аксель. — Все хорошо, я расскажу о чем было написано в телефоне Локи. Единственный способ открыть сон — это...

Внезапно, Фейбл схватила Акселя за руки так сильно, что пальцы побелели. Она склонила к нему голову и взглянула на него своими белыми глазами, словно одержимая демоном.

— Руки прочь, — взревела она, словно Аксель стоял слишком далеко от нее.

— Что происходит, сестренка? — закричал Аксель. — Что с тобой происходит, — он просил взгляд на фиолетовое свечение, и увидел, что в нем возникают всполохи голубого света. — Спорю, все это потому, что ты слишком близко к этому идиотскому свечению. Я ведь говорил тебе, не приближаться к нему, сестренка. Ты меня вообще слушаешь? Когда же ты поймешь, что я люблю тебя больше всего на свете?

Шея Фейбл изогнулась назад, словно кто-то схватил ее за волосы. На этот раз, она выглядела так, словно ей нужна была помощь, она повисла на нем. Цвет ее глаз изменился на голубовато-лиловый, как и защитное свечение Храма Сна.

— Руки прочь, — повторила она. Она звучала так, словно была слаба и испытывала боль, потом последовали ее бессвязные слова о маленьком мальчике, девочке и Охотнике.

— Что ты говоришь, сестренка? Я не понимаю! — Аксель сжал ее крепче, не в силах понять, что происходит. Он заметил, что на плече у Фейбл идет кровь, будто невидимая сила ранила ее кончиком ножа.

Наконец, она произнесла связное предложение, но он все равно не понял, что оно

означает. По-крайней мере, слова были понятны.

— Ты, Королевский ублюдок! — возмущенно взвыла Фейбл. — Убирайся из Фьюри Телл, — добавила она на последнем вздохе, прежде чем ее голова и руки упали.

После встречи с Элис Гримм, Шу сперва показалось, что она снова проснулась в своей спальне. Она проснулась в Мире Между Снами. Она стояла среди макового поля, в то время как ласковый ветерок повеял нежным прикосновением. Мир снова стал прекрасен, и она захотела, чтобы это продолжалось вечно. Она распростерла руки и откинула голову, вдыхая все запахи, что ее окружали, солнце же мягко поцеловало ее в лоб.

Все будет хорошо, Шу. Ничего плохого не случится, пока ты здесь.

Она задумалась, как же так выходит, что Мир Между Снами гораздо лучше, чем сами сны. Здесь не было ни намека на тьму, на присутствие зла, или же на малейшую жестокость. Это была личная Страна Чудес Шу, место гораздо лучшее, чем жизнь или смерть, лучше действительности, место ее воображения... воображения Локи.

— Ты не обращаешь внимания, Шу.

В отдалении, она увидела Локи, одетого во все белое, словно ангел, но он был связан тонкими, почти невидимыми алыми нитями. Солнце светило прямо ему в лицо. Шу не смогла отчетливо разглядеть его. Свет был таким слепящим, но она узнала его по голосу, по походке, по запаху. На этот раз, от него не исходил запах зла. Он пах слабостью, отчаянием и смятением.

— Локи, — произнесла она. — Почему я снова здесь?

— Я все пытаюсь сказать тебе кое-что, — голос Локи дрожал, словно осколки стекла в воздухе.

— Я знаю, — она сделала шаг навстречу.

— Не приближайся ко мне, — предостерег он ее. — Я могу выглядеть соблазнительно лишь издали, до тех пор пока ты не приблизишься и не увидишь мое лицо.

— Послушай, — Шу остановилась, слегка выгнув спину, поскольку тело ее не слушалось, желая приблизиться к Локи. — Я видела, что ты наделал, дети, которых ты убил. Я помню тебя, Локи. Я знаю о всей той тьме, что ты несешь на своих плечах. Но знаешь что, мы похожи. Все мы совершали ужасные поступки.

— Не такие, как я, — произнес Локи, его голос был бесцветным, не злым, а каким-то мертвым, словно голосовые связки были обычными пустыми трубками.

— Нет, ты не понимаешь. Мы все похожи на тебя. Ты придаешь всему этому столько значения лишь потому, что ты полуангел. Все в Скорби подобно тебе, все в мире. Никто из нас не являет собой добро, — пожалала плечами Шу. Она подумала, что уж кто-кто, а ей в последнюю очередь стоит раздавать ему советы. Фактически, порой она сама ощущала вину, как и он.

— Ты слишком много болтаешь, — сказал Локи. — Я не могу удерживать этот Мир Между Снами слишком долго. Я связан с Кармиллой Руном. Все, что я делаю, она видит. Все, кроме этого Мира Между Снами, потому что это особое и личное место глубоко во мне, — объяснил Локи. — Так что не трать время попусту, послушай меня.

Она послушно кивнула.

— Как я уже сказал, ты не обращаешь внимания на этот сон, — сказал Локи. — Ты прочла медальон, что я дал тебе?

— Я пыталась, Локи, — ответила она. — Поверь мне, я пыталась, но это полная

бессмыслица. Почему ты просто не скажешь?

— Любовь заключается не только в словах, Шу, — сказал Локи. — Если ты не используешь свое сердце, разум и душу, тогда любовь ничего не значит. Это похоже на волшебство, что показывала тебе Серена, для которого нужны Сердце, Мозг и Душа. Если ты приложишь все усилия, ты прочтешь надпись на медальоне.

— Я пытаюсь, Локи, — Шу почти топнула ножкой. — Но он не читаем, — Шу ощутила жжение в глазах. Она боролась со слезами. Она поднесла ближе округлый медальон, чтобы изучить его. — Похоже на гравировку, и я пыталась прочесть ее всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

— Это потому, что ты смотришь лишь на то, что у тебя перед глазами, Шу, — ответил Локи и его образ начал меркнуть. — Мы всегда думаем, что правда лежит прямо перед нами. То же самое происходит, когда мы судим людей по внешнему виду, также как и книгу судят по обложке. Стоит только пролистать несколько страниц и картина проясняется. Ты не зришь в сам корень. Все гораздо проще, чем ты думаешь.

— Локи, ты звучишь так... — Шу поверить не могла, что любимой фразой этого парня было "Меня зовут Локи Блекстар и я здесь, чтобы надрать тебе задницу." — Так что же еще такого в этом медальоне, чего я не вижу? Я обещаю, что отыщу правду, — она сняла его и зажала в ладони, до сих пор не уверенная в том, на что он намекал.

Когда она вскинула голову, чтобы взглянуть на него, Локи уже исчез. Мир Между Снами заканчивался вот уже во второй раз, а она так и не смогла найти ему более лучшее применение. По мере того, как он исчезал, что-то щелкнуло у нее в голове, и она перевернула медальон другой стороной. Только тогда она увидела другую часть головоломки. Еще одна не читаемая надпись:

st H 45

Мир закружился вокруг Шу, и она приготовилась вернуться в Дримори, задумавшись, удастся ли ей снова встретить Элис Гримм. Она хотела спросить ее, какого черта происходит.

— Все в порядке, Шу, — раздался голос. — Теперь ты в безопасности.

Шу взгляделась в размытый образ, уже узнавая голос. Это была Элис Гримм, загадочная девушка, присланная Вильгельмом.

— Вдохни и выдохни, медленно, сердцебиение придет в норму. Ты через многое прошла в этом сне, — сказала Элис. — С тобой все будет хорошо. Обещаю.

Лицо Элис начало приобретать форму. Она была возраста Серены, блондинка и обычной улыбкой и светлой кожей. У нее были обыденные черты лица, что делало ее похожей на любую другую девчонку из Обычного Мира. Элис не была бессмертной или же сказочным персонажем. Ей было семнадцать и она была частью Обычного Мира. Она могла сказать, что Элис не пришлось повидать мир во все красе. Если она была потомком Гримм, она до сих пор могла считать, что Белоснежка — потерявшаяся в лесу хохотушка, жаждущая поцелуя Прекрасного Принца.

В противовес Белоснежке, Элис не была замешана в убийствах. Элис не видела первого изобретения телевизора... Шу и сама была заточена в замке, однако один подросток украл телик и привез его в замок, вместе со своей подружкой. Элис не было и в помине, когда первый человек высадился на луну или когда изобрели нарезной хлеб... Шу помнила этот день отчетливо, потому что это случилось в 1912, сто лет спустя после ее шестнадцатого дня рождения.

— Где я? — спросила Шу, касаясь затылка. — Не думаю, что прочие Избранные падают в обмороки, как я, — пробормотала она.

— Мы в купальне Кармиллы, — ответила Элис. — Ты в кровати Королевы, где она обычно принимает доклады от своих любимых гоблинов.

— И где она убивает всех невинных девушек, — добавила Шу.

— Не хотелось затрагивать эту тему, — сказала Элис. — Не беспокойся. В данный момент ванная не используется. Мы одни, но нам нужно торопиться.

— Так вот значит как этот сон работает, где бы Серена меня не оставила, я могу перенестись в другое время?

— Да, потому что Локи использовал "Феникс" в роли Инкубатора. Вообще-то это сон Серены, только твоими глазами, — сказала Элис, — осторожный и хитрый трюк Кармиллы.

— Значит, Серена по-настоящему была моим другом в детстве? — спросила Шу.

— Именно, — кивнула Элис.

— Тогда почему я не помню ее? — спросила Шу.

Элис колебалась мгновение:

— Потому что Серена одна из Семи Потерянных, между которыми ты поделила свое сердце.

— Это я уже выяснила, — Шу присела, разминая больную шею. — Расскажи лучше, чего я не знаю.

— Чармвилль Глиммер, — произнесла Элис, поморщившись.

— Так что там на счет Чармвилля Глиммера? — удивилась Шу.

— Он помог тебе забыть, кем были Семеро Потерянных, — объяснила Элис. — Он использовал одно из заклинаний Обливиона, когда тебе было шестнадцать.

— Почему он это сделал?

— Исключительно с твоего разрешения, — вздохнула Элис и наклонилась к ней, — чтобы защитить тебя от Королевы Скорби. Чармвилль беспокоился, что как твоя мать, Кармилла надавит на тебя и прочтет твои мысли. Единственный способ, чтобы не узнала она — забыть тебе все самой.

— Тогда почему я снова вспомнила Серену в этом сне? Разве ее не стерли из моих воспоминаний? — спросила Шу.

— Неплохая теория, — согласилась Элис, похоже она куда-то торопилась. — Фактически, в этом воспоминании, ты должна была встретить кого-то из Семи Потерянных, но ты их не помнишь, потому что их стерли из твоей памяти. В случае Серены, Локи с Кармиллой использовали на тебе Силу Имен, чтобы вернуть воспоминание о Серене. Он использовал имя...

— Феникс, теперь я поняла, — сказала Шу.

— Именно. Поэтому заклинание Чармвилля разрушилось, и ты вспомнила все, что произошло между тобой и Сереной в прошлом.

— Поэтому я не могу видеть луну или русалку, что дала Серене Русалочье Молоко? — удивилась Шу. — Быть может, они тоже из Семерых Потерянных?

— Может быть, — ответила Элис. — Я не знаю кто такие Семеро Потерянных. Я лишь знаю, что Серена одна из них, — добавила Элис.

— Что снова приводит нас к тебе, Элис, — Шу разглядывала ее. — Мне и впрямь нужно расспросить тебя, откуда ты все это узнала.

— Я ведь говорила тебе, я — Элис Гримм, потомок братьев Гримм, — нетерпеливо ответила Элис. У Шу возникло подозрение, что эта самая Элис что-то не договаривает. — Вильгельм Гримм отправил меня помочь тебе, — добавила она.

— Почему Вильгельм? Я заметила, что ты никогда не упоминаешь Якоба. Разве он не твой родственник тоже? — спросила Шу.

— Так и есть, — согласилась Элис, — но Якоб на стороне Королевы. Вильгельм — на нашей. Это очень старая вражда меж ними, но у нас правда нет времени говорить об этом.

Шу было плевать, что у этой Элис могут быть не все дома. Шу уже знала, что причины спешить не было. Она намеревалась задать Элис множество вопросов, но затем, она заметила кое-что, что мгновенно разозлило ее и ей захотелось придушить девчонку. У Элис был медальон, что Локи дал ей; кулон висел на груди.

— Это что, медальон Локи у тебя на шее? — Шу сделала над собой усилие, чтобы не вонзить в нее клыки.

Увидев гнев на лице Шу, Элис прижалась к стене. Тем не менее, сдаваться она не собралась.

— Я тебе не враг, Шу, — произнесла Элис. — Успокойся. Я здесь, чтобы помочь тебе, а ты лишь все усложняешь.

— Плевать кто ты такая. Отдай мне медальон! — потребовала Шу. — Зачем он тебе вообще?

— Я пыталась прочесть его для тебя. Это одна из причин, по которой Вильгельм послал меня, — оправдывалась Элис. — Я верну тебе его, если ты выслушаешь меня.

— Я больше не буду слушать твой бред! — Шу удивилась своей собственной реакции. Медальон Локи много значил для нее и для этого сна.

— Прошу, верь мне. Я знаю, почему Локи был так непохож на себя в Мире Между

Снами.

— Ты... что? — Гнев Шу утих, лишь немного, и то из любопытства. — Откуда ты узнала про Мир Между Снами? Он сказал, что это тайное место.

— Это и есть тайное место, — согласилась Элис, и придвинулась еще чуточку ближе. Шу недооценивала ее, думая, что она всего лишь девчонка из Обычного Мира. — Я догадалась, что вы встретились там из-за медальона. Вильгельм учил меня, что подобное место существует в глубинном подсознании нашего разума. Мир Между Снами место в воображении у Локи. Лишь немногим позволено попасть туда. Это могут быть лишь те, кого он очень сильно любит. В жизни каждого всего пятеро или трое таких людей. Еще есть хорошая новость по поводу Мира Между Снами: Кармилла не может его видеть, — объяснила Элис.

— Он сказал мне тоже самое, но я не понимаю, почему так важно, что Кармилла не в силах увидеть Мир Между Снами, — гнев Шу испарился.

— Потому что Кармилла видит все, что происходит в этом сне, — сообщила Элис.

— Все? — Шу нахмурилась. Она огляделась, со стойким ощущением, будто она заточена в стеклянном снежном шаре на ладони у ведьмы.

— Каждое мгновение, через Руно Локи, — медленно ответила Элис. — Она словно смотрит в хрустальный шар. Все, за исключением Мира Между Снами. Хвала Господу, что она может попасть в этот мир лишь через Локи.

Шу присела на краешек подоконника, пытаясь проанализировать каждую безумную деталь того, что она только что узнала.

— Но с этим Миром Между Снами тоже все не так просто, — сказала Элис. — Где бы душа Локи не потянулась к тебе в этом мире, он не может делать это долго, потому что она увидит это в своем хрустальном шаре. У нее свой способ возвращать его обратно, если он исчезает, мучает его каждый раз, как его душа тянется к тебе.

— Тогда почему он не использует этот чертов Мир Между Снами, чтобы сказать мне то, что он хочет? — спросила Шу.

— Разве ты еще не поняла? Порой любящему сердцу нужны только многозначительные взгляды и едва уловимые намеки, и чтобы тот, кому адресовано, правильно всё понял, — во взгляде Элис промелькнула мука, когда она говорила все это, словно она хотела, чтобы кто-нибудь любил ее также сильно, как Локи любил Шу. — Какой смысл в отношениях, если двоим придется все время объяснять все друг другу?

— Но я не могу прочесть этот проклятый медальон, — Шу сосредоточилась, прикладывая все свои усилия, чтобы не расплакаться. Мгновение и она собралась с мужеством, чтобы взглянуть на Элис. Она снова поднялась и взяла себя в руки. Она оказалась сильнее, чем думала. — Все в порядке, но после того, как я выслушаю тебя, я хочу, чтобы ты вернула мне медальон. Так что прошу, скажи что-нибудь полезное, — потребовала она.

— Я и собиралась рассказать тебе нечто полезное. Хотела рассказать с самого начала, но ты сомневалась во мне и продолжала задавать слишком много вопросов, — сказала Элис, поднимая глаза и встречая взгляд Шу. — Я расскажу, как пробудиться от этого сна.

— Наконец-то, — облегченно вздохнула Шу. — Я, кажется, уже целую вечность пытаюсь проснуться от этого сна. Почему он длится так долго? Акселю и Фейбл пора бы уже давно разбить зеркала в Храме Сна и разрушить связь Мира Сновидений, но я не понимаю почему этого до сих пор не произошло.

— Потому что они не могут, — объяснила Элис. — Этот сон запечатан заклинанием. Ни Сновидящий, ни Охотник за Сновидениями не в силах контролировать этот сон. Опять же, я могу рассказать тебе, как проснуться.

— Ну же, просвети меня, — подначивала ее Шу. — Мне правда интересно, почему ты до сих пор не рассказала мне, ты преследовала меня все это время.

— Разве я тебе ранее не говорила, ты бы не вспомнила Серену или не поняла крайне важную информацию о своей собственной жизни. И ты бы меня не послушала, — добавила Элис. — Единственный способ освободиться из этого сна, обернется для тебя очень трудным выбором.

— Да ладно? Может, уже просто скажешь? — потребовала она. — На простом английском языке, без загадок, как мне пробудится от этого сна?

Элис пожала плечами и ее проникновенный взгляд смягчился. То, что она собиралась рассказать Шу, разобьет ее сердце на части.

Жестокий Выбор

— Хватит, Аскель, — произнесла Фейбл. С тех самых пор, как она пришла в себя после своего дрожащего припадка, он скармливал ей все, что было у него в сумке. Для Акселя, поднять настроение можно было лишь едой.

— Ладно, — ответил он. — Не надо ворчать. Я ведь волновался за тебя.

Фейбл же очнулась с противоречивыми чувствами, которые не могла объяснить. Она спросила Акселя о своих галлюцинациях, и он рассказал ей о Королеве и о Фьюри Телл. Еще никогда прежде, она не ощущала связи с параллельным миром. Прежде, она экспериментировала со всеми видами магии, но тут все было совсем иначе.

— Не хочешь поговорить о том, что произошло? — спросил Аксель.

— Как я уже говорила, думаю, я была в Мире Сновидений с Локи и Шу, — она не переставая смотрела на лиловое свечение.

— Ты видела их? — скептически спросил он. Он не знал, почему Фейбл втемяшила себе в голову, что побывала в Мире Сновидений. Может, у нее были галлюцинации от голода, недосыпа или невероятных приключений, что случились с ними, как только Локи приехал в Скорбь.

— Я не видела Шу, — она обернулась и посмотрела на Акселя.

— А Локи?

Фейбл выглядела так, словно боялась произнести имя Локи.

— Видела, — поникла она.

— Что такое, Фейбл?

— Локи, — прошептала она. — Это было ужасно.

— Не принимай близко к сердцу, сестренка, — посоветовал Аксель. — Не обязательно говорить об этом сейчас.

— Я должна рассказать об этом! — вспыхнула Фейбл, поднимая голову. Аксель заметил, что она стала более вспыльчивой, в то время как дрожь усилилась.

— Хорошо, — произнес он. — Расскажи, быть может, ты почувствуешь себя лучше.

— Локи был таким жестоким, Аксель, — сказала Фейбл. — Я видела, что он стал Охотником, он теперь работает на Королеву.

— Это его ты назвала королевским ублюдком?

— Да, — призналась Фейбл.

— Так ты и вправду была там, в Мире Сновидений, с ним, два века назад? — Аксель почесал голову.

— В маленькой деревушке, под названием Фьюри Телл, — ответила Фейбл. — Он почти...

— Почти что?

— Ему почти удалось убить меня, Аксель.

— Локи? Убивал тебя? Он же с ума по тебе сходит. Ты же его человеческая слабость, — возмутился Аксель.

— От этого только хуже, — сказала она. — У него были желтые змеиные глаза, как у Королевы тогда на кухне.

— Почему он хотел убить тебя? — спросил Аксель.

— Точно не помню, — ответила Фейбл. — Это было что-то вроде странного припадка. Я чувствовала, что я нахожусь одновременно здесь, в Шлоссе и в Мире Сновидений. Не могу объяснить всего.

— Ты что-нибудь скрываешь от меня, Фейбл? — удивился Аксель. — У меня ощущение, что ты мне врешь. Ты чего-то не договариваешь.

— С какой стати мне лгать тебе, Аксель? Может уже хватит подозревать всех и каждого.

— Просто у меня ощущение, что ты стала другой, после того, что произошло.

— Я пытаюсь вспомнить, Аксель. Почему ты не понимаешь? — она дотронулась до крошечной ранки, что обработал Аксель.

— Не волнуйся, — сказал Аксель. — Я о ней позаботился. Остановил кровь.

— Спасибо, братишка, — отозвалась Фейбл. — Но кровотечение наименьшая из моих забот.

— Сочту за благодарность, — Аксель закатил глаза.

— Подумать только. Меня ранили в Мире Сновидений, а кровь текла и в Обычном Мире. Это, правда, страшно, — сказала Фейбл.

— И ты говоришь, что Локи сделал это с тобой? — подскочил Аксель. — Я надеру ему задницу, как только он проснется, — он сжал руки в кулаки и уставился на лиловое свечение.

— Если они проснутся, — прокомментировала Фейбл.

Аксель занервничал, избегая ее взгляда.

— Не думаешь, что пришло время сознаться, ведь это ты удалил ту часть, где написано, как разрушить сон? — Фейбл не колеблясь, спросила у Акселя.

Аксель ничего не ответил, сжимая телефон в руке. Он не сомневался, что Фейбл все равно выяснит, как открыть сон. Может сказать ей? Ответ ей явно не понравится.

— Я поранилась здесь, в Обычном Мире, ты ведь знаешь, что это означает? — надавила Фейбл. — Это значит, что я уже каким-то образом связана с Миром Сновидений.

— Мне самому интересно как, — Аксель метнул в нее еще один подозрительный взгляд.

— Мне-то откуда знать? Ты видел, чтобы у меня раньше случались припадки? — Она поднялась, все еще ощущая усталость. — Если меня убить в Мире Сновидений, я умру и здесь.

— Все это бред, Фейбл, — возразил Аксель. — Каким боком ты окажешься в Мире Сновидений? Ты не одна из них. Твое место не в Мире Сновидений. То, что произошло с тобой — это некого рода магия, быть может, потому что ты крутилась рядом с этим дурацким фиолетовым свечением. Я говорил тебе держаться от него подальше.

— Ты прав, Аксель, — Фейбл понизила голос. — Я попала в Мир Сновидений и это бессмысленно. Я не сказочный персонаж. Я никогда не была особенной, — она хохотнула. — Но если один из них доберется до нас оттуда? Может, им нужна наша помощь. Помнишь, когда Локи говорил, что тебе нужно разбить зеркало, если они не смогут проснуться? Теперь, мы не в силах это сделать, они могли мысленно передать нам послание. Что если так, Аксель? — Она приблизилась к нему, разговаривая крайне вежливо. — Как ты будешь жить, если узнаешь, что они нуждались в твоей помощи, а ты стоял тут, ел свою вредную еду и ничего не делал?

— Я согласен с тобой, Фейбл, — сказал он. — Я бы сделал что угодно, чтобы помочь Локи. Ты ведь знаешь, что он мой единственный, лучший друг... Шу меня мало беспокоит,

честно говоря. Но я не могу помочь Локи, даже с той информацией, что я удалил из телефона... — он понял, что ляпнул лишнего.

— Так значит, ты признаешься, что удалил, как Локи и Шу выбраться из сна, — сказала Фейбл.

— Да, удалил, — Аксель всплеснул руками и отошел к лиловому свечению. — Что с того?

— Раз уж мы больше не в силах им помочь, почему бы тебе просто не сказать мне? — спросила Фейбл.

— Как от сердца отрываю, — пробормотал Аксель. — Но тебе это не понравится.

— День уже выдался крайне неприятным, — отмахнулась Фейбл. — Переживу и еще одну гадость.

— Чтобы выбраться из сна, — Аксель повернулся к своей сестре. — Сновидящему или Охотнику за Сновидениями придется убить другого, чтобы разрушить чары. Лишь один из них сможет проснуться живым.

— Ты с ума сошла? — выпалила Шу. Не говоря о том, что убить Охотника задача не из легких, но даже сама мысль о причинении вреда Локи была неприемлемой.

— Знаю, это тяжело, но если не сделаешь этого, ты останешься в этом сне навечно, — Элис попыталась положить ей руку на плечо, но Шу лишь отмахнулась. — Кармила запечатала сон заклинанием, что означает, что связь Мира Сновидений столь крепка, что Локи не разбудить. Даже сама Кармила теперь ничего не сможет с этим поделать...хотя вряд ли она об этом знает, или ей плевать.

— Да мне тоже плевать, — Шу оттолкнула Элис и подошла к окну, пытаясь найти хоть какую-нибудь логическую связь.

— Ладно, Шу, — уже тише произнесла Элис, напрягаясь. — Мне нужно рассказать тебе одну историю, если не возражаешь.

— Я думала у тебя не так уж много времени, — ответила Шу. — А теперь ты хочешь рассказать мне историю?

— Это единственный способ объяснить обстоятельства твоего заточения в этом сне, — сказала Элис. — И какова настоящая роль Серены во всем этом.

— Серены? — задумалась Шу. Даже в самый трудный час, она не могла отказаться от возможности разузнать побольше о своей загадочной подруге детства. — Я тебя слушаю, — кивнула она.

— Это обычная история, как и все прочие сказки, — начала Элис, — только немного мрачнее.

— Локи такое любит, — рассеянно пробормотала Шу. — Я вся внимание.

— Испокон веков, загадочный артефакт под названием Зеркало Андерсена представляло интерес для всех сил, так называемых сторон добра и зла, — продолжила Элис.

— Почему "так называемых"?

— Потому что абсолютного добра и зла не существует, — ответила Элис.

— А еще зеркала и стекло были изобретены не так давно, Элис, — снова перебила Шу.

— В нашем мире, да, — согласилась Элис. — Но не в космическом. Зеркало Андерсена существует уже давным-давно. Ходили слухи, что даже Юстус фон Либлиг, предположительно первый человек, который изобрел серебряное зеркало, на самом деле копировал Зеркало Андерсена, — Элис остановилась передохнуть. Она начала ходить по купальне туда-сюда, словно учитель на лекции, сложив руки за спину. — Никто не знал, кто создал зеркало и по какой причине. Все, что известно, оно отражало все самое худшее в людях.

— Самое худшее? Ты имеешь в виду, как то зеркало, что стояло в моей спальне и отражало уродливую природу моей матери? — спросила Шу.

— Не совсем, — ответила Элис. — Обычные зеркала показывали природу Королевы, потому что так должно было быть. А Зеркало Андерсена показывает темную сторону человека, будь он хороший или плохой. Оно просто показывает все самое плохое в людях. И точка.

— Тогда почему все так стремились заполучить это зеркало? — удивилась Шу.

— Сперва поиски зеркала не были столь кровавыми, как сейчас, до того как оно попало

в руки дьявола, — объяснила Элис.

— Оу, в этой истории есть даже дьявол, — Шу уже не знала во что верить.

— Он — уродливый тролль. Короче говоря, дьявол случайно разбил зеркало, и осколки разлетелись по всему миру, — объяснила Элис.

— И что? — Шу отстранено обхватила себя за плечи.

Какое отношение это имеет ко мне?

— Осколки меньше песчинки попали в людские глаза и сердца, — ответила Элис. — Каждый из них нес в себе частичку темного зеркала, так армия тьмы распространилась по всей земле, — продолжила Элис.

— И впрямь похоже на страшилку, — произнесла Шу. — Но почему это звучит невероятно знакомо?

— Потому что на эту историю был тончайший намек в сказке Ганса Христиана Андерсена — Снежная Королева, — ответила Элис. — Ганс был еще одним знаменитым сказочником, как и Братья Гримм, — добавила Элис.

— Так значит, Зеркало Андерсена названо в его честь, а его создателя не обязательно зовут Андерсен?

— Да, — ответила Элис.

— А я думала наш мир имеет отношение лишь к Братьям Гримм, — сказала Шу.

— Наш мир имеет отношение ко всему, поверь мне, — заверила ее Элис. — Но не в этом суть. Андерсен мог намекать на историю или даже изменить ее, как Братья Гримм. Моя версия более скромная и правдоподобная, если ты не будешь меня перебивать.

— Тогда продолжай, — сказала Шу. — Давай посмотрим к чему это приведет, — Элис нравилась ей все меньше и меньше с каждой минутой.

— У носителей тьмы обычно золотые вкрапления в глазах. Оно сияет очень тускло и почти незаметно, пока ты не приглядишься как следует. Дети с такой меткой запятнаны тьмой, такая армия растет по всему миру, — Элис замолчала и бросила взгляд на Шу. — Понимаешь, что я говорю? Единственный способ найти носителя — заглянуть им в глаза.

— Зима в глазах! — чуть не подпрыгнула Шу, произнося фразу. — Зима в глазах, а не сияние. Охотники во Фьюри Телл искали детей — носителей тьмы, — теперь Шу заинтересовалась.

— И они отсылают их Королеве, чтобы та смогла иметь огромную армию абсолютной тьмы, — кивнула Элис.

— Кармила, — Шу присела на краешек окна. Ее мать была не просто жестокой Королевой, питающейся юными девушками. Она собирала тьму со всех уголков света, желая стать Королевой Всея Тьмы. — И ты говоришь, что силы так называемого добра и зла хотят это зеркало?

— Верно. Вообрази только, какой могущественной можно стать, если заполучить такое зеркало. Если его найдет добрый, он избавит мир от горя и боли. Если же злодей, как Королева, ну... Думаю, ты уже знаешь, на что она способна. Оно станет ей огромным подспорьем в поисках Семи Потерянных.

— Но ведь зеркало разбито на мелкие кусочки, — сказала Шу. — Разыскивать детей с этими осколками в глазах по всему миру просто абсурд. Это невозможно.

— Королева будет искать до тех пор, пока не найдет лучшего решения, и поверь мне, она уже близка к тому, чтобы прибрать его к рукам, — заявила Элис.

— Какого рода решение?

— Было сказано, что безымянный создатель зеркала оставил так называемый ключ, как разыскать его, — ответила Элис. — Если ключ будет найден, то он будет обладать силой собрать все осколки воедино, а также всех носителей тьмы в мире.

— Что за ключ? Какой-нибудь манускрипт? — предположила Шу.

— Никто не знает что собой представляет ключ, зато лишь немногие в этом мире знают, где он спрятан, — произнесла Элис и ее взгляд посерьезнел.

— Где же можно спрятать ключ, который обладает силой над всей тьмой в мире? — Шу потеряла подбородок. Она старалась убить время, пока Элис сама ей ее ответит. Та лишь молча стояла, ожидая пока Шу составит все кусочки головоломки вместе.

— Быть может, его спрятали где-нибудь в недрах Ада?

— Нет же, Шу, — ответила Элис. — Здесь все гораздо сложнее. Создатель спрятал ключ внутри девушки.

— Не понимаю? — Шу уже было хотела пошутить над Элис, но затем проглотила комок в горле. Ответ поразил ее, словно огненный в шар в самое сердце. Она медленно подняла глаза и встретила взгляд Элис. Ответ вертелся на кончике языка Шу, но Элис озвучила его вместо нее:

— Ключ внутри девушки, именуемой Фениксом, подростка стеклодува с острова Мурано, та, кто может создать жизнь одним вдохом, — сказала Элис. — Серена — ключ к Зеркалу Андерсена.

— Так вот почему Бьянка сказала ей, что она как Ящик Пандоры, — рассеянно произнесла Шу. — У Серены ключ от тьмы целого мира.

Непреодолимый Дух

— Так все это не только потому, что Серена одна из Семи Потерянных. Она хранит нечто ценное для моей матери, — произнесла Шу.

Элис кивнула.

— Королева понятия не имеет как расцвела ваша с Сереной дружба два века назад. Ты и Серена тайно стали лучшими подругами, поскольку никто не мог запретить принцессе дружить с Рабыней. Королева всегда держала подальше Серену от банных рабынь, потому что прознала, что Серена может быть ключом, не смотря на то, что доказательств этому не было никаких.

— Но я ведь скрывала свою дружбу с Сереной от Королевы, кто сказал ей, что она — ключ? — удивилась Шу.

— Кровавая Мэри, — ответила Элис.

— Причем здесь вообще эта Кровавая Мэри?

— Я слышала, у нее какая-то своя история с зеркалами, не знаю даже какая, — ответила Элис. — Даже не удивлюсь, если окажется, что она связана с Зеркалом Андерсена. Она узник зеркала, помнишь? — напомнила Элис.

— Это имеет смысл, — ответила Шу.

— И теперь, Кармила, наблюдая за этим сном... быть может, даже сейчас... узнает о твоей истории с Сереной. Она знает о способностях Серены, ее истории, и что она — Феникс. Все что ей нужно — найти Серену в реальном мире и оборвать ее жизнь при рождении на острове Мурано. Ключ, сокрытый в Серене, должен обнаружиться на Мурано.

— Стало быть, теперь, когда моя мать знает все необходимое, этот сон для нее больше ничего не значит?

Элис кивнула.

— Позволь задать тебе вопрос, Элис, — сказала Шу. — Если история Серены так запутанна, значит истории остальных Семерых Потерянных тоже столь же запутанные?

— Ничего общего с квестом Королевы, чтобы найти каждого и вырвать кусочек твоего сердца из их груди, — сказала Элис. — Каждый из Семи Потерянных имеет уникальную историю, ту, которая обычно связывает их с настоящими историческими событиями, где у них свой собственный злодей. Они такие же настоящие, как и ты. Они прожили много лет, а некоторые из них даже знакомы с историческими личностями, — объяснила Элис. — Только вот, чтобы Кармилле собрать частички твоего сердца, ей придется с головой погрузиться в каждую историю. В случае Серены, то есть Золушки, от нее придется отказаться, чтобы сохранить ключ внутри.

— Бедняжка Серена, — промолвила Шу.

— Такова ее судьба. Однажды нам всем придется встретиться со своей судьбой, и лишь ты можешь спасти ее, — сказала Элис.

— Я на все готова ради нее, — сказала Шу. — Скажи только как.

— Королева будет искать Серену в Обычном Мире, чтобы вытащить из нее ключ к зеркалу, — сказала Элис. — Кто знает, что уготовила для нее Королева? Ты — единственная надежда Серены, Шу. Тебе необходимо сделать выбор.

— Значит мне придется убить Локи, чтобы проснуться. — Она сказала то, что Элис уже

знала и без нее.

— Это единственный способ, Шу. Ведь ты — Избранная, чтобы спасти мир ты должна жертвовать всем, даже тем, кого любишь.

— Разве ты не видишь, что я не хочу быть Избранной, Элис, — произнесла Шу. — Я хочу наслаждаться жизнью, как любой другой подросток, как Серена. Я так много узнала о жизни, пообщавшись с ней. Я хочу "следовать за своей звездой", как говорил Локи Чармвилль. Я хочу найти свою Чанту. Я хочу освободиться от пророчеств, хочу обрести свое Искусство.

— Но ты — Избранная, Шу, сказала Элис. — Даже если тебе удастся забыть об этом, твои враги не забудут. Они придут за тобой и убьют. Теперь, мы, и вправду, теряем время.

Внезапно дверь купальни широко распахнулась. Шу увидела, что стоит перед Сереной, которая выглядывала из-за двери.

Шу и Элис наблюдали, как та высовывается из-за двери со стеклодувной трубкой, готовая к драке. Она стрельнула глазами по сторонам, прежде чем спросить:

— С тобой все хорошо, Радость?

— Все нормально, Серена, — улыбнулась Шу, смагивая слезы. — Знаешь, можешь войти.

— В этой комнате было пролито немало крови, — сказала Серена. — Ненавижу кровь. Здесь нужно все убрать.

— Но ведь со мной ты будешь в безопасности, — раскинув руки, произнесла Шу.

— Ты имеешь в виду, что это ты будешь в безопасности со мной, — ответила она, закрывая за собой дверь. С собой у нее был еще один длинный чемодан. Казалось, там длинный музыкальный инструмент в маленьком чехле. Похоже, ноша была слишком тяжела.

— Давай помогу, — предложила Элис.

— Только не ты, — Серена поморщилась и повернулась к Шу, — с тобой все хорошо? Эта девчонка тебя не обидела?

— Вовсе нет, — рассмеялась Шу, довольная тем, что ее лучшая подруга ощущала напряжение между ней и Элис.

— Как так? — Серена оглядывала Элис от макушки до самых пят. — Она ведь одна из охотников Локи.

— Да нет же, верь мне, — сказала Шу. — Ты искала меня или зачем-то шла в купальню?

— Ну конечно же, я искала тебя, — ответила Серена. — Я закончила уборку и подумала, что ты могла проголодаться, поэтому украла для тебя еды на Королевской Кухне, — захихикала она и передала ей сумку. — Вот, а то бледная, как Смерть. Тебе нужно поесть.

Элис и Шу обменялись взглядами, еле сдерживая смех.

— Я же принцесса, помнишь, Серена? — сказала Шу. — Мне нет необходимости воровать еду со своей же кухни.

— Оу, — произнесла Серена. — А я и забыла. Честно, я не воровала ее. Парнишка в зеленой шляпе помог мне.

— Парнишка в зеленой шляпе? — пискнула Шу. — Ты имеешь в виду воришку, который крадет из замка и раздает беднякам? Королева наверняка захочет изловить его.

— Его зовут Джек Мэдли, но никому ни слова, — прошептала Серена. — Я встретила его в камине, — Серена поморщилась и закусил губу.

— Браки заключаются в каминах...то есть на Небесах, — сказала Шу. Она вспомнила Джека, не то чтобы она была с ним хорошо знакома. Он был пресловутым шестнадцатилетним воришкой, который промышлял в Шлоссе лишь потому, что это порядком злило Королеву. Его знали также под именем Джек-Бобовый Стебель, как в знаменитой сказке о великане и о его украденном золоте.

— Думаешь, я ему нравлюсь? — спросила Серена. — Не-е. Не мой тип. Мне прини нравится, ну, или... — она хотела сказать Локи, но замолчала, вспомнив, что он сделал во Фьюри Телл. — Джек украл еду, а я вот это, — Серена вытащила упаковку печенки, собственность Королевы Скорби. — Не стесняйся. Я отвернусь, пока ты будешь утолять свой жуткий голод. Это как в туалете, когда не хочешь, чтоб кто-то услышал твой пук.

Элис рассмеялась, не в силах сдержаться. Шу обнаружила, что тоже хихикает над своей отзывчивой подругой.

— Над чем это ты смеешься? — набросилась Серена на Элис, помахивая чемоданом в воздухе. — Это касается только меня и моей подруги. Ты ей не подружка. Так ведь, Шу?

— Элис? Ну конечно же, нет. Она лишь помогает.

Серена улыбнулась. Шу заволновалась, что если скажет иначе, та сожжет Элис в камине.

— Так что там у тебя в длинном чемодане? — спросила Шу.

— Это мой тебе подарок, — Серена выглядела счастливей дятла в сосновом бору. — Я сама его сделала, — она опустилась на колени, положила свою стеклодувную трубку и открыла чемодан.

Что-то блеснуло в глубине чемодана, что-то длинное и сверкающее, меч ручной работы.

— Видишь? — Серена все еще стояла на коленях, держа меч обеими руками, преподнося его Шу, словно самурай королю.

Шу и Элис были очарованы красотой меча. Серена выдула его из раскаленного стекла, используя Сердце, Мозг и Душу. Шу не могла не подумать о том, что в этом мече было дыхание самой Серены. В нем была частичка ее жизни. Шу приносили в дар заморские подарки, бриллианты из сердца Африки и даже эксклюзивные зеркала и маски из Венеции. Но никогда прежде ей не дарили такого прекрасного меча. Сверкающее лезвие было покрыто легкой рябью, словно дыхание Серены застыло на нем навеки. Она задумалась, ведь теперь у нее в руке частичка жизни ее лучшей подруги.

— Красиво? — спросила Серена, боясь, что Шу может не понравиться.

Шу кивнула, потеряв дар речи, глаза засияли.

— Подружка! — завизжала Серена, словно девчушка с щенячьими глазками, сошедшая со страниц Манги. Слово "друг" снова обожгло Шу. Ей захотелось остаться в этом сне навсегда, убивать драконов и заботиться о Серене.

Шу взяла меч в ладонь. Эфес был стеклянным. Она подняла его перед собой, поедая глазами его красоту, ощущая духовную связь с Сереной.

Лезвие тоже было сделано из стекла, но секрет этого стекла знала лишь сама Серена. Края были настолько острыми и тонкими, что когда смотришь на них слишком долго, начинает резать в глазах. Само по себе стекло было невесомым. Оно было белым, словно молоко.

— Ты добавила в него Русалочье Молоко? — спросила Шу.

— Все до капельки, — похвалилась Серена, вставая с колен. — Оно придает мечу

невероятную силу. Я хотела сделать меч, похожий на тебя.

— На меня? — удивилась Шу.

— Черные волосы, белоснежная кожа и алые губы, поэтому эфес черный, а лезвие белое.

— Но я не вижу красного? — удивилась Шу, аккуратно осматривая его, на случай, если она пропустила что-то.

— Я подумала, что мне без надобности добавлять что-то красное. Это уже по твоей части, — хихикнула Серена. — Красный на лезвии — кровь твоих врагов.

— Но я не собираюсь использовать этот меч, — сказала Шу. — Я не планирую никого убивать.

— А я думаю, как раз наоборот, — произнесла Элис, напоминая Шу о Локи. — Хороший меч для хорошего конца, — прошептала она за спиной у Серены. — Мы теряем время.

Шу поняла, что это часть ее воспоминания, когда Серена создает меч для Избранной. Однажды она слышала, как ее отец сказал: "Если обнажишь меч, то лучше найди ему применение". Внезапно. Она вспомнила уроки фехтования, что давал ей отец. Ее тренировали езде верхом и убивать мечом. Отец готовил ее к войне.

Значит моя сила не в глупых клыках и страшном облике?

— Ты должна убить Локи, — снова повторила Элис вполголоса.

Шу отрицательно помотала головой и Серена заметила.

— Что она тебе говорит? — спросила Серена. — Не слушай ее. Она тебе не подруга.

— Если Серена снова уйдет, ты переместишься в воспоминание о своем дне рождении, а ты ведь этого не хочешь, — заговорила Элис, не обращая внимание на замешательство Серены. — Единственный способ пробудиться — убить Локи или он убьет тебя на твоем дне рождения. Ты ведь до сих пор не вспомнила как ты повстречала Семерых Потерянных или как Локи полюбил тебя благодаря заклинанию Чармвилля. Если ты перенесешься в момент своего дня рождения, ты скорее всего не выживешь.

— Теперь она судачит о каких-то снах, Локи и прочих разновидностях безумия, — фыркнула Серена. — Да она сумасшедшая.

— Я не убью Локи, — Шу стиснула зубы и рукоять меча.

— Убьешь. Ты должна вернуться в Обычный Мир и найти дорогу к Мурано, Элис прошептала "Мурано", указывая при этом на Серену. — Ты должна отыскать ключ, — Элис вскинула взгляд, когда дверь купальни широко распахнулась.

Шу и Элис замерли, когда перед ними медленно появилась Королева Скорби.

— Шу? — окликнула Кармила. — Что ты делаешь в купальне?

— Я... — запнулась Шу.

— Я задала тебе вопрос, Шу, — требовательный голос Кармиллы прорезал воздух и по спине принцессы побежали мурашки.

Шу не очень-то беспокоило, как она будет объяснять Королеве свое присутствие в купальне, что было под запретом. Ее больше волновало, как она объяснит то, что рядом с ней стоят Элис и Серена. Она обернулась и обнаружила, что Элис исчезла. Она обернулась в поисках Серены, но та тоже исчезла.

Колышущиеся занавеси на окне подсказали ей, куда они сбежали. Серена скрылась, боясь гнева Королевы. Элис погналась за ней, чтобы остановить Шу от перемещения в другую часть сна.

— Отвечай мне! — Кармила крикнула ей прямо в лицо.

Но Шу уже ощущала головокружение, зная, что сейчас она окажется в другой части сна. Ей хотелось растянуть момент и послать Королеву ко всем чертям. Идеальное завершение, прежде чем занавес опустится. К сожалению, для Шу уже было слишком поздно. Сон стремительно менялся и последнее, о чем подумала Шу, что ко всем чертям отправится именно она.

Шу стояла перед Шлоссом. Мир вокруг нее был настолько тихий, словно кто-то умер.

Стоял полдень. Солнце расплескало свои лучи на громадный, увитый плющом, фасад Шлосса. Шу обеими руками приподняла пышные юбки платья и вошла в неохранный замок. Она ожидала сюрприз в виде празднования ее шестнадцатилетия... Интуиция подсказывала ей, что это был именно тот самый день, о котором упоминала Элис.

Внутри Шлосса было необычайно пусто. Она не смогла никого найти. Голубые занавеси закрывали каждое громадное окно изнутри. Занавеси были в тон голубым обоям, покрытым золотыми завитушками, к тому же превосходно защищали широкие коридоры от солнечного света. Единственному упрямому солнечному лучу удалось проскользнуть сквозь крошечную прореху между портьерами, прорезая стены тонкими линиями золота.

Шу разулась, поочередно махнув ногами в воздухе, каждая туфелька приземлилась на мягкие стулья по обе стороны коридора. Они были сделаны из красного дерева и кипариса с тюльпановыми бутонами. Все в этой части сна было отточено до мельчайшей детали.

Она вновь приподняла платье и босиком проследовала под мраком занавесей. Она ощущала себя уютно босиком. Компанию ей составил лишь звук шлепанья ее босых ног по полу.

Должно быть, обитатели замка спрятались где-нибудь, чтобы сделать ей сюрприз, сказала она себе. Важный день или нет, он по-прежнему оставался ее днем рождения, и она жаждала праздника. Фактически, это был последний день рождения Шу. Она знала, что ей навечно будет шестнадцать.

Чем дальше она шла по коридору, тем тише становилось вокруг. От тишины ей обычно становилось неудобно. На мгновение у нее промелькнула мысль, что жизнь остановилась и она испугалась, что так будет всегда. Сегодня тишина в замке была угрожающей.

Где Серена и Элис?

Шу проглотила комок в горле, когда тишину нарушила бабочка, пропорхав прямо у нее перед глазами. Ее крылья были кроваво-красными с черными пятнышками.

Шу пошла следом за бабочкой, когда та скрылась за толстой портьерой навстречу солнцу. Она была похожа на балерину, парящую в воздухе в отблесках своих личных снов. Бабочка продолжила свой полет, поднявшись выше, к мозаичному потолку. Шу с восхищением разглядывала его, словно впервые оказалась в Шлоссе.

Оглядевшись, Шу поняла, что направлялась к личным покоям Кармиллы, особому месту, которое она создала, в отсутствие Ангела. Там стоял личный трон Кармиллы и в эту часть замка не допускалась знать... лишь Охотники и Рабыни.

Шу почти загипнотизированная, босыми ногами прошлепала к огромным двойным дверям, украшенным богатой резьбой, ведущим к покоям с тронем Кармиллы.

На двери красовалась круглая ручка, сделанная из сияющей латуни. Она была в форме змеи, казалось та пытается проглотить свой собственный хвост. Девушка взялась за нее и соединила голову с хвостом. Дверь открылась сама по себе, от солнечного света зрачки у Шу расширились.

Бабочка влетела в огромное пространство, которое было освещено светом, льющимся из огромных окон справа и слева.

Шу остановилась на пороге, осматривая комнату. Она была в золотисто-голубых тонах с высоким потолком, еще выше, нежели в коридорах. Огромные окна были обрамлены золотом, настолько большие, что через них свободно могла проехать карета, позволяя беспрепятственно заполнять пространство золотому и немного пыльному солнечному свету.

В паре шагов от Шу, красная дорожка вела к трону, где ее мать, Кармилла, элегантно восседала, вздернув подбородок, с консервативной улыбкой на лице.

В конце концов, солнечный свет не причинял вред вампирам, подобно Кармилле.

Трон Кармиллы был сделан из черного обсидиана, наверху было выгравировано ее полное имя и титул:

Та, Кому Нужно Подчиняться

Кармилла Карништейн

Королева Скорби

Трон был обрамлен гравировками, некоторые были знакомы Шу и она знала как их прочесть, некоторые же были написаны на том самом немислимом языке, что и на медальоне Локи. Некоторые имена Шу смогла прочесть: Миркалла, Кармилла и Аиша, другие же имена ни о чем не говорили Шу.

Глядя на Кармиллу, Шу подумала, что ее мать была рождена, чтобы стать королевой, не в пример ей, поскольку она никогда не чувствовала себя в роли принцессы.

Роскошные, золотые волосы Кармиллы струились по плечам. Часть волос была собрана в высокую прическу. Конечно же, украшенную тонкой короной, за исключением того, что на этот раз волосы выглядели словно ядовитая змея, защищающая корону от вреда, она словно могла ожить в любой момент и ужалить любого, кто осмелится посягнуть на святыню.

В этой части сна все было слишком детально, Шу не могла отвести глаз от матери. Глаза Кармиллы были льдисто-голубыми; обманчиво невинными, хитрыми и умными. Тонкие брови обрамляли величественный взгляд. Ее ресницы, словно черные вороньи перья, были столь красивы, что сперва можно было принять их за фальшивку... но это было не так.

Кармилла сложила руки на подлокотники по обе стороны трона, две зеленоглазые пантеры спали у нее в ногах. Пантеры не были привязаны. Они вели себя совершенно свободно, не страшась гнева Королевы Скорби.

Любимое зеркало Королевы стояло рядом с ней, вместе с худощавой пожилой седовласой женщиной.

Перед пантерами, тремя ступенями ниже, стоял именинный торт Шу: три фута высотой, белоснежно белый корж, политый темным шоколадом и с красными вишенками наверху.

По обе стороны от красной дорожки, ведущей к трону, стояли служанки. Юные, красивые и в самом расцвете сил.

Девушки первыми развеяли напряжение в комнате и взглядами поприветствовали Шу, не двигаясь, стоя на месте, каким-то образом боясь пошевелиться из-за Кармиллы. Руки были связаны у них за спиной, головы покорно склонены, одеты они были в свои же нищенские отрепья.

Шу тот час же оглядела девушек, ища глазами Серену среди них. Она издала вдох облегчения, когда той не нашлось. Это имело смысл. Королева бы не пожертвовала кровью Феникса, для каких бы то ни было целей.

Шу знала, что всех этих девушек убьют и Королева будет купаться в их крови. Наконец, Шу нарушила напряженную тишину, войдя в покои.

Девушки начали хлопать, а Сирена Ларк, любимая королевская певица, начала петь, играя на своей волшебной арфе. Сирена была русалкой, которую Кармила и Ангел повстречали во время побега от Ночной Скорби. Раньше она приманивала мужчин своим голосом и питалась их плотью. Королеве пришлось это по нраву.

Шу шла мимо девушек, нежно переводя взгляд от одной к другой.

Ты должна спасти всех этих бедняжек, Шу.

Когда она добралась до тех ступеней с пантерами, Кармила знаком велела ей остановиться. Королева медленно поднялась, и девушки задержали дыхание, вытянувшись по струнке и поправляя платья.

Казалось, присутствие Кармиллы будто выкачало весь воздух из комнаты, даже Сирена замолчала, прекращая играть на арфе. Две пантеры словно очнулись ото сна и медленно пали ниц перед Королевой, когда та спускалась с трона.

Кармила двигалась так, словно сама была пантерой. Даже солнце скрылось за тучами, когда ее нога в туфельке коснулась пола, единственным источником света служили канделябры.

Волосы Кармиллы развевались по плечам, пока она шла. Она остановилась перед Шу.

— Теперь ты — принцесса, — глухим голосом прошелестела Кармила. — Тебе шестнадцать, — продолжила Кармила, не отводя глаз от дочери. — Этот день — особый для тебя, Шу, — она раскинула длинные руки и обхватила ладонями плечи Шу, затем, колеблясь, обняла ее. — Но перед празднованием, нам необходимо взвесить твое сердце еще раз. Леди Готель! — окликнула она седовласую женщину.

— Ваше Величество, — выказала уважение Леди Готель.

— Вы взвесили сердца всех девушек? — спросила Кармила.

— Всех, за исключением одной, — ответила Леди Готель.

— Тогда сделайте это прямо перед нами, перед тем как взвесить сердце Шу, — потребовала Кармила и возвратилась на свой трон.

Шу услышала, как девушки зашептались, поэтому сделала пару шагов назад, прислушиваясь. Она услышала, как они упомянули, что Королева станет купаться в крови только той несчастной, чье сердце будет весить ровно 21 грамм. Если же меньше, Королева оставит рабыню на потом.

Так вот зачем она хочет взвесить мое сердце. Если оно не будет 21 грамм, для нее оно бесполезно. Почему именно 21 грамм?

Шу наблюдала, как Леди Готель уложила рабыню на специальный стол, под которым находились чаши весов. На мгновение, девушка начала сопротивляться, но тут же сдалась, напуганная голосом Кровавой Мэри, разразившемся руганью прямо из зеркала.

— Не могли бы Вы объяснить вслух, как проходит процедура взвешивания, Леди Готель, — потребовала Кармила. — Прежде мы не рассказывали об этом Шу, — продолжила Кармила.

Та меж тем задумалась, что если они уже усыпляли ее прежде и взвешивали ее сердце.

— Ну, конечно же, Ваше Величество, — нейтральным голосом ответила Леди Готель. Она не шутила и не пыталась выглядеть злой. Она просто выполняла свою работу. — Сперва, мы позволим съесть девушке пирожное Сангвиначчо, — Леди Готель достала пирожное щедро сдобренное белым кремом и продемонстрировала его Шу. — Это древний

итальянский рецепт, с экзотического острова, расположенного по ту сторону от Потерянной Мили.

— Шу уже известно об острове, похожем по форме на туфельку, — кивнула Кармила на дочь, — Прощу, продолжайте.

— Прежде, чем девушка съест пирожное, мы сделаем на ее руке небольшой надрез, — Леди Готель сделала надрез на руке у одной из своих служанок маленьким ножом, собирая капельки крови в чашу, которая была точь-в-точь как у Серены, только не стеклянная. Леди Готель взяла кровь и брызнула ее на пирожное Сангвиначчо, словно сахарную пудру на пирог. — Теперь пирожное можно съесть. — сообщила Леди Готель. — Но сперва нам необходимо взвесить сердце девушки на весах под столом, — объясняла она. — А уж после я скормлю ей пирожное Сангвиначчо, — она позволила девушке откусить кусочек. Девушка мгновенно уснула.

— А что произойдет, когда она съест пирожное целиком? — поинтересовалась Кармила.

- Она умрет, — безмятежно ответила Леди Готель, доставая змею откуда-то из-под стола.

— Что? — она сделала шаг вперед, но остановилась, когда Леди Готель пригрозила ей змеей. — Вы не можете этого сделать! — прорычала Шу.

— Не обращайтесь внимания на мою дочь, Леди Готель. Продолжайте, — Кармила махнула рукой, разрешая.

— Теперь мы взвесим его на чаше весов, — сказала Леди Готель.

— Объясните моей дочери зачем, — вмешалась Кармила.

— На самом деле, взвешивание сердца — это взвешивание души, — начала Леди Готель. — Душа, или Ка, как называли ее предки, — это загадка, даже для великих колдунов и мыслителей. Неизвестно, как она выглядит, пахнет и зачем она нужна. Но нам известно, что она находится где-то в области сердца. Душа покидает тело, когда сердце перестает биться. Разница между весом тела до и после смерти равноценна весу души. Если она будет равняться двадцати одному грамму, девушка готова для жертвоприношения. Ваше Величество, тут пока нет двадцати одного грамма, — Леди Готель указала на бедняжку на ложе.

— Это безумие, — возразила Шу. — Она мертва. Что в этом хорошего, если вы знаете, сколько весит ее сердце?

— Ее можно спасти в течении сорока двух минут, с того момента, как она съела кусочек пирожного, — заявила Леди Готель. — Оживить ее, Ваше Величество?

— Да, пожалуйста, — приказала Кармила.

Леди Готель постучала по змеиной голове и та брызнула ядом в девичье лицо. В отличие от смертельного яда, этот вернул девушку к жизни.

Слуги помогли несчастной подняться и увели из комнаты.

Кармила посмотрела на Шу с легкой ухмылкой на лице. Шу поняла намек. Кармила предоставляла ей выбор. Или та искупается в девичьей крови и обратиться в жестокого вампира, станет частью семьи Сорроу, или же Кармила вырвет ей сердце. Ну, конечно же, она этого не сделает, если сердце не будет весить двадцать один грамм, что означает ей предстоит пройти ужасную процедуру немедленно.

Шу оглянулась. Комната являла собой одну огромную засаду. Пара охотников стояла у дверей позади нее, и она предположила, что остальные ждали за дверью. Бежать было

некуда.

— Что скажешь, принцесса? — поинтересовалась Кармила. — Можешь стать одной из Сорроу, принять свою природу и семью, или, быть может, ты до такой степени глупа, что считаешь себя Избранной.

Единственной надеждой Шу оставалось позволить Леди Готель взвесить ее сердце и надеяться, что оно меньше двадцати одного грамма. Что случится, если вес окажется достаточным? Кармилле останется лишь отдать приказ Леди Готель, не оживлять ее змеиным ядом.

Держись, Шу. Если в прошлом тебе удалось спрятать свое сердце, тогда ты наверняка найдешь выход из этой комнаты.

Ей пришла в голову мысль, что, быть может, Чармвилль вмешается и спасет ее из этой комнаты. Ведь он спас Локи, и она подумала, что он сделает тоже самое и для нее. Она знала, что Чармвилль мертв, вот только она не знала, может ли умерший появиться в воспоминаниях Сновидящих.

Пока все эти мысли роились в ее голове, Королевское терпение лопнуло.

Охотники схватили Шу и поволокли ее к столу с весами. Кармила решила, что Шу не сдастся без боя.

Одного рычания на охотников было недостаточно. Они были сильными воинами, которых подпитывала тьма. Один из них надел на нее нечто похожее на собачий намордник, чтобы она не вздумала кричать, к тому же она не могла вырваться из их стальной хватки.

Шу не желала сдаваться. Она зарядила одному из них ногой промеж ног, но тот лишь простонал. Тогда она ударила его в лицо, воспользовавшись моментом его слабости и стукнула его головой о голову другого охотника.

Девушки издали удивленные крики, впечатленные принцессой. Вскоре пара других охотников вошла в покои. Шу, все еще с кляпом во рту устремилась прямо к ним, охотники не смогли ее остановить. Она стащила чей-то плащ и начала душить его им, не обращая внимание на попытки другого охотника схватить ее. Хватка Шу была стальной. Она удивилась, откуда в ней взялась вся эта сила. Никто никогда не смел дать отпор охотнику.

— Храбро, — усмехнулась Королева Скорби, поворачивая голову, чтобы увидеть развернувшееся действие прямо со своего трона. Она сдержанно восхитилась силой и упрямством дочери.

Охотнику наконец удалось освободиться и он сбросил Шу с себя, ударив ее своими ножнами. Шу упала, с губ капала кровь. Другой охотник, обозленный ее поведением, решил преподать ей урок и замахнулся, чтобы ударить ее.

— Нет! — мгновенно воскликнула Королева, прилагая немало усилий, чтобы остаться на троне. — Ты не станешь унижать мою дочь, пока я не прикажу, — добавила она. Охотник выглядел озадаченным, руки так и зависли в воздухе. — Подвесить его за нос, — приказала Кармила.

Несколько охотников вошли в комнату и увели его прочь, чтобы убить.

Однако, это не остановило Королеву, когда та подала сигнал другим трем охотникам притащить Шу к столу для взвешивания. Они уложили ее на стол и удержали за ноги и за плечи, пока Леди Готель неспешно приближалась со своим смертоносным пирожным Сангвиначчо. Ей не было нужды делать порез на руке. Она использовала кровь с губ Шу.

Шу до сих пор пиналась и сопротивлялась, но ее удерживало слишком много рук.

— У тебя по-прежнему есть выбор, — произнесла Кармила, сидя на троне и ногой

поддевая пантеру у ног. — Взгляни на всех этих прекрасных девушек, что ты можешь отвеждать.

— Я не буду кормиться на этих бедняжках, — прорычала Шу из-под своего намордника. — Я могла быть одной них. Ты не можешь этого сделать,

— Я могу сделать все, что заблагорассудится, — парировала Королева. — Стоит мне захотеть, и я уберу солнце и луну с небосклона. Но пока они мне не мешают.

Леди Готель пропихнула пирожное сквозь тонкие плетения намордника, пытаясь запихать его в рот Шу. Шу начала отплеываться, но пирожное было слишком большим. Она засучила ногами, но охотники были сильнее.

— Довольно слабая для Принцессы Дампира, — раздался голос Кровавой Мэри из зеркала. Ее голос был полон зависти, ненависти и злобы. Она была юной девушкой, с демонического языка которой срывалась всякая чушь. Шу вспомнила, что Элис рассказывала ей, что у Кровавой Мэри своя собственная история о том, кто она и откуда. Шу задумалась, кто заточил ее в зеркале и почему. Как она могла оказывать такое влияние на Кармиллу?

— Не беспокойся, Мэри, — сказала Кармилла, ее голос был непривычно заботлив. — Вскоре я убью принцессу и буду наслаждаться ее сердцем и печенью, у меня будет достаточно времени...а еще молодости и красоты... чтобы узнать секреты Зеркала Андерсена у грязной золой девчонки.

Вкус пирожного уже играл на языке у Шу. Та задумалась, что у Кровавой Мэри общего с Сереной и Зеркалом Андерсена. Почему Королева просит Кровавую Мэри не беспокоиться?

Прежде чем Шу провалилась во тьму, она подумала, что если у Кровавой Мэри тоже есть осколок в глазах.

А если у Кровавой Мэри нет осколка, тогда у кого есть?

Выяснить связь уже не осталось времени. Шу подумала, что Кровавая Мэри права. Что это за Дампир, если он слаб? Разве ей не пророчили убивать вампиров? Тогда почему она не может спасти даже саму себя?

Шу сдалась на милость другой Спящей Смерти, той самой, от которой ей, быть может, не суждено очнуться. (перевод выполнен специально для группы «Мир Фэнтези»)

Шу не погибла в предыдущем сне, потому и не знала чего ожидать.

Ей подумалось, что она даже видела как покидает собственное тело и парит, словно ангел в воздухе, наблюдая за тем, как ее тело все еще лежит на столе с весами. Последний раз, она думала, что умерла у Терновой Стены, и как оказалось, что ее загадочным образом спас некто. Вот только на этот раз ее никто не спасет.

Неужели я никогда не узнаю, весит ли моя душа двадцать один грамм? Вместо того, чтобы испытать выход из тела, Шу оказалась запертой внутри него, не в силах даже пошевелиться. Словно она оказалась заключена в оболочку из мяса и костей, наблюдая за миром через окошки глаз.

Она ничего не слышала, не увидела и своей души, парящей в воздухе. У нее не осталось выбора, кроме как надеяться, что ее душа весить не двадцать один грамм, чтобы Леди Готель вернула ее к жизни для повторного теста, как она проделала это с предыдущей девушкой.

Но как долго ей придется ждать? Как ей отсчитать сорок две минуты с момента ее смерти?

Она вспомнила поцелуй Локи, то, как он дрался с ней в замке. Она вспомнила, как дразнила его во сне о семилетнем дне рождении, то, как они флиртовали в последнем сне. Они смеялись, плакали и подтрунивали друг над другом. Локи тогда чуть не погиб в ванной с осьминогом. Тем не менее, он не сдался. Он последовал за тыквообразной каретой Королевы, а потом выкрикнул свое глупое: "Ора Педора" и воспользовался своей Чантой. Шу задумалась, что если и ей воспользоваться Чантой, как он. Так нетипично. Локи удалось завершить свое путешествие и узнать, кто он такой на самом деле. Шу же до сих пор танцевала на горячих углях. Не то чтобы ее ноги свыклись с жаром, просто она еще не нашла места попрохладней.

Прямо сейчас, она была мертва, проходя по тонкому лезвию между прошлым и настоящим.

На ум почему-то пришел Чармвилль. Не смотря на печаль по поводу его гибели, она подумала, что Локи был просто счастливым, раз имел такого наставника. Того, кто наблюдал за каждым шагом, но не вмешивался, пока не возникала необходимость. Почему у нее нет кого-то подобного? Избранной наверняка понадобился бы кто-то похожий на Чармвилля. Может, сейчас появится какая-нибудь Фея Крестная, чтобы спасти ее. Ну почему она так одинока?

Когда она впервые узнала, что Вильгельм Гримм послал к ней Элис, она подумала, что Элис была своего рода наставником. Но какой наставник украдет медальон, который был подарен возлюбленным?

Быть может, подумала она, лучше умереть, вместо того, чтобы пытаться решить бесконечные загадки мира, в котором она жила. Казалось, у всех, кого она встречала, есть своя запутанная и таинственная история. Она всегда думала, что ее судьба будет кристально ясной: вот плохие парни, а вот хорошие; прикончи плохих, помоги хорошим; зрители аплодируют, занавес падает.

Но ее жизнь в Скорби была далека от темного и светлого, и решения загадок, которые приводят лишь к образованию еще одной. Например, как могли, она и Серена, находиться на

одном и том же пиратском судне, Веселом Роджере. Могло ли это быть совпадением? Казалось, в Скорби все было взаимосвязано неким мистическим образом.

Шу мысленно рассмеялась... однако, губы онемели и будто бы больше ей не сопротивлялись. Она смеялась над самой идеей умереть, так и не узнав, кто она на самом деле и каково ее предназначение; худшая мука на свете.

Она сдалась на милость тьме разума, занавес загробной жизни опустился на все сущее, до нее донесся тихий и отдаленный голос Леди Готель: "Двадцать один грамм, Ваше Величество."

Шу хотелось закричать, но рта у нее не было. Она ощутила, как кто-то переносит ее тело, и она предположила, что ее труп собираются отнести в купальню, чтобы Королева вырезала ее сердце и искупалась в ее крови.

Но вместо этого, она ощутила лишь пустоту, словно все попросту ушли из комнаты, быть может, приготовить купальню, а затем вернуться за ней. Не было причин волноваться о холодном трупe принцессы. Она все равно никуда не уйдет.

Не смотря на то, что ее застывший взгляд вперился в потолок, она увидела кого-то перед собой, женщину в красном с косой в руке.

О, круто, ну, привет, Миссис Смерть.

— Ты знаешь кто я? — заговорила смерть. На самом деле, у нее оказался на редкость приятный голос, помогло и то, что она была женщиной. Быть может, она посочувствует Шу.

— Пряничный монстр? — Она не удержалась от сарказма. Не каждый день встречаешься со Смертью. Шу вовсе не считала, что в такой ситуации следует оставлять о себе плохое впечатление. Женщина не ответила.

Похоже, я обидела Смерть. Что она сделает? Убьет меня?

— Знаешь как много душ я должна собрать сегодня? — прямо спросила она, ничем не поощряя ответ Шу.

— Трудный денек, да? — мысленно ответила Шу. — Устрой массовое убийство, да и дело с концом, — посоветовала она.

Выражение лица Смерти слегка изменилось. Она сдерживала улыбку.

— Как на счет цунами, — Шу болтала без умолку. — Землетрясениях и вулканах, это ведь твоих рук дело, да? А еще мне всегда нравилась чума. Нашли полчища крыс на мир, и спокойно кури в сторонке, пока болезнь распространяется. В конце дня все мертвы. Точка.

— Ты слишком много болтаешь, — ответила Смерть, опираясь на косу.

— Мысленно отрежешь мне язык? — спросила Шу, удивляясь, почему Смерть ощущается словно галлюцинация.

— Хватит, принцесса, — сказала Смерть. — Мне нет необходимости сегодня отнимать твою жизнь.

— Так и знала, — обрадовалась Шу. — Ты не можешь меня убить. Я — Избранная. Мне предсказали, что я не умру. Я пересмотрела множество подростковых киношек, пока томилась в заточении в Шлоссе.

— Ты глупа, что означает, что ты пытаешься скрыть тот факт, что тебе жаль, ведь ты недостаточно сильна, — сказала Смерть. — А если ты думаешь, что Смерть худшее, что может с тобой произойти, ты глубоко ошибаешься.

— Что может быть хуже смерти? — удивилась Шу. — Глупость?

Почему, будучи при смерти, я ощущаю себя словно я под кайфом?

— Знаешь, что хуже смерти? Жить страдая и умоляя о ней, — хриплым голосом

ответила Смерть с некой долей напряжения, чего Шу ожидала в самом начале.

— Так ты пощадишь меня? Однажды, я сама пощадила одного парня, — сказала Шу.

— Ты пощадила его, потому что любила, — возразила Смерть. — Я тебя не люблю.

— Уверена, что больше не любишь, — согласилась Шу.

— Я пощадила твою мать, в тот день, когда ты появилась на свет, — сказала Смерть.

Услышав это, Шу стало не до шуток:

— Правда?

— Похоже, что я шучу?

Услышав это от Смерти, Шу не смела спорить.

— Нет, конечно же. Но у меня возникло ощущение, что ты хочешь компромисса.

— Твоя мать умирала, родив тебя, — объяснила Смерть. — Я подарила ей второй шанс, чтобы она позаботилась о себе.

— Должна признаться, не похоже, что она оценила твой жест, — сказала Шу.

— Если я дам тебе второй шанс, ты его оценишь? — спросила Смерть. — Может, хватит уже торговаться?

— Я могла бы солгать тебе и сказать все, что ты хочешь услышать, — сказала Шу. — Ты ведь знаешь это, да?

— Если ты солжешь, солжешь самой себе, — ответила Смерть и, отвернувшись, пошла прочь.

— Подожди! — воскликнула Шу. — Ты спасешь меня?

— Нет, конечно же, — ответила Смерть, не оглядываясь.

— Но ведь ты обещала!

— Я ничего не обещала, — ответила Смерть. — Ты задавалась вопросом, почему у тебя нет никого похожего на Чармвилля Глиммера, кто бы смог научить тебя как стать Избранной. К сожалению, в Королевстве Скорби так дела не делаются.

— Тогда как мне научиться? — закричала Шу. По иронии судьбы, ее боль становилась все сильнее, по мере того, как Смерть уходила все дальше от нее.

— Тебе уже следовало многому научиться. Всё, что ты видишь; все, кого ты встречала — не случайно, — голос Смерти становился все тише. — Не волнуйся. Ты не умрешь, не в этот раз. Ты будешь спасена, но не мной, а тем, кто тебя любит.

Слова Смерти не уменьшили ощущение предательства у Шу. Миссис Смерть пришла, потревожив ее мысли и ушла. Шу так и не поняла сути разговора со Смертью. Кто любил Шу настолько, чтобы спасти ее? Локи отныне был мертв для нее. У нее никого не осталось, кроме отца. Она ничего не знала о его местонахождении, и сомневалась, что он внезапно появится из ниоткуда. Шу в самом деле считала, что это конец. Смерть посмеялась над ней. Затем что-то коснулось губ Шу.

— Ты знаешь, что сказочный народец зовет таких как мы Минкинами? — поинтересовался Аксель, снова читая телефон Локи. Последний час он занимался поисками, читал дневник и искал в интернете. — Я слышал, как Локи говорил так, но не был уверен, что он имел нас в виду. Если тебе интересно, это немного обидно.

Фейбл не ответила. Она по-прежнему кружила вокруг лилового свечения, и Аксель не знал, о чем она думает на самом деле.

— А послушай еще вот что, — Аксель подумал, что эта информация наверняка поднимет ей настроение, — в дневнике Я.Г. упоминается о пирожном Сангвиначчо.

— И что там, Аксель? — спросила Фейбл, чтобы он дальше продолжил болтовню.

— Это и вправду итальянское пирожное. Я имею в виду, ты на самом деле можешь поехать в Италию и заказать его в каком-нибудь ресторанчике, — сказал Аксель. — Это странно.

— Что странного в итальянском пирожном?

— Оно украшается почками или свиной кровью, и подается в качестве десерта, — сказал Аксель. — Это настоящее итальянское кушанье, хотя большинство ресторанов утверждают, что не подают его и говорят, что это чистой воды миф. Их называют Кровавые Вкусняшки.

— А мы еще считали Шу изгоем, за то, что она пьет кровь, — сказала Фейбл, все еще нарезая круги вокруг лилового свечения с усталым взглядом. — Почему о нем вообще упоминается в дневнике Я.Г.?

— Понятия не имею, — Аксель закрыл книгу. — Этот нереальный квест в поисках Семерых Потерянных приводит нас к еще большим странностям. А послушай-ка вот это. Он считает, что Феникс, которого мы считали Золушкой, был упомянут и в других сказках тоже.

— Мы знаем эти сказки? — отстранено спросила Фейбл.

— Одна из них называется "Девочка со Спичками", сказка Ганса Христиана Андерсена, — Аксель прокрутил страничку.

— Эту я знаю, — ответила Фейбл, приложив руку к животу. Ей будто бы стало больно. — Вообще-то, она мне даже нравится. Это о нищей девочке, которая пыталась продать спички, но никто не покупал их у нее, так что она начала сжигать их одну за одной, в надежде согреться от ужасного холода.

— Ты знаешь, что она в конце умерла? — спросила Аксель, читая дневник. — Что это вообще за сказка такая?

— Та, которую рассказал бы Чармвилль Глиммер, — ответила Фейбл. — Как это связано с Золушкой?

— Понятия не умею, — спросил Аксель. — Ради всего святого, девчонка умерла. Она не Золушка. А вот еще одна. Еще он считает, что Золушка — Безрукая Девушка, еще одна жуткая сказочка, кстати.

— Такую я никогда не слышала, — сказала Фейбл. — Полагаю, в ней у девушки, правда, не было рук, так?

— Так и есть, — подтвердил Аксель. — А потом, в конце, он делает пометки, он считает, что Золушка, она же Эмбер, Серена, Девочка со Спичками, Безрукая Девушка и

Феникс родилась на острове Мурано.

— Где это?

— Островок, похожий на Венецию, в общем-то он и расположен недалеко от Венеции, туда отправляли в ссылку стеклодувов много веков тому назад, — сказал Аксель.

— Это интересно, — задумалась Фейбл. — Золушка была знаменита своей хрустальной туфелькой, да и родом она была с острова стеклодувов.

— Что еще интересней, так это то, что стеклодувы жили в Венеции, а потом их изгнали оттуда из-за огромного числа пожаров, да и вообще, они превратились в настоящую угрозу для Венеции, — сказал Аксель. — Что в действительности сводит меня с ума, так это то, как Золушка связана со всеми теми людьми, что упоминал Я.Г. Это бессмысленно, — Аксель закрыл книгу, замечая, что его сестре стало хуже. — Что происходит, Фейбл? — спросил Аксель. — Ты почувствовала нечто, связанное с Миром Сновидений?

— Вовсе нет, — ответила Фейбл. — Но это сводит меня с ума.

— Боюсь, если я расскажу тебе почему, ты меня убьешь, — он вспомнил, что в Руководстве Охотников за Сновидениями упоминалось, что тот, кто пройдет сквозь лиловое свечение может стать безумцем.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Аксель, — сказала Фейбл. — Ты думаешь — это произошло лишь потому, что я устала. Ты не веришь, что я на самом деле побывала во сне.

— Именно так я и думаю, — согласился Аксель. — Это все в твоей голове, поверь мне. Я читал об этом.

— Да, как так?

— Ты думала о заклинании, чтобы проникнуть в тело Локи с самого утра, — Аксель сложил руки на груди. — Ты весь день думала об этом. Но ты бы не сделала это, поскольку это слишком опасно. Поэтому твой разум сыграл с тобой злую шутку, заставляя тебя поверить в то, что ты видела Мир Сновидений. Как еще ты можешь объяснить, что только ты увидела Локи и Шу?

— Мне, правда, нечего ответить на твою глупую теорию, — Фейбл обхватила себя руками, будто бы внезапно ей стало холодно. — Думаешь, тебе все об этом известно.

— Поверь, я знаю, о чем говорю, — сказал Аксель. — Ты хотела сделать что угодно, лишь бы спасти Локи, но как ты уже сказала, тебе необходимо было знать настоящее имя, чтобы использовать заклинание. А ты не знала, ты, своего рода, получила некий отказ и твой разум создал альтернативную реальность для тебя. Я ведь говорил тебе, я много читал о подобном.

— О чем ты говоришь? — Фейбл потерла руки, слегка задрожав. — Теперь я знаю настоящее имя Локи. Локи Ван Хельсинг. Вообще-то, Локи Абрахам Ван Хельсинг. Ты мне так сказал.

— Оу, — Аксель выпучил глаза. — Говорил. Просто позабыл. Сегодня я узнал слишком много информации.

— А теперь у меня даже еще больше причин использовать заклинание и проникнуть в тело Локи, когда ты рассказал мне, что единственный способ прервать запечатанный сон — одному убить другого, — сказала Фейбл.

— Значит, мой психоанализ не сработал? — Аксель потер подбородок, затем достал телефон, чтобы войти в интернет. Ему необходимо было проверить, где его психоанализ пошел прахом.

— Но все дело в том, — сказала Фейбл, пока Аксель искал. — мне не нужно было

ждать, пока ты расскажешь мне, как прервать сон.

— Ага, ага, буду через минуту, — Аксель копался в телефоне.

— Прошу, обрати внимание, Аксель, — нижняя губа Фейбл начала дрожать. — Ты понимаешь, что я пытаюсь сказать тебе? Взгляни на меня.

Медленно, Аксель поднял голову. Он разглядывал сестру, которая стала выглядеть даже хуже, чем прежде, и его разум начал проигрывать события последних дней снова. Он подумал обо всем, что произошло с тех самых пор, как они проследили за Локи до Шлосса.

Теперь все сошлось воедино. Он знал, почему Фейбл трясло, и что именно она пыталась сказать ему. Впервые он поверил, что она проникла в Мир Сновидений. Она, правда, встретила с Локи — Охотником.

Но как она смогла? Он бросил на нее еще один взгляд, разочарованный и взволнованный.

— Как ты смогла, Фейбл? — тихо спросил он. — И когда ты сделала это?

— Пока ты был поглощен чтением дневника Я.Г, — призналась Фейбл. — Я про себя повторила заклинание. Это было не сложно, и оно сработало.

— Теперь ты связана с Локи в Мире Сновидений? — у Акселя и в намерениях не было кричать на нее. Он жалел ее. Она уже испытывала боль из-за использования заклинания.

— Да, — кивнула Фейбл. — Но это как выключатель. Я вижу его лишь тогда, когда он появляется во сне Шу. Когда его нет, я ничего вижу.

— Я в тебе разочарован. Что ты натворила? — произнес Аксель. — Взгляни на себя. Ты выглядишь так, словно сходишь с ума.

— Это вредит моему разуму, Аксель, — призналась Фейбл. — Проблема в том, что я даже не в теле Локи. Я могу лишь видеть его.

— Забудь пока о Локи, — сказал Аксель. — Скажи, что мне сделать. Быть может, существует заклинание, способное спасти тебя?

— Не знаю, — ответила Фейбл. — Мне нужно пересечь лиловый свет и попасть в Храм Сна.

— Нет, ни за что, — Аксель загородил ее путь к свету спиной. — Довольно того, что ты с собой уже сделала. Сейчас, я отвезу тебя в больницу.

— Больницы не лечат от магических заклинаний, Аксель, — сказала Фейбл, пытаясь рукой достать до лилового свечения над его плечом. — Если я зашла так далеко, пропусти меня в Храм Сна. Я завладею телом Локи и разрушу его связь с Кармиллой. Быть может тогда одному не придется убивать другого.

— Я сказал "нет", — Аксель увел ее подальше от свечения. Фейбл была слишком слаба. Она не сопротивлялась. — Посмотри, что произошло с тобой из-за заклинания, а ведь ты еще даже не вошла в тело Локи. Кто знает, что произойдет тогда? Мне дела нет до возвращения Локи и Шу, если тебя не будет в живых.

Фейбл попыталась еще раз. Аксель ударил ее и она бессильно упала ему на руки, беспомощная, не в силах даже пошевелиться.

— Прости, сестренка, — сказал Аксель, крепко держа ее. — Я не пущу тебя в Храм Сна.

Поначалу, Шу не была уверена, она подумала, что оцепенела, но внезапно кто-то прикоснулся к ее губам.

Глоток воздуха проник в ее легкие. Воздух был теплым. Шу ощутила, как он наполняет ее вены, затем медленно возвратилось зрение и слух.

Вот оно, подумала она. Снова поцелуй жизни. Неужели Локи?

Кто бы не коснулся ее губ, это был не Локи. Быть может тот принц, которого она укусила будучи совсем девочкой?

Теперь, когда ее душа вернулась в тело, она знала, чтобы ни коснулось ее губ, оно имело вкус металла. Она была уверена, что это был не поцелуй. В металле на ее губах не было ничего магического, но дыхание наполнило ее душу.

Она открыла глаза, желая увидеть того, кто воскресил ее. Кто еще это мог быть, кроме Серены?

— Поторопись, Радость, — произнесла Серена. — Они готовят купальню к церемонии Королевы, чтобы та смогла завладеть твоим сердцем. Мы все еще в ее покоях. Они все ушли, а я пробралась через камин, — она сняла с нее кляп.

— Ты спасла меня, — она обняла ее, не в силах как-то еще выказать свою благодарность. — Думаю, ты — моя Чанта или что-то в этом роде.

— Я твоя Чанта, да? Что такое Чанта?

— Теперь я поняла, — произнесла Шу. — Я не одинока. У меня есть наставник, за исключением того, что это не старик с тростью и седой бородой. Это — ты.

— Ты слишком много болтаешь, Шу, — сказала Серена. Шу вспомнила, что Смерть и Локи говорили ей прежде то же самое. — Тебе нужно немедленно бежать из замка. Вот твой меч, — она протянула ей хрустальный меч, который создала для нее. — Я назвала его Джоука Снотари. Ну знаешь, как все эти легендарные имена мечей у охотников с Далекого Запада?

Шу взяла меч и первое что ей пришло на ум, глядя на него, кровь ее врагов на нем.

— Я привязала твоего любимого единорога под окном. Уезжай на нем, — сказала Серена.

— Никуда я не уеду, — ответила Шу. — Я буду драться.

— Не глупи. Тебе нужно еще многому научиться. Тебе по-прежнему нужно найти свое собственное Искусство, — сказала Серена. — Я знаю, что в лесу есть дом.

— Какой еще дом? — удивилась Шу, устремляясь к окну. — Он безопасен?

— Однажды я нашла его и спряталась в нем, когда убегала от своих сводных сестер, — объяснила Серена. — Это мое секретное место от тьмы в Скорби. Не знаю, безопасно ли оно, но о нем никто не знает, ты доберешься до него только в том случае, если тебя кто-нибудь отведет. Это нечто вроде Сахарного Домика; он меняет местоположение. Однажды я встретила забавного старичка, который рассказал мне о нем, и добавил, что я могу там прятаться, когда захочу.

— Что еще за "старичок"? — обернулась Шу.

— Когда доберешься до него, увидишь, что в нем многие прячутся. Правда, с ними я не встречалась, но не бойся. Они потерянные, как и мы с тобой.

ПОТЕРЯННЫЕ, как и мы с тобой.

В голову Шу зазвенел звоночек. Должно быть, это они, Семеро Потерянных.

— Ты не ответила, Серена. Что еще за "старичок"?

— Его зовут Чармвилль. Обожаю его имя, но не думаю, что тебе доведется снова его увидеть. Я встречала его лишь однажды. Теперь иди, — подтолкнула ее Серена. — Я тебя найду.

— Как? — спросила Шу. — Как я смогу найти дом?

— Ааа. Забыла, — Серена подошла к одному из огромных канделябров в покоях. Она достала одну из своих смесей и подожгла ее. Она подождала пока смесь раскалилась и стала тягучей, затем подула в нее. Она подошла к Шу, и из ее трубки выпорхнула "бабочка".

Она была похожа на ту, что Шу видела в коридоре.

— Она приведет тебя к дому секретной тропой. Поспеш, не то она погибнет. Того огня, что я вдохнула в нее, надолго не хватит. Возьми мою сумку. Думаю, она тебе пригодится.

— Что в сумке?

— Увидишь, — ответила Серена.

Шу взяла сумку, готовая следовать за бабочкой. Не смотря на то, что за дверью уже слышались шаги слуг, она вернулась обратно к Серене, чтобы задать ей вопрос.

— Как ты оживила меня? — спросила Шу.

— Я слышала, как Леди Готель сказала, что твою душу можно вернуть назад в течении сорока двух минут с помощью яда ее змеи, — сказала Серена. — Я подумала, что могла бы использовать свое дыхание и стеклодувную трубку, видишь, сработало.

— Каждый вдох, что ты подарила мне, отнят у тебя, — напомнила ей Шу.

— Да, — хихикнула Серена. — Я подумала, что если уж мне придется пожертвовать своим дыханием, уж лучше я отдам его тому, кто действительно его заслуживает, вместо всяких там бабочек и морских коньков.

— Ты подарила мне жизнь, Серена, — сказала Шу. — Те вдохи, которыми ты поделилась со мной, сократят твою жизнь.

— Жизнь приходит и уходит, Радость, — ответила Серена. — Дружба вечна, — она подняла свою стеклодувную трубку, словно победоносный предводитель войска. — Теперь, уходи. Я тоже улизну через камин.

Шу прыгнула в окно и приземлилась прямым на своего единорога. Она поскакала прочь от замка со слезами на глазах.

Шу убежала. Она скакала галопом вниз по холмам, обратно к полям перед лесом, ища бабочку, которую упустила из виду, когда разговаривала с Сереной.

Орды лошадей и трехглазых единорогов пустились за ней в погоню. Леди Готель и слуги объявили местным, что на принцессу открыта охота. Они убедили их в том, что Шу была вампиром, на стороне Ночной Скорби. Слава Богу, что Шу удалось избавиться от местных, зарывав на них, когда те пытались заблокировать ей дорогу. К сожалению, это лишь придало правдивости лжи Леди Готель. У Шу не было времени, чтобы доказывать обратное. Ей необходимо было разыскать бабочку.

Пред ней раскинулись маковые поля. Она успела проскакать на единороге через поле, когда погода начала стремительно меняться. Небо медленно потемнело пурпурно-красными пятнами и начал падать снег, укрыв прекрасные маковые цветки толстым белым покрывалом. Единорог с трудом скакал по снегу и сквозь темноту, тем не менее, он продолжал свой путь.

Что происходит с погодой?

Эта мысль напомнила Шу, что в Реальном Мире она тоже когда-то могла управлять погодой. Это была одна из способностей Сорроу. Должно быть, она научилась контролировать погоду уже после того, как разделила свое сердце, поскольку сейчас это было ей неподвластно. Кармила изменила погоду, пытаясь задержать принцессу.

Погода могла замедлить кого угодно, но не охотников. Они приближались.

Все еще разыскивая бабочку, Шу открыла сумку, что дала ей Серена. Злобная улыбка появилась на ее лице, когда она увидела ее содержимое. Сумка была полна мела и мертвых растений Рапунцель. Она уже знала, что сделает с ними.

Наконец, Шу увидела бабочку, размахивающую своими хрупкими огненно-красными крылышками в холодном воздухе. Она восхитилась мужеством бабочки в эту темную, бушующую непогоду. На ее лице засияла улыбка. Она вытянула руку, чтобы прикоснуться к ней и, быть может, согреть ее теплом руки, но бабочка полетела дальше, показывая дорогу.

Шу последовала за бабочкой в Черный Лес. Она начала метить деревья на своем пути мелом. То был подарок Серены, чтобы она смогла найти дорогу обратно, если понадобится, а еще, это было своего рода картой к домику в будущем, на случай, если Серене больше не удастся создать для нее бабочку.

Немного погодя, бабочка остановилась у дерева. Она продолжала кружить вокруг листочка, укрытого белым снегом.

— Что? — спросила Шу, ее сердце неистово билось, поскольку она уже слышала приближающиеся голоса охотников. — Чего ты от меня хочешь? Просто покажи мне дорогу к домику.

Бабочка продолжала кружить, ее крылышки становились все тяжелей. Шу забеспокоилась, что та может погибнуть. Она знала, что бабочки, созданные Сереной, жили дольше всех, но умирали также внезапно, как и все прочие.

— Ты хочешь, чтобы я подобрала листок? — Шу потянулась к нему, наблюдая, как бабочка приземлилась ей на руку.

— Хочешь, чтобы я стряхнула снег? — нетерпеливо спросила Шу.

Она медленно провела рукой по листику, смахивая толстый слой снега. Под ним покоились семеро гусениц. Сердце Шу чуть не остановилось. Это напомнило ей о еще одном воспоминании: увлечении Ангела бабочками. Король Скорби содержал гусениц в саду, заботился и оберегал их. Он был восхищен их жизненным циклом, наблюдая, как те, высвобождаясь из коконов, обретают новую жизнь.

У тебя нет на это времени! Прорычала чертова совесть в голове Шу. Забудь с бабочках и спасай свою жизнь.

— Я знаю, что делать, — сказала Шу бабочке, прогоняя мысли в самый темный из закутков своего разума, где им было самое место. Она вообразила, чтобы сделала Серена, если бы оказалась на ее месте.

— А у нас на борту семеро невероятно красивых пассажиров, — сообщила она единорогу, заворачивая гусениц в листок и пряча их в бесчисленные складки платья.

Бабочка взлетела выше, благодарно взмахнув крылышками, и снова полетела к домику.

Затем Шу услышала звук приближающихся охотников. Бабочка замерла на месте.

— Не бойся, — успокоила ее Шу. — Думаю, я знаю что делать, — она достала хищное растение Рапунцель, вспоминая, что Серена рассказывала ей, что вернуть растение к жизни можно было, посадив его обратно в землю. Она слезла с единорога и начала сажать коварные цветы повсюду, делая ловушки для охотников, когда те прискачут.

— Мы тебе ноги оторвем! — закричало одно из растений на Шу.

— Не могли бы просто быть благодарными и не заткнуться? — пожаловалась Шу, стараясь не приближаться к ним. Растения сами по себе были злобными, а о манерах вообще можно было забыть.

— Что хорошего в благодарности? — завопило другое растение на нее, пытаясь укусить ее за ногу. — Мы из ада!

— Приятно познакомиться, — пробормотала Шу, уже посадив большую часть растений. — Теперь, ваша задача покусать за ноги охотников и единорогов, если они поедут этой дорогой, ну или за что придется. — Она запрыгнула обратно на своего единорога и поскакала прочь, следуя за бабочкой к дому.

Она слышала рев и стоны охотничьих единорогов, по мере того, как она углубилась в самую чащу. Это задержит их ненадолго.

Под кронами деревьев, Черный Лес стал еще темнее. Толстые и вьющиеся ветви деревьев Джунипер шевелились над ее головой, почти перекрывая весь небесный свет, за исключением тонкого лунного луча, которому удалось проскользнуть.

— Эй! — закричала Шу, помахав луне за деревьями. — Ты и вправду девочка? Не могла бы ты мне помочь? Я знаю, у тебя может быть нечто общее с Семерыми Потерянными.

Луна не ответила, не улыбнулась.

— Ну, конечно, — пробурчала Шу, продолжая езду. — Кто я такая, чтоб ты мне отвечала? Я же не Серена.

Углубляясь все дальше и дальше в лес, Шу увидела светлячков, которые излучали золотистое свечение. Тогда-то бабочка опять остановилась. Шу велела единорогу остановиться.

— Что теперь? — спросила Шу. — Ты заблудилась?

Бабочка не заблудилась. Она умирала. Шу увидела, как та тускнеет и распадается на осколки почерневшего стекла, затем и вовсе обращается в пыль.

Она безмолвно наблюдала за ней, в то время как лес вокруг нее сжимался, окутывая ее

мраком. Она спешила с единорога и для надежности привязала его.

— Все будет хорошо, — прошептала она.

Вглядываясь в сгущающуюся тьму, Шу увидела пару красных горящих глаз, наблюдающих за ней. Она притворилась, будто не видела их. Сейчас ее беспокоило лишь то, что она не может отыскать дом.

Сияние светлячков оказалось полезным. Шу осторожно передвигалась по болотистой земле, она старалась наступать исключительно на камни. Вокруг нее раздавалось шипение. Что это, подумала она, звери или призраки. Она выпустила клыки, в надежде отпугнуть их.

— Счастливого дня рождения, — пробормотала она.

Голос Шу успокоил ее немного. По глупости, она решила спеть себе песенку "С днем рождения", продолжая тянуть единорога за поводья следом за собой. Она положила лист с гусеницами на толстую ветвь с другими гусеницами и коконами. Там, по ее мнению, им будет гораздо лучше.

— Здесь намного безопасней, — сказала она им. — Охотники могут найти меня в любой момент и убить.

Она проехала мимо маленького озерца, населенного лягушками. Они выпрыгивали на берег озера, квакая. Ей подумалось, должно быть, им понравилась ее песня, но прислушавшись, она поняла, что они ей подпевают.

— Локи прав, что терпеть не может ваше кваканье, — пробормотала Шу, но вовсе не была против ее компании.

По мере того, как она продвигалась все дальше и дальше в лес, она начала чувствовать себя безопасней. Она не нашла дом, и предположила, что охотники потеряли след, после того как злобные растения Рапунцель атаковали их. Она до сих пор делала пометки на деревьях, напевая себе под нос песенку "С днем рождения".

Внезапно, она вышла на залитую лунным светом лесную поляну, словно кто-то вырезал дыру белого света в толстых кронах деревьев наверху.

Затем... все вокруг замерло от звука одиноких аплодисментов.

Она обернулась и увидела, что красные глаза исчезли. Над нею раскинулись три широкие ветви, и светлячки попрятались в их тени.

У Шу перехватило дыхание, когда он увидела, как в свете луны появился силуэт парня. Словно он оказался в центре лесной вечерней сцены. Он уверенным шагом направлялся к ней, медленно, словно пантера, наблюдающая за жертвой. Затем, он остановился и прислонился к дереву, снова похлопав в ладони.

— Еще раз, пожалуйста, — произнес Локи, театрально размахивая руками в воздухе. Он выглядел как Локи, но от него исходил запах чудовища: милого, надменного и злобного. Он откинул капюшон, его обманчиво прекрасные светлые волосы рассыпались по плечам, — спой еще раз и с чувством, — усмехнулся он.

Единорог Шу отступил на пару шагов назад.

— Локи, — прошептала Шу. В отличие от своего единорога, Шу по глупости сделала шаг вперед, уже потом она опомнилась и остановилась. Сердце обливалось кровью из-за Локи, но ей необходимо было противостоять его обаянию. Это был не Локи из Мира Между Снами.

— Прошу, не делай мне больно, — произнесла Шу, пытаясь выиграть время, пока не решит, что делать дальше.

— Любовь — это боль, принцесса, — он склонил голову набок, и на его лице заиграла заразительная улыбка.

— Значит, ты помнишь о любви ко мне? — удивилась Шу.

— Ну, конечно же, — произнес он, — нет, — добавил он. — Я знаю, что нравлюсь тебе, принцесса. Всегда нравился. Я не виню тебя. Чего не скажешь обо мне, — беспечно добавил он, и, откусив лепесток от мертвого цветка Рапунцель, прожевал его.

— Ты нашел меня лишь из-за пения, — покаялась Шу.

— Красивый у тебя голосок, принцесса, — Локи прислонился к дереву, сминая растение Рапунцель. — Неверная песня. Нет ничего счастливого в твоём дне рождения.

— Тут ты прав, — согласилась Шу, взглядом она искала пути к отступлению. — Ты ведь знаешь, что все это сон, верно? — она снова начала тянуть время, надеясь, что он вспомнит.

Локи не ответил, вместо этого начав ковырять ножом под ногтями.

— Поверь мне, Локи, — взмолилась она. — Мы оба застряли во сне, и мы можем проснуться лишь тогда, когда один из нас убьёт другого, — она чуть не прикусила язык. Последние слова были настоящей агонией. Не нужно было говорить ему этого.

— Вот это уже интересно, — он подул на ногти. — Хочешь, чтобы я уступил тебе право попытаться убить меня первой?

— Придурок, — подумала Шу. С ним было бесполезно разговаривать. — На самом деле, ты не тот, кем ты себя считаешь. Ты меня вообще слушаешь?

— Мой тебе совет, Принцесса Скорби, — он бросил на нее взгляд. — Ты гораздо забавней, когда молчишь. Теперь, как ты предпочитаешь умереть?

Медленно, Локи направился к ней. На полпути он остановился, его глаза изучали ее лицо. На мгновение, она подумала, что он вспомнил ее или, по крайней мере, сообразил, что что-то не так. Затем его взгляд потемнел, у нее по спине побежали мурашки. У него взгляд Королевы, когда та была в гневе.

Шу понятия не имела что делать. У нее не осталось ни растений Рапунцель, ни магии. Стоит ей попытаться убежать, он поймает ее. Она видела, как он убивал во Фьюрри Телл. Он был быстр и безжалостен.

— На что уставился? — зарычала она на него, притворяясь, что совсем не напугана. Она выпрямила спину и вздернула подбородок.

— Жаль погружать такую красоту в сон, — ответил он, нежно проводя кончиком меча по ее лицу. Это не прозвучало так уж искренне, как она надеялась. Шу оттолкнула его меч, он не стал сопротивляться. Эту ситуация сводила Шу с ума. Один лишь взгляд на него делал ее слабее. Она предпочла бы во враги какого-нибудь уroda, чтоб его можно было убить не

раздумывая. Красота Локи обезоруживала.

Локи продолжал медленно приближаться. Как и Королеве, ему нравилось мучить свою жертву. Он знал, что в итоге победа останется за ним.

Защищаясь, Шу отважилась на рискованный шаг. Она подошла к нему и ударила по лицу.

— Веди себя подобающе, когда обращаешься ко мне. Я — твоя принцесса, — запинаясь, произнесла она, пытаясь вести себя как мать. — На колени, Охотник.

Дурочка! Глупая дурочка! Да что с тобой такое?

Локи молча принял пощечину, затем вытер щеку, словно на ней был плевок. Он посмотрел на нее, в его взгляде промелькнуло восхищение.

— Ну и ну, — он погрозил ей пальчиком, глядя на ее губы. — Не очень умный ход.

— Послушай себя, — сказала она. — Кто говорит "ну и ну" в 19 веке? Это сон!

Все, что Шу говорила о снах, ровным счетом ничего для него не значило. Он продолжал смотреть на нее, по мере ее храбрых выходов, его нетерпение медленно сходило на нет.

— Не смотря на то, что Королева Скорби ждет моего возвращения с твоим сердцем и печенью, я безмерно наслаждаюсь всем этим, — произнес Локи, кружа подле Шу, заложив руки за спину. Она ощущала его взгляд на своем теле, его нос вдыхал ее аромат. — Мне нравится девушка, которая не боится меня, — сказал он. — Поэтому, я дам тебе шанс уйти, — он снова остановился прямо перед ней. — Если ты сбежишь, Королева вздернет меня, а ты обретешь желанную свободу. Что думаешь на этот счет, принцесса?

Шу не считала, что это хорошая идея. Он знал, что если она сбежит, он все равно поймает ее. Словно игра была уже заведомо проиграна, тогда она решила поднять планку. Живем раз в жизни! Какого черта!

Она решила предложить ему куда более смелое решение проблемы:

— Как насчет сразиться? — Она отступила на несколько шагов, вытащила хрустальный меч Серены, из ножен и подняла его перед собой. Он был слишком далеко от удара.

— Храбрая и чокнутая принцесса, — Локи потер подбородок. — О чем еще мужчина может желать? — он посмотрел на нее и засмеялся.

— Над чем это ты смеешься? — потребовала Шу.

— Ты стоишь в странной стойке, — он вскинул бровь.

— Хватит болтать, дерись как мужчина! — закричала она. Локи приблизился к ней, подняв обе руки в воздух, тем самым показывая, что не будет нападать на нее.

— Можно? — произнес он, предлагая показать ей правильную стойку.

Шу подумала, что это превосходный момент для удара, но она не смогла заставить себя сделать это. Как ей драться с ним? У нее не хватает мужества.

Локи привел в правильную позицию ее ноги и руки, будто бы он был учителем. Она позволила ему, не в силах устоять. Когда он закончил, в ее голове болью вспыхнуло еще одно воспоминание. На этот раз, она вспомнила, как Ангел фон Сорроу учил ее драться, когда она была еще совсем ребенком. У нее возник образ, как они размахивают мечами в саду замка; Ангел учит ее, как ездить верхом на единороге и все тренировки проходят ночью. Она ощутила, как все знания и навыки, полученные от Ангела, заструились по ее венам.

Локи принюхивался к ней, пока менял ее позицию. Ему понравился ее запах. Она ткнула его локтем в ребро, чтобы он отодвинулся.

— Как на счет сперва устроить драку в грязи, вместо мечей? — игриво спросил Локи, отступая и не сводя с нее глаз. — Так мы узнаем друг друга получше.

— Как пожелаешь, Охотник! — зарычала на него Шу, не в силах скрыться от его проникновенного взгляда.

Снова по глупости, Шу ждала некого сигнала, чтобы начать битву. Чего она ожидала, звук горна?

Локи удивил ее и сделал первый ход. Он сделал шаг назад, вынул меч и ударил ее, словно элегантная пантера с длинной кистью добавила последний штрих на полотне. Шу вскрикнула, закрыв глаза, ожидая, как боль пронзит тело, когда она поняла, куда именно он ударил. Ветер засвистел, словно звон клинка, чуть не отрубив ей шею, вот только боль почему-то не приходила. С закрытыми глазами, она услышала его свист. Он был превосходным свистуном. Шу открыла глаза и увидела, что он лишь разрезал рукав ее платья, который тут же сполз с руки, оголяя плечо.

— Мне нравится этот порез. Сразу есть на что взглянуть, — он подмигнул ей, вздернув подбородок. — Теперь, позволишь? — он встал в стойку, широко расставив ноги, одну чуть впереди другой.

В гневе, Шу замахнулась на него мечом, никуда конкретно не целясь. Меч едва задел его лицо, капелька крови выступила на щеке.

Локи стер кровь с лица и бросил на нее восхищенный взгляд:

— Это будет интересно, — произнес он, а затем...

Он замахнулся на нее мечом. Рефлексы у Шу были совсем неплохие. Она отразила удар, звон их клинков эхом разошелся по лесу. Хрустальный меч Серены не уступал в силе металлическому мечу Локи. Их движения были быстры, и она вспомнила тренировки своего отца. Они работали руками и ногами так, словно танцевали на углях.

— Ну, ты и придурок, — атаковала Шу, заставляя его отступить.

— А что тебе нравится в придурках больше всего, принцесса? — снова ухмыльнулся Локи, делая выпады с энтузиазмом, но все же, соблюдая осторожность. Он наблюдал за тем, как двигается она, словно балерина исполняет финальную партию умирающего лебедя.

Она не ответила. Она предпочла ответить ему ударом.

— Впечатляюще, для своевольной принцессы, — заключил Локи, его глаза засияли, как у ребенка на новую игрушку.

Шу удивилась, почему он не дерется по-настоящему, а лишь играет с ней. Она знала, что он был превосходным бойцом. Она снова атаковала его, он лениво отклонил удар. Ее движения стали более уверенными, словно у пантеры на охоте.

Это мой шанс, подумала Шу. Я лучше сильно его раню и убегу. Не трати время, принцесса.

Локи отпрыгнул назад, сделав сальто в воздухе. Он приземлился на ноги.

— А ты так сможешь? — поддразнил он ее, и тут же замахнулся на нее.

Шу ответила с большей силой. Ее гнев и разочарование подпитывали ее движения. Локи оказался загнанным в угол. Он снова сделал сальто, но на этот раз без показухи. Он действовал ей на нервы. Он приземлился на ветку дерева, пару футов в высоту. Ветка качалась, словно слоновий хобот, опуская и поднимая его, словно заколдованная. Он стоял на ней, сложив руки на груди и посмеиваясь над ней.

— Это жульничество, — закричала Шу, поднимая взгляд.

— Накажи меня! — парировал Локи, дразня ее, при этом он больше походил на Робина Гуда, нежели на мрачного Охотника.

— Как ты это сделал? — спросила Шу.

— Завидуешь?

Шу вздохнула над ребячеством Локи. Неужели это тот самый Охотник, который мучил детей во Фьорри Телл или она каким-то образом смогла повлиять на него?

Шу решила повторить его ход и тоже запрыгнула на ближайшую ветку. Удивительным образом, та подняла ее прямиком к нему. Деревья в лесу были связаны, словно птичье гнездо. Локи не стал ждать, пока она приспособится с новой высоте. Он просто напал. Шу ответила, боясь упасть.

— Покажи мне клыки! — потребовал он.

— Ты пытаешься меня спровоцировать, — отбила удар Шу.

— Нет, — ответил Локи. — Я пытаюсь убить тебя, принцесса.

— Не испытывай удачу, Королевский ублюдок, — предупредила его Шу, все еще размахивая мечом. Она отрезала прядь его красивых волос.

— Последние две девушки, которые назвали меня так, получили по заслугам, — Локи сделал шаг назад и остановился. Он перехватил в воздухе прядь волос, выглядя расстроенным. Он даже сунул их себе в карман, — так ублюдок или придурок? — он бросил на нее игривый взгляд. — Прими уже, наконец, решение.

Опять же, Шу сомневалась, что в 19 веке использовали слово "придурок", но по глупой наивности, Шу оскалилась на него. Его это не напугало. Он приблизился и снова сделал выпад мечом.

— Гадина, — сказал он.

....удар.

— Ублюдок, — она замахнулась на него.

...удар.

— Грубиянка, — он отразил удар, оба быстро передвигались по ветвям.

....удар.

— Индюк, — она попыталась ударить сильнее.

....удар.

— Дерзкая принцесса, — он остановил ее и оттолкнул.

Шу ухватила за ветку дерева и, держась за нее, приземлилась как можно дальше от него. Локи стоял, растерявшись, восхищенный, ее акробатическими начинаниями.

— Ну, ты и мартышка! — произнес он, и схватился за другую ветку, повторяя ее движение.

Она спрыгнула обратно на землю, Локи последовал за ней. Звон мечей продолжился в мертвой тишине ночи. Локи снова резанул по ее платью, оголяя другое плечо.

— Нравится мое платье, а? — вздохнула она и ударила сильнее.

— Будешь откладывать убийство, в конце концов, окажешься голой, — он вскинул бровь.

— Но живой? — Шу со всей силы прижала свой клинок к его, приблизившись к нему лицом к лицу. Локи был захвачен врасплох ее словами и уставился на нее во все глаза. Шу была не против, если соблазнить его было единственным способом выйти из этой схватки живой. Однажды она пощадила его и она ожидала, что и он пощадит ее.

— Хорошая попытка, — Локи оттолкнул ее, передумав. — Я ем девчонок вроде тебя на завтрак.

— Нет, если я застряну в твоей глотке, — Шу стиснула зубы и... снова... взмахнула мечом.

— Я просто тяну время, — сказал он. — Я слишком сильно наслаждаюсь всем этим. Ты знала, что я могу фехтовать обеими руками? — Он подмигнул ей.

— Ты просто не можешь признать, что я сильнее, — сказала Шу.

Локи не поддался на провокацию. Он, правда, наслаждался всем этим, и Шу об этом знала, но это все равно, ни к чему не вело. Ей не улыбалось шутить тут с ним всю ночь.

— Так скажи мне, принцесса, — сказал он, — если бы ты могла стать кем угодно, кем бы ты стала? И не говори, что принцессой, — Локи сделал выпад одной рукой, а вторую приложил к груди.

— Не смешно, — сказала она, когда ее рука начала болеть. — Когда ты, наконец, поймешь, что Кармила держит тебя за яйца?

— Яйца? — Локи приблизил свое лицо к ее, прижимая свой меч к ее мечу. Их лица покраснели. — У меня нет яиц.

— Ну, конечно же, есть, — Шу рассмеялась и оттолкнула его. — Тебе две сотни лет, и ты слишком стар, чтобы принять эту правду.

Быстрым и точным движением, Локи оттолкнул ее и ударил по губам. Шу стояла парализованная. Она ощутила острие меча на губах, словно порез на бумаге. Если на мгновение она засомневалась, что он убьет ее, сейчас все сомнения отпали. Это было первое настоящее предупреждение.

— Тссс, — Локи приложил палец к ее губам. Его взгляд больше не был веселым, полным зловещей усмешки. Сейчас он был очаровательным маньяком. Именно в этот момент она почувствовала, что он с него хватит игр с дерзкой принцессой, которой он на мгновение восхитился.

Ударь, Шу, ударь! Еще одно мгновение колебания и он убьет тебя.

Шу сильно ударила Локи по руке. Когда меч вошел в плоть, она не остановилась. Она прорезала ее насквозь, словно пирожное. Она содрогнулась изнутри, но все же сделала это. Она посчитала, что рана задержит его и позволит ей сбежать на своем единороге.

Локи ухватился за раненую руку, он выглядел так, словно никто никогда прежде не осмеливался ранить его. Он снова обратил свой взор на нее, и Шу еще больше испугалась его мести. У него был тот же взгляд, что и во Фьюрри Телл. Бесстрашно, она ранила его в другую руку, заставляя бросить меч. Теперь, глаза Локи стали по-змеиному желтыми. Он издал легкий вскрик, но тут же проглотил его. Он не собирался показывать свою боль. Тем не менее, она была настолько сильной, что он упал на колени. Шу приложила все усилия, чтобы не чувствовать к нему жалость, воображая на его месте кого-нибудь другого. От боли вены выступили у него на шее и руках. Когда Шу присмотрелась поближе, она заметила, что это были не вены, а Руно Ариадны, которое окутало все его тело. Где бы ни была Кармила, должно быть ухватила за него сильнее, вынуждая его подняться, что он и сделал, подчиненный силой Руна. Впервые, Шу поняла, что дралась не только с Локи, но и самой Кармиллой Карнштейн.

Локи поднялся. На его лице не было ни малейшего намека на боль. Он собирался безжалостно расправиться с ней.

Шу медленно отступала, не сводя с него глаз. *Куда ей пойти? От него не убежать.*

Локи ударил ее по руке, но ей удалось удержать меч. Она вновь подняла руку, преодолевая боль, и вонзила лезвие ему в живот. Он упал на колени и обхватил лезвие руками, глядя на нее, волосы падали ему на глаза.

— Не достаточно хорошо, принцесса, — улыбнулся он сквозь боль, не в силах говорить

громче.

Боясь, что он погибнет от ее меча, Шу вытащила его, разрезая его ладони, которыми он по-прежнему обхватывал лезвие. Локи потянулся, выгнул шею и сломал свои кровоточащие костяшки один за одним. Он сделал глубокий вдох, словно боль ничего для него не значила. Его сила оказалась невообразимой:

— Теперь гораздо лучше, — произнес он, истекая кровью.

Шу вдруг поняла, что убить его будет не так уж и просто. Она повернулась и побежала к единорогу, надеясь, что рана задержит Локи. Но нет.

— Куда-то собралась? — услышала она позади себя.

Шу продолжила бежать к единорогу, не оглядываясь, но ее единорог и сам начал убежать. На мгновение, она опешила, потом поняла, что тот убегает от огромного серебряного света, сияющего в ночном небе. Шу, преследуя единорога, подумала, что это, должно быть, сияние луны, даже не смотря на то, что сияние не было белым. Он напоминал отражение стекла, словно часть неба превратилась в огромное зеркало, отражающее сияние на лес. У Шу не было времени на разглядывания. Она боялась Локи больше, чем сияния.

— Аааа, — закричал Локи позади нее. Она услышала, как он упал на землю, давая ей долю секунды, чтобы разглядеть сияние. Она наклонила голову и увидела дракона, стеклянного дракона.

Шу остановилась, испугавшись, как и ее единорог. Бросив взгляд в сторону, она увидела, как стеклянный дракон направился к Локи. Выражение ужаса на лице Локи было бесценно. Он никогда не выглядел таким... черт, она вообще не видела ничего подобного. Дракон по размеру был как и Сплеш, морской конек Серены, и он был сделан из переливающегося стекла. Он был прекрасен, но устрашающ. Глаза были сделаны из бриллиантов, и он выдохнул оранжевое пламя, от которого Локи пополз прочь на четвереньках.

Драконий хвост был привязан к стеклодувной трубке. Стеклодувной трубке Серены. Сомнений больше не было, Серена сделала тоже самое, что Чармвилль Глиммер для Локи. Она использовала почти все свое дыхание, чтобы оживить дракона и заставить его плевать огнем.

— Что ты за ведьма такая? — закричал Локи на Шу, скидывая меч, чтобы сражаться со стеклянным драконом.

— Серена, — завопила Шу. — Ты погибнешь, если продолжишь дышать. Пускай дракон погибнет, бежим со мной.

— Я рада, что нашла тебя, — выпалила Серена, опуская трубку, огромный дракон слегка потускнел.

— Ты преследовала меня? — удивилась Шу.

— Нет, — ответила Серена. — Я следовала по отметинам из мела на деревьях и растениям Рапунцель по всему лесу. Это, конечно, был не очень умный ход, Радость. Хоть растения Рапунцель и помогли задержать Охотников, Локи нашел тебя по мелу на деревьях.

— А еще из-за моего пения, — добавила Шу.

— Теперь Королева отправит за тобой других охотников.

— Почему ты, рискуя жизнью, снова пошла за мной? — Шу подошла к ней и схватила ее за руку. Локи за ее спиной сражался с уменьшающимся драконом. Скоро тот и вовсе погибнет.

— Я должна была отдать тебе это, — Серена достала медальон Локи и улыбнулась.

— Надеюсь, ты не причинила вреда Элис, — сказала Шу, еще раз взглянув на медальон.

Она до сих пор не могла прочесть его, но она надежно спрятала его.

— Мне нет до нее никакого дела, — уклончиво ответила Серена. — Давай же. Мы должны спрятаться в доме, — она указала на нечто позади нее.

Шу пригляделась, увидев дом:

— Как же я его пропустила, — удивилась он.

— Не имеет значения, — ответила Серена. — Он наша единственная надежда, впрочем, думаю, там не будет безопасно теперь, когда Локи тебя нашел. Весь замысел этого дома в том, что никто не может найти его. Но теперь, у нас не осталось выбора.

Они побежали к домику, держась за руки: в одной руке Серена держала стеклодувную трубку, а у Шу в свободной руке несла свой уже опробованный меч.

Шу и Серена вбежали в дом. Серена обернулась и заперла за ними дверь, в то время как Шу торопливо запирали все окна. У Шу снова возникло ощущение дежавю. Словно она бывала здесь раньше, но не может вспомнить детали. Если Серена повстречала здесь Чармвилля, тогда дом был частью ее стертых воспоминаний. Она ожидала найти здесь подсказки к поискам Семи Потерянных.

Домик был маленьким и поделен на два этажа. Три потрескавшиеся деревянные ступени вели на второй этаж, где стояло семь кроватей. Это были большие кровати, для настоящих людей, а не гномов. Нижний этаж был небольшим, освещенный фонарями в форме тыкв и большую часть комнаты занимал овальный обеденный стол. Стол был старый, его поверхность была испещрена трещинами и гравировкой.

Она поспешила к нему, сравнивая трещины и гравировку на медальоне Локи.

По-прежнему, все было лишено всяческого смысла. Шу удивилась, как подобные каракули могли содержать в себе важное послание. Ей ни за что не прочесть гравировку впереди и на задней части кулона.

Что привлекло внимание Шу, так это отсутствие стульев. В домике было всего три стула, тогда как за столом уместилось бы не менее восьми человек. Она провела кончиками пальцев по спинке стула, надеясь, что сможет вспомнить хоть что-нибудь, как вспомнила тренировки с отцом. Снова, ничего. Это был просто стул.

На столе Шу увидела пять предметов: нож, несколько засохших бобов, хлебные крошки, пустую тарелку и вилку. Образ каждого предмета мгновенно отозвался краткой вспышкой боли. С каждым предметом был связан некий образ. Она уловила воспоминание о мальчишке в зеленой шляпе, девушке в красном плаще и луне. Остальные образы так и остались неясными. Шу была почти уверена, что это Семеро Потерянных, и каждый из предметов принадлежал им. Почему она не увидела Серену среди этих образов, и какой из предметов принадлежит ей?

Взгляд Шу блуждал от одного предмета к другому, в том числе и к стулу. Ее желудок свело от ощущения, что стул был как раз шестым предметом... вот почему остальных стульев в доме не было.

— Они принадлежат остальным, я же говорила тебе, — произнесла Серена, указывая на вещи на столе. Она начала забивать окна досками и всем тем, что попадет под руку, словно готовилась к атаке зомби. — Мне не посчастливилось повстречаться с ними, — добавила она, прикусив ноготь зубами.

— Одна из этих вещей твоя? — спросила Шу.

— Нет, — ответила Серена. — Все свое ношу с собой, — она приподняла платье, показывая хрустальную урну. Шу удивилась, почему Серена не указала на стеклодувную трубку.

— А где тот старичок, Чармвилль? — спросила Шу.

— Как я уже говорила, я видела с ним лишь однажды. Забавный старичок, а попугай так и вовсе потешный! — Серена слизнула кровь с пальца. Она поранилась, ударив себя молотком по пальцу. — Хватит болтать и помоги мне. Нельзя впускать Локи.

— Это место выглядит не очень безопасным, Серена, — заметила Шу, роясь в коробке с

Гвоздями в поисках молотка.

— Знаю, — ответила Серена. — Но не волнуйся. У нас все получится.

Шу нашла молоток и начала забивать гвозди. Она не очень-то верила в эту затею. Задержать Локи будет задачей не из легких.

Она продолжала недоумевать, зачем Серена привела ее в этот дом. На вид он не выглядел как крепость. Молоток опустил на палец. Она закричала.

— Держи его покрепче, — захихикала Серена.

— Ты сама саданула себе по пальцу секунду назад, — в свою защиту сказала Шу.

— Это правда, но я же не Избранная, — подмигнула Серена.

— Откуда ты узнала, что я — Избранная, — Шу оторопела. — Я же никогда не рассказывала тебе.

— Чармвилль рассказал мне, — вздохнула Серена. — Может, уже перестанешь болтать и немного поработаешь?

— Почему все то и дело рассказывают тебе обо всем? — удивилась Шу. — Поэтому ты продолжаешь спасать меня все время, потому что считаешь, что должна заботиться об Избранной? — спросила Шу.

— Да! — огрызнулась Серена. — Теперь ты счастлива? Предполагается, что я несу за тебя ответственность, также как и ты за меня. Так сказала мне Бьянка, Чармвилль сказал мне то же самое. Почему тебе так трудно поверить в то, что я здесь только ради тебя?

Шу ничего не ответила, она продолжала забивать гвозди. Серена была права. Они были двумя потерянными девочками, о которых некому было позаботиться. Обе сломленные, но благословенные. Избранная хранит Ключ, Ключ хранит Избранную. Шу никогда не читала ничего подобного прежде в книгах по истории. Это было особое приключение, только для Серены и Шу, и они все делали по своему. Любовь — не всегда ответ на все вопросы; а вот дружба ценилась всегда.

Обе девушки прибавляли доски к каждому окну для повышенной безопасности. Серена стащила матрасы с кроватей и навалила их на окна, а потом задула все свечи, погружая домик во мрак. Наконец, две девушки уселись прямо на пол, прислонившись спиной к стене, пристально глядя на дверь домика. Серена чистила свою стеклодувную трубку, зато Шу даже не притронулась к своему мечу. Некоторое время спустя, они решили, что Локи не преследует их. Или стеклянный дракон убил его или же Локи понятия не имел, что они в домике. Напряженная тишина окружила девушек, сопровождаемая лишь их дыханием.

— Как думаешь, я смогу однажды создать огонь? — раздался голос Серены во мраке.

— Хотелось бы мне так думать, — ответила Шу. — Ты ведь еще так молода. Быть может, у тебя откроется этот талант попозже.

— А, быть может, Создатели обеспокоены тем, что я использую его во вред, — сказала Серена.

— Если бы я была одной из Создателей, я бы наградила тебя всеми силами, какими только можно было бы, — сказала Шу.

— Не пытайся стеклорезировать свои слова, Шу, — произнесла Серена. Шу предположила, что она имела в виду что-то вроде "покрывать стеклом". Для жителей Скорби стекло было дороже золота и слаще сахара... быть может, и для жителей Мурано также. — Знаю, я странная. Но я не дурочка, — призналась Серена.

— Ты не...

— Пожалуйста, перестань, — перебила Серена. — Я та, кто я есть, и мне с этим

отлично живется. Мне плевать, если остальные считают меня изгоем. Бывает тяжело, поверь мне, но я верю в себя. Я заслуживаю счастливого конца, принца и бала, где все будут на меня смотреть. Но, честно говоря, иногда мне кажется, что Создатели оказывают миру услугу, не наделив меня способностью создавать огонь, а то... — она пожала плечами.

— А то я бы сожгла их всех, — произнесла Серена. — Я бы сожгла Королеву Скорби за то, что она сделала со мной и с детьми; я бы сожгла мою приемную семью за то, что обижали меня; Охотника Локи; Бабу Ягу. На самом деле, это бесконечный список. Мир полон зла.

Девушка, которая думала, что мир был полон зла, была тем самым ключом ко всему этому злу.

— Тогда ты упускаешь саму причину, почему Создатели не наделили тебя способностью огня... если бы наделили, — сказала Шу. — Зачем сжигать мир огнем, когда ты могла бы создать почти каждое живое существо: драконов, морских коньков и бабочек.

— Хорошая идея, Радость, — сказала Серена. — Мне бы хотелось создать великое множество таких... после того, как я сожгу остальных. Давай начнем все с начала. Миру нужно новое начало.

Шу пожала плечами; обрадованная темнотой. Сейчас ей не хотелось видеть выражения лица Серены, потому что она не горела желанием узнать шутила та или же говорила правду.

— Мотца, — во тьме прошептала Серена.

Шу рассмеялась:

— Сработало?

— Конечно же, нет. Видишь где-нибудь огонь? — спросила Серена. — Разве это не было бы здорово, если бы я смогла зажечь свечу силой разума?

— Продолжай пытаться, Серена, — посоветовала Шу. — Кто знает? Однажды, это может сработать. Кстати, расскажи мне кое-что, — она поерзала на месте. — Твоя матушка или Чармвилль рассказывали что-нибудь еще?

— Бьянка мне много чего рассказывала. Я уже и забыла половину, — сказала Серена. — Обычно я вспоминаю, когда что-либо из моей реальной жизни напоминает мне о ее словах.

— Я имела в виду, она рассказывала обо мне еще что-нибудь? — спросила Шу.

Голос Серены замолк в темноте на мгновение и Шу почувствовала, себя слепой в поисках ответов.

— Серена? Я спросила...

— Знаю. Ты задала мне вопрос, — перебила ее Серена. — Ну, не все из того, что рассказывала мне Бьянка, правда.

— Она рассказывала тебе что-нибудь о некоем "ключе"? — подсказала Шу.

— Ключе? Что ты имеешь в виду?

— Помнишь, когда она рассказывала тебе о Ящике Пандоры, она сказала что-нибудь конкретное? — спросила она.

— Если и рассказывала, я уже не помню, — вздохнула Серена. — Она рассказала мне о тебе еще кое-что, — неохотно добавила она.

— Прошу тебя, расскажи мне, — взмолилась Шу.

— Она рассказала мне, что я окажу большую услугу, если буду спасать тебя.

— Это о тебе. Но что она сказала обо мне, то что ты пытаешься скрыть от меня? — допытывалась Шу.

— Она сказала, что ты не сможешь позаботиться обо мне, — ответила Серена. — Но это

ведь Бьянка. Как я уже сказала, не все из того, что она говорит мне, правда.

— Она объяснила, почему я не смогу позаботиться о тебе? — теперь Шу уже не нравилась Бьянка как прежде.

— Она сказала, что в начале своего путешествия ты будешь озадачена слишком многими вещами, — ответила Серена. — В основном, она сказала, что ты будешь сосредоточена на своей личной жизни, поэтому не сможешь сделать то, что должна.

Шу не понравилось то, что она только что услышала. Она хотела заботиться о Серене и не собиралась сдаваться. Она вздохнула, обдумывая все сказанное.

— Правда, не слушай Бьянку, — нарушила тишину Серена. — Она постоянно болтает. Однажды она даже сказала в шутку, что Избранная станет Избранной только в том случае, если ее спасет неизбранная, — рассмеялась Серена. — Иронично, не правда ли?

— Звучит похоже на правду, — ответила Шу. — Фактически, я знаю одного наставника, который умер, спасая Избранную. Ты знаешь, что тот старик, которого ты повстречала тут, мертв? — Шу подумала, что могла бы попытаться объяснить Серене, что происходит. Быть может, она поверит ей.

— Какой еще старик? — Серена звучала расстроенной в темноте. — Чармвилль? Ты знаешь его? Он мертв? Откуда ты знаешь? — ее дыхание коснулось лица Шу.

— Это сложная история, — ответила Шу. — Я могла бы рассказать тебе ее.

Неожиданно, Серена схватила Шу за платье.

— Расскажи мне, как он умер? Этого не может быть, — сказала она.

— Успокойся, я все могу объяснить. — Шу не поняла, как Серене мог так сильно понравиться человек, с которым она виделась лишь однажды. Для нее эта реакция была чрезмерной.

— Где он? Отведи меня к нему, — настаивала Серена. — Я знаю, как спасти его.

— Он мертв, Серена, — ответила Шу.

— Я знаю, как спасти его, — повторила Серена, она вот-вот собиралась расплакаться. — Он рассказывал мне как.

— Оу, — произнесла Шу. — То есть, ты можешь воскресить его стеклодувной трубкой? Так? Но Кармила отрубила ему голову. Его убило не пирожное...

— Не стеклодувной трубкой, Радость. Отведи меня к нему, Шу, — Серена словно сошла с ума. — Сейчас же!

— Это невозможно. Я не могу объяснить, — Шу собиралась сказать ей, что это всего лишь сон, и, сперва, ей нужно проснуться. — Как именно ты можешь спасти его?

— Я знаю его Истинное Имя, — прошептала Серена. — Он сказал, что я могу остаться в доме и буду в безопасности, если сохраню в секрете его настоящее имя.

— Так значит Чармвилль на самом деле не Чармвилль? — удивилась Шу.

— Его настоящее имя — один из трех элементов, необходимых для его собственного Искусства! — заявила Серена. — И его Искусство может воскресить его.

— Ты имеешь в виду, что мы можем воскресить Чармвилля Глиммера? Это же отличные новости, — сказала Шу, в то время как топор, вонзившийся в дверь по ту сторону, напугал ее.

Две девушки прижались спиной к стене, с оружием наготове, не произнося ни звука. В то же самое время топор снова обрушился на дверь домика, трещина пропустила в комнату тонкий луч лунного света.

— И что нам теперь делать? — Серена взяла Шу за руку.

— Не беспокойся, — ответила Шу. — Я позабочусь о тебе, — она крепко сжала руку Серены. *Черт с ней, с Бьянкой. Я позабочусь о тебе.*

Третий удар сотряс дверь, на этот раз в трещине показался глаз Локи. Он усмехнулся, глядя на них, волосы падали ему на глаза.

— Свинки! Свинки! — Его голос воплощал в себе все виды зла. — Идите к папочке!

— Мотца! — Серена сделала шаг вперед и взмахнула растопыренной пятерней по направлению к Локи.

Ничего не произошло. Локи засмеялся над ней.

— Мотца! Мотца! — передразнивал он, вскидывая брови.

Казалось, с каждой секундой, что Кармила контролировала его через Руно, он становился все безумней.

— Что с тобой произошло, Локи? — закричала Шу. — Ты был таким добрым милым парнем!

— Я съел на завтрак лягушку, — Локи поднял топор и ударил им по двери, выплевывая лягушачьи лапки. — Он все говорил, что он, мол, принц, но мне было плевать. Быть может, это и был Локи, которого ты так хочешь, свинка, свинка?

— Ненавижу лягушек! — возразила Шу.

— Я тебя тоже ненавижу, принцесса, — Локи снова вонзил топор. — Но это еще не значит, что мне не хочется съесть вас живьем, свинки.

— Хватит называть нас свинками! — запротестовала Серена, готовая броситься в бой со своей стеклодувной трубкой.

— Но почему? Я голоден, как волк, — он разгромил большую часть двери и просунул в дыру голову, свесив язык изо рта. — Если не дадите мне войти, свинки, — он изобразил волка из известной сказки, — я дуну изо всех сил и сдую ваш домик.

Внезапно Серена захихикала. Безумство Локи веселило ее.

— Заткнись, Серена, — осадила ее Шу.

— Кто твоя маленькая подружка? — Локи склонил голову набок, вспыхивая самой своей фальшивой улыбочкой, пряди волос падали на лоб.

— Она та, кто создала дракона, который надрал твою мелкую задницу, — ответила Шу.

— Правда? — произнес он. — Два сердца и две печени гораздо лучше, чем по одному.

Шу подняла меч и нацелилась на шею Локи. Пришло время покончить с его отрицательной версией самого себя. Локи мгновенно уклонился, и Шу разрешила лишь воздух, она взглядом нашла Серену и та казалась расстроенной.

— Что? — вскрикнула Шу.

— Знаешь что, Радость, — нахмурилась Серена. — Ты не слишком сильно его ранила. Ты запросто могла отрубить ему голову, если бы захотела.

— Это Бьянка тебе рассказала?

— Ты влюблена в Охотника?

— Ну, конечно же, нет, — огрызнулась Шу, хватая Серену за руку. — Иди сюда, я докажу это тебе, — она побежала к одному из окон и вытащила одну из досок, которую задел Локи, когда ломал дверь домика. Шу и Серена выпрыгнули и побежали к единорогу Шу. Как только они взобрались на него, Локи удалось войти и протиснуться в окно.

— Охотники! — закричал он изо всех сил, призывая их.

Шу не увидела поблизости ни одного Охотника в черном плаще на трехглазом единороге, зато она слышала, как они приближаются, сотрясая землю под ней и Сереной.

Она пришпорила единорога и поскакала прочь.

— Аксель, — Фейбл медленно открыла глаза. Ее брат поил ее водой и Брем Джемом... особым и ограниченным угощением из "Пузатой и Чудовища": Брем Джем — это обычный джем и сэндвич с маслом; а еще ДраКолой, самым газированным напитком в Скорби, который на вкус был как кровь. Можно было заказать большую или среднюю ДраКолу. Черт, да его раздавали чуть ли не задаром, только вот вкус был отвратительный.

— Тебе лучше, сестренка? — произнес Аксель.

— Да, — она взяла его руку, чтобы он помог ей подняться. — Гораздо лучше, спасибо, что ударил меня, — пошутила она.

— Я рад, что тебе лучше, — признался Аксель, — я чуть с ума не сошел из-за этого дурацкого заклинания.

— Думаю, эффект уже прошел, — сказала она. — Еще раз спасибо, братишка, — она поцеловала его в щеку.

Аксель оторопел. За два дня она уже дважды поцеловала его в щеку. В первый раз, когда он вчера затащил гроб Шу в Шлосс. Он даже не тер щеку какое-то время, боясь смыть поцелуй.

— Что ты читаешь? — спросила она его.

— Ничего нового, — ответил он. — Всякую дребедень из дневника Я.Г. Сейчас я на довольно странной части, где говорится, что существует некая хрустальная урна, с помощью которой можно освободить Избранную.

— Чтобы это там не значило, — прокомментировала Фейбл. — Послушай, братишка. Мне правда нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал, — сказала Фейбл, на лице расцвела улыбка. Она поправила очки и снова стала выглядеть настоящей занудой, как и нравилось Акселю.

— Валяй, сестренка, — гордо произнес Аксель. — Я выполню все, что пожелаешь.

— Я хочу, чтобы ты не сердился на меня, — сказала Фейбл, делая шаг назад.

— Я бы никогда не смог на тебя рассердиться, — сказал Аксель.

— Поверь мне, на этот раз можешь, — пробормотала Фейбл.

— Я бы никогда... — внезапно Аксель понял. Он увидел, как Фейбл устремилась к лиловому свечению и прошла сквозь него.

— Мне жаль, братишка. Я ненадолго. Я спасу Локи и вернусь назад, — это было последнее, что сказала она, прежде чем исчезнуть в Храме Сна.

Шу задыхалась, ее сердце билось и трепыхалось, словно маленькая птичка в верхней части груди, пока она скакала прочь. Серена молча прижималась к ней сзади, обхватывая ее своими маленькими ручками. Шу чувствовала, как та прижалась щекой к ее спине.

Как у Бьянки только язык повернулся сказать, что я о ней не забочусь?

Шу ехала мимо глаз-шпионов Джунипер, деревьев, которые размахивали ветвями, а совы пялили свои круглые большие глаза на нее с высоты. В отличие от Локи, ей не нравилось разговаривать с животными. У нее не было Чармвилля, который мог бы спасти ее. У нее даже нет поддержки в качестве чудных друзей, вроде Аксея и Фейбл. Все, что у нее осталось — это Серена, но она уже спасала ее слишком много раз. Настал ее черед взять себя в руки и защитить Серену.

Она похлопала единорога по шее, снова устремляясь в никуда. Охотники следовали за ней, тяжело дыша, желая добраться до нее. Даже их трехглазые единороги изнемогали от желания убить ее.

Шу полоснула по изогнутым ветвям деревьев прокладывая себе путь. Она вышла на лягушачье озеро и не раздумывая побрела через него. Когда она впервые увидела его, она подумала, что озеро задержит Локи, но он нашел способ объехать его. Теперь, когда она увидела, как он съел лягушку, она поняла, что озеро бесполезно. У Локи и следа не осталось от старой фобии перед лягушками.

Озеро не было глубоким и лягушки пели для нее своими квакающими голосами: "*С Днем Рождения тебя*".

С проклятым Днем Рождения меня, подумала Шу.

Внезапно они подъехали к подножию холма, пути назад не было. Единственная дорога вела вверх.

— Держись Серена, — она нежно потрепала ее по ладошкам, которые цеплялись за ее спину, — Я о тебе позабочусь.

Ехать вверх по склону оказалось непросто. Ее единорог устал, но Шу умоляла его идти.

— Ты сможешь, — шептала она ему на ухо. — Ты не неудачник.

Страх, в своем наиболее неизбежном проявлении, сковывал душу Шу. Самое худшее в страхе — это мысли. Чем больше она думала, что может случиться с ней и с Сереной, если их поймут, тем больше страх расползлся по ее телу, словно мурашки на гусиной коже.

— Будь оптимистичней, Шу, — сказала она себе, — Ты сможешь. Представь, что ты веришь в Чанту.

Никто не поможет тебе, Избранная. — проклятый голос терзал ее. — *За тобой все наблюдают. Они ждут, когда же ты, наконец, подашь пример, станешь гребаным кумиром, и вдохновением.*

Шу кое-как выбралась на крутой холм, проклиная вес, который тащил ее обратно. Она умоляла небо, помочь ей и поднять ее вверх по склону. Разве подобные вещи не случаются в сказках?

— Проклятье, я то думала, что все эти сказки не сложнее прогулки в парке, — пробормотала она. — Ты можешь попросить луну помочь тебе? — сказала Шу Серене, пробираясь вперед.

— Она не хочет, — сказала Серена, — Она говорит, что сейчас твой час светить ярче, чем луна!

— Легко тебе говорить, висишь там, как тарелка, болтаясь радостно на небе, — буркнула она луне. Скорее всего, она лишь разозлила своими словами кое-кого, потому что в этот момент начался сильный дождь.

— Хочешь я слезу с единорога и задержу их? — сквозь дождь прокричала Серена.

— Нет! — крепче прижимая ладони Серены к себе, — Никуда ты от меня не уйдешь. Ясно тебе?

— Я уверена, если я постараюсь сильнее, я смогу, словно дракон, поразить их огнем, — сказала Серена.

— Прошу, не надо, — она снова нежно провела по ее рукам. *Когда Серена уже поймет, что она не способна создавать огонь, как ее мать?* — Просто останься со мной, иначе они съедят тебя живьем, — сказала она Серене.

Шу пришпорила единорога, чтобы тот не вздумал останавливаться.

— Я не могу быть Избранной. Это, наверняка, какая-то ошибка, — пробормотала она, — Как я могу ею быть, когда я всегда убегаю от чего-то? -

Ей пришлось убежать, спасти себя и Серену.

Дождь и снег только все усугубляли. Бедный единорог не знал бежать ли рысью или же быть осторожней, рискуя поскользнуться.

— Дождь, снег и плохая погода, — проворчала Шу. — Что потом? Начнется цунами?

Единорог Шу остановился на вершине холма. Говоря о цунами, по другую сторону от бесконечного океана Потерянной Мили, разразился огромный ураган, угрожая смести все на своем пути. Большая волна разбилась о скалу внизу, когда Шу неподвижно сидела, глядя на бесконечные воды впереди.

— Этого не может быть, — сказала она, страх взял над ней верх. Серена молча выпучила глаза, как и ее подруга. Они оглянулись на развивающиеся полчища черных плащей на единорогах, потом снова на океан.

— Что нам теперь делать? — спросила Серена, — Ты думаешь, мы можем просто прыгнуть в океан?

— Можем, — сказала Шу, — Но не исключено, что мы умрем.

— Моя матушка сказала, что ты станешь бессмертной, когда тебе исполнится шестнадцать, — сказала Серена.

— Я не уверена, что все еще бессмертна, — сказала Шу, — Я не чувствую себя бессмертной. Быть может, я должна разделить свое сердце, или что-то еще, — сказала она себе под нос, — Даже если я и бессмертна, ты можешь умереть, Серена, — сказала она.

— Это должно было случиться рано или поздно, — сказала Серена, — Я рада, что встретила тебя перед смертью.

Шу крепко стиснула ладонь Серены.

— Я рада, что встретила тебя. Ты научила меня жить — очень странным способом, полагаю, — она развернула единорога навстречу приближающимся убийцам.

— Что ты делаешь, Радость?

Охотники уже были в поле ее зрения, буквально в ста шагах. Охотники олицетворяли собой время, а время — самый жестокий убийца всех времен и народов, оно знало свой срок, не заканчиваясь слишком рано или же слишком поздно.

Шу сделала глубокий вдох, закрывая глаза и представляя будущее. Она представляла,

как переживет этот момент. Она позабыла всю боль и страдания, представляя себе цветущие лилии и поющих птиц, себя и Серену бегущих по цветущему полю. Она представляла и все то, что может случиться позднее. На секунду это помогло сбросить часть груза переживаний со своих плеч. После, она открыла глаза. Шу почувствовала, что она будто смотрит на мир иными глазами, глазами будущего. Если бы у нее только получилось пройти сквозь этой темный час, если бы ей только удалось увидеть чуточку дальше острия меча, удалось заглянуть за горизонт, логические и физические недостатки, даже за само воображение. Ей оставалось единственное — прожить этот час, чтобы получить в качестве награды обещание будущего.

Серена была потрясена, когда увидела, что Охотники сбавили ход, немного опасаясь Шу. Их желтые глаза стали немного потускнели. Они смотрели на Шу, а она смотрела на них, и воздух был наполнен ожиданием. Порой охотник боится того, как бы самому не стать добычей. Медленно, Охотники освободили дорогу для единорога Локи, который появился из середины. Он сбавил шаг и остановился впереди них, откинув капюшон. Никакому дождю не под силу смыть всю ту тьму, что окутывала его. Он истекал кровью от ран, которые нанесла ему Шу и стеклянный дракон.

— Я еще никогда не заходил так далеко, чтобы убить кого-то, — сказал он, — Тем не менее, в конечном итоге, все, что попадает ко мне в руки — погибает.

— Я не в твоих руках, Локи, — Шу говорила все с той же серьезностью и напряженностью.

— Но будешь, — он кивнул, — Посмотри на себя, принцесса. Позади тебя океан, а перед тобой я. Смерть не могла подойти ближе, чем сейчас.

— Если я прыгну с этой скалы и умру в океане, — сказала Шу, — Смерть будет твоя, потому что Королева убьет тебя за то, что ты не добыл мое сердце.

— Я хороший пловец, принцесса, — сказал Локи, — Я даже вытащил кольцо из чрева кита, — сказал он.

— Не повезло той, кому досталось колечко, — усмехнулась Шу.

— Я не дамский угодник, дорогая принцесса, — сказал Локи, — Я несколько в тебе не заинтересован. Я даже не окажу тебе честь убить себя самой. Я позволю сделать это своим голодным Охотникам, точно как Королева дает заботится кошкам о крысах в замке. Ты сейчас одна, принцесса. Кто по твоему будет защищать тебя? — он повернул своего единорога и удалился туда, откуда пришел.

Локи исчез, а его Охотники начали приближаться. Сердце Серены билось так быстро, что Шу ощущала его пульсацию своей спиной.

Каждый шаг Шу вперед вынуждал Охотников отступить назад. Она не боялась их больше. Если Охотники раньше воплощали в себе сам страх, то сейчас пришло время встретиться с ним лицом к лицу.

Охотники остановились в пятидесяти шагах. Они откинули свои плащи назад, показывая свои уродливые обезображенные лица, глядя на смелую принцессу, которая бесстрашно взирала на них.

Серена проглотила комок в горле.

Каждую минуту, когда Шу смотрела на них, она набирала больше силы. Страх был просто трусом, как и все мы иногда. Осмельтесь заглянуть ему в глаза, и он ответит вам поклоном, полным уважения.

Лица Охотников исказили улыбки. Выглядело так: *серьезно, ты смотришь на нас? Кем*

ты себя считаешь?

Шу убедилась, что рука ее не дрогнет. Она вскинула меч в воздух и один из Охотников сделал шаг назад. Это было началом. Право будет отвоевано шаг за шагом. Войны были выиграны по капле крови.

Еще один Охотник отступил назад. Шу увидела растущее замешательство на их лицах.

Она сделала шаг вперед и произнесла одно слово:

— Я, — она ответила на вопрос Локи, когда он спрашивал, кто будет ее защищать, — Самое худшее в сказках то, что тебе навязывают мысль, будто ты должна сидеть и дожидаться принца.

Принцесса Скорби, понимая, что она не нуждается ни в наставнике, ни в Чанте, ни в Луне, спустилась вниз по холму и атаковала. Было бы трудно объяснить, что случилось на самом деле. Шу размахивала мечем так, словно Королева действительно съела ее сердце, и вместо нее осталась лишь бессердечная девушка, прекрасный монстр. Шу была безжалостна, срубая головы направо и налево, совсем как Локи во Фьорри Телл. Все, чему учил ее отец образами встало у нее перед глазами. Она даже представила себя в доспехах своего отца, убивая негодяев. Каждый трюк, каждый маневр, и каждый бессердечный взмах были от имени ее отца, которого боялись все на свете. Она была, словно она была одной из них, злой бессердечной и пожирателем тьмы. Это было то, для чего она предназначалась, быть одной из них, но все же убить их.

Она погнала единорога вниз по холму, убивая всех на своем пути. Никто не смел преградить ей путь. Серена все это время закрывала глаза. Даже когда кровь Охотников попадала на ее лицо, она не открывала их, благодаря дождь, который смывал ее. Шу была ранена, но она даже глазом не моргнула. Она была полна решимости стать сильной, как Локи. Боль и раны — это иллюзия, проявляющаяся лишь по цвету синяков и крови, но у нее нет корней. Боль это плод нашего воображения. Лишь одна вещь может остановить ее — Смерть. Даже тогда она сочла это спорным.

Разрез, взмах, удар, крик, разрез, взмах, удар и никогда не оглядываться. Схватка огня с огнем. Ее меч и клыки были огнем Шу. Ее клыки только отпугивали Охотников. Она не хотела тратить время, кусая их по одному. Но ее меч, сделанный из белого стекла, заряженный дыханием Серены, был ее Искусством. Искусством одних людей была живопись, других — их знания, третьих — забота об их семьях. Но Искусство Избранной отличалось. То была жестокость, чтобы все встало на свои места; тьма, для того чтобы прорваться к свету и индивидуальность, чтобы объединить страну. Шу теперь могла вернуться к Королеве и запросто отдать ей свое сердце. Больше она в нем не нуждалась.

Словно одержимая, она до конца гнала Охотников, когда они поверженные бежали от нее вниз по холму.

— Она действительно Избранная! — вопил один из них, убираясь из виду.

Шу беспрепятственно въехала в лес, подальше от них. Она старалась не оборачиваться на все те трупы, что оставила позади себя.

— У тебя кровь идет, — сказала Серена. — Давай остановимся. Я могу обработать твои раны.

Однако, не было никакой остановки. Теперь их преследовал единственный трехглазый единорог. Она могла чувствовать запах, его дьявольски привлекательный аромат. Это был Локи, он догонял их, чтобы отомстить за всех Охотников, которых она убила.

— Ты убьешь его? — спросила Серена, цепляясь ее за плечо.

Воинственный взгляд Шу немного смягчился. Она все еще не была уверена, даже после всех тех, кого она вырезала.

— Если я убью его, он никогда больше не проснется, — сказала она.

Серена выглядела смущенной. — Он не похож на Охотников. Он, как и я, полон тьмы и недоумения, и он не знает, что с этим делать. Все чем он пожертвовал для меня, будучи изгнанным с Небес, спасая меня, обратиться в ничто, если я убью его.

Серене не было что сказать. Она не собиралась спрашивать Шу про этот сон, о котором она всегда говорила. Она лишь почувствовала нежелание Шу в эту минуту, и спрыгнув с единорога, побежала навстречу Локи.

Серена решила, что сама даст ему отпор. Не для того, чтобы защититься, а для того, чтобы защитить Избранную.

— Нет! — Шу потянулась за ней. — Что ты делаешь, Серена?

— Свою работу, я должна защищать Избранную, — закричала она, устремляясь к приближающейся лошади. — Ты заботишься обо мне, я о тебе, помнишь?

Прежде чем Шу смогла перехватить ее, Серена глупо стояла перед приближающимся единорогом Локи, протянув одну руку в воздух и завопив:

— Мотца!

Серена закрыла глаза, задумавшись, хорошо ли она сосредоточилась, чтобы создать огонь и сжечь злобного Охотника. Шу приближалась, чтобы подхватить Серену, не обращая внимания на Локи, но закричала, когда подняла на него глаза. Она опоздала. Локи, разъяренный тем, что Шу убила большую часть его Охотников, поднял свой меч на Серену, которая стояла закрыв глаза и пытаясь сотворить огонь силой мысли. К несчастью, он был к ней ближе, чем Шу, которая не могла поверить своим глазам. Меч Локи ударил Серену. Серена открыла глаза, расстроенная, что не смогла вызвать огонь и довольная, что осталась жива. Когда она увидела, что случилось с ее протянутой рукой, она выглядела озадаченной. Фонтан крови поднялся в воздух. Серена посмотрела на Шу умоляющим взглядом, не в силах поверить, что это действительно случилось с ней.

Локи отрубил ей руку.

— Я же говорила тебе не отходить от меня! — завопила на нее Шу, подхватывая ее и пытаясь усадить на единорога.

Серена оказалась настоящей упрямницей, она оттолкнула Шу и побежала к Локи, направив на него свою единственную оставшуюся руку.

— Мотца, ты, Королевский Ублюдок!

Локи издал издевательский смешок, и ждал, пока маленькая чумазая девушка приблизится к нему.

— Нужно было думать прежде, чем пытаться убить меня, — сказал Локи. — Это было глупо, — он отрубил ей вторую руку и проехал мимо.

— Ах ты маленький кусок дерьма! — заорала Шу на Локи и побежала к Серене, пытаясь подхватить ее. Теперь Серена не сопротивлялась. У нее был тот душераздирающий взгляд, она словно спрашивала, как это могло быть моей судьбой. Шу подняла ее, прежде чем она потеряла сознание.

Все о чем сейчас она могла думать было спасение Серены. Глянув налево, она увидела, что они были недалеко от Терновой Стены. Она вспомнила, что Серена рассказывала ей, что каждая спящая красавица на Поле Сновидений была убиенной. Чтобы получить шанс на новую жизнь, им приходилось спать и производить слезы и песок в течении тысячи лет,

только тогда они смогут вернуться к жизни.

Шу не знала, как воскрешать людей стеклодувной трубкой, ничего не знала о силе Истинных Имен. Поле Сновидений было ее единственной надеждой спасти Серену. Серена умирала у нее на руках. Чтобы попасть на Поле Сновидений, Шу необходимо было перейти через Терновую Стену. Шу устремилась к ней, не подпуская к себе ни единой чертовой лозы. Если ехать достаточно быстро, она сможет прорваться сквозь нее. А если не сможет, она отдаст себя на растерзание шипам, чтобы единорог с Сереной смогли попасть на Поле Сновидений.

Во время дикой скачки, она заметила, что Локи снова преследует ее, вот только она была быстрее. Как только она добралась ко терновым кустам, несколько ветвей обвилились вокруг Серены и единорога, словно принюхиваясь к ним. Они слегка порезали их и принюхались к их крови. Наконец, они пропустили их.

Я близко. Я смогу добраться до Поля Сновидений.

Когда ветви учуяли Шу, они порезали и ее тоже, пробуя ее кровь. Они в мгновение ока обезумели.

— Как же вы не поймете, что я вам не враг, — закричала Шу. — Глупые шипы!

Шу перешла границы и боль от порезов стала просто невыносимой. Она ощущала, как шипы режут ее руки, ноги и лицо. Вот только ее это не заботило, пока существовала хоть малейшая надежда на спасение Серены. Если бы только ей удалось не обращать внимание на Волшебную Флейту Моцарта, которая заиграла у нее в голове. Каким-то образом, на этот раз ей удалось. Быть соблазненным музыкой, означало слабость, только не для Избранной, когда те получали власть над своими силами. Шипам придется придумать что-то помимо порезов, поскольку это ее не остановит.

Наконец, Шу удалось перебраться на ту сторону, на Поле Сновидений. Платье промокло от крови, казалось, та сочится из каждой поры в теле. Шу остановилась рядом с одной из спящих красавиц, и сняла Серену с единорога. Она едва могла говорить. Шу нашла свободную лужу с водой и уложила в нее Серену. Она вернулась и раздела одну из девушек в красном, затем одела Серену. Она поставила одну хрустальную урну справа, другую слева, недоумевая, правильно ли она поступает.

— Я создала огонь? — пробормотала Серена.

— Не говори сейчас, — попросила ее Шу.

Серена уже теряла сознание. У нее не осталось слов, она была расстроена, что прожила недостаточно долго, чтобы научиться создавать огонь. Она стиснула ее руку, не зная, что еще сделать. Она ждала какого-нибудь знака. Быть может, она хотела увидеть, как у Серены будут появляться слезы и песок, как у остальных спящих красавиц, что означало бы, что Серена спасена.

— Возь... — попыталась вымолвить Серена, но ее глаза закатились, не глядя больше на Шу.

— Не говори ничего, — Шу обхватила ладонями ее лицо, пытаясь не думать о фонтане крови, который бил из обрубков рук. Она внезапно вспомнила сказку, которую читала в Шлоссе, будучи плененной, та называлась Безрукая Девушка.

Кто же ты, Серена? Кто ты на самом деле? Золушка, Феникс, Безрукая Девушка или мой наставник?

— Возь... — шевельнула языком Серена. — Возьми, — она показала на свою хрустальную урну, которую спрятала в недрах платья.

Шу взяла ее, не зная что Серена хочет чтоб та с ней сделала. Она выглядела похожей на все прочие урны справа и слева от нее. Серена была молчалива. Она лишь указала на Терновую Стену, а после упала навзничь.

— Свинки! Свинки! — завопил Локи из-за стены, голос был полон сарказма.

Не смотря на то, что он пытался помешать спасению Серены, она вынуждена была отказаться от него.

Убей его, черт подери! Убей же его!

Шу подхватила хрустальную урну и направила своего единорога обратно к стенам. Она больше не собиралась пробираться сквозь нее. У нее уже некоторое время не переставая шла кровь, и ей становилось все хуже и хуже. Локи был уже на полпути, чтобы пройти Терновую Стену, медленно приближаясь на своем единороге. Шу ощутила настоящее бешенство, ведь шипы считали его своим другом и позволяли ему пройти.

Она приблизилась к самому краю стены из шипов, глядя Локи в глаза.

— Это тебе за Серену, — сказала она, метнув свой хрустальный меч, словно кинжал, метя прямо в его сердце, стирая мерзкую улыбку с его лица. — В этом мече частичка ее.

Локи в то же мгновение упал, а его единорог ускакал. Шу не увидела, что произошло с ним из-за терновых ветвей, но она забеспокоилась. Она ведь уже ранила его в живот, а он так и не умер. Не было у нее уверенности, что он умрет и сейчас, хотя меч попал ему прямо в сердце. Прошло мгновение, но она так и не услышала его проклятий или ругательств. Быть может, он все же умер? Похоже на то.

Она повернулась обратно к Серене.

— Ку-ку, — раздался голос Локи позади, полный сарказма и самодовольства. Она обернулась и увидела, как его голова высунулась из терновых шипов. На его коже снова темнело Руно. Локи снова спасла сила Королевы.

— Я за тобой наблюдаю, — произнес он, двумя пальцами показывая на свои глаза, а затем на нее.

Шу не была уверена, вытащил он меч из раны или же нет. Из-за шипов его грудь было не разглядеть, а идти самой в самую гущу Терновой Стены ей больше не хотелось.

— Трудный выдался денек, — произнес он, вытирая кровь Серены с губ. — И ты задолжала мне сердце и печень, принцесса, — он приближался к ней, собираясь пересечь Терновую Стену.

Шу стояла безоружная, понятия не имея что делать и совсем без сил. По иронии судьбы, в этот же самый момент, она, наконец, решила, что убить его будет самым правильным решением. Локи, которого она любила и всегда знала, исчез, как и все отношения, что рано или поздно разваливаются ко всем чертям, или же один из двух влюбленных умирает. Глупо, но ей понадобился целый сон, чтобы понять это. Тем не менее, у ее сердца была причина, о которой разуму ничего не было известно.

В этот самый момент, сердце Шу было на стороне Серены и ей придется убить чудовище, стоящее прямо перед ней. Пока Локи приближался, у Шу в руках не было ничего, кроме хрустальной урны Серены. Что она с ней будет делать, бросит в него? Если бы она только знала, что Серена хотела от нее.

— Разве это не забавно, что так называемая Избранная не может пройти сквозь Терновую Стену не поранившись, — произнес Локи, медленно приближаясь.

Конечно же, он наслаждался моментом. Он, должно быть, знал, что другого пути с Поля Сновидений нет, а она решила, что больше не позволит шипам Терновой Стены ранить себя.

— Глупая Терновая Стена, — произнесла Шу. Пара острых ветвей пыталась дотянуться до нее. — Она не понимает, что единственный враг здесь ты, Локи Ван Хельсинг.

— Глупость, — сказал Локи, теперь уже опасно близко. — Что за прекрасная вещь. Если бы Терновая Стена не была глупой, мы бы сейчас не оказались в такой ситуации, в которой я вырву твое сердце голыми руками.

Другая пара терновых лоз приблизилась к Локи, недовольная тем, как он отзывался о них. Она наблюдала за ними с надеждой в глазах, желая, чтобы они отомстили за смерть Серены и убили его.

— Прочь, глупые шипы, — отмахнулся от них Локи. — Они не могут причинить мне вреда, не смотря на то, что я не слишком с ними любезен. Знаешь почему? Потому что как и все в этом мире, они — глупы, — он оскалился на Шу. — Взгляни на себя, принцесса. Вся истекаешь кровью, — рассмеялся он над ней. — Я надеюсь, твое сердце и печень не слишком сильно страдают.

Впервые за все время, слово "кровь" прозвучало для нее столь сладостно. Она вспомнила, когда Леди Готэль давала ей пирожное, орошенное кровью девушки на процедуре взвешивания души, и, наконец, поняла, для чего предназначена хрустальная урна. Она поняла, почему Серена так настаивала на том, чтоб она взяла ее. Медленно, Шу сжала окровавленное платье и, отжав, частично наполнила хрустальную урну, пока Локи продолжал болтать и приближаться.

— Даже если я буду оскорблять их целый день, они все равно не тронут меня, потому что угадай что, — Локи взмахнул рукой в их направлении, от Шу его отделяло пять шагов, — для шипов я друг.

— Больше нет, — произнесла Шу, поднимая хрустальную урну и выливая на Локи свою кровь.

Шипы словно ждали этого момента с нетерпением, обвиваясь вокруг запястий и лодыжек Локи, в то время как музыка уже начала играть. Выражения лица Локи было бесценным. Все, что ему осталось сделать — это сдаться на милость мелодии Моцарта, а после он уже сам убьет себя, танцуя до смерти. Хорошо, что Локи любил музыку; для него это был лучший способ уйти из жизни.

— Глупость, — передразнила Шу Локи, глядя как шипы готовы растерзать его. — Какая прекрасная вещь.

Она понятия не имела что с ней случилось: жестокость или то, что все это было лишь сном; но она не плакала по Локи. Это было бессмысленно. Быть может, ему в самом деле удалось заставить ее возненавидеть его в этом сне, или, быть может, тому послужила смерть Серены.

Шу была озадачена. Внутри нее полыхала сила Избранной. Это была своего рода серая сила. Не просто темная или светлая; хорошая или злая. То была темная сила, которая может формироваться по вкусу и желанию своего обладателя, силой его мгновенных решений.

Локи в этом сне; Локи, которым управляла Кармила, заслужил умереть. Когда он был самим собой он не заслуживал смерти, но сегодня в живых должен был остаться лишь один: Шу или Охотник. Шу выбрала себя.

Когда Шу начала медленно отстраняться, лицо Локи изменилось. Его змеиные глаза снова стали голубыми, а его светлые волосы снова начали приобретать темный цвет, тот самый, которым наделил его Чармвилль, когда вызволил Локи из царства теней. Этот цвет ассоциировался у нее с тем Локи, которого она любила. Поначалу Шу не поняла. Она

подумала, что это одна из проделок Локи, но невинный взгляд в его глазах был настоящим.

— Шу? — удивился он, словно очнулся от долгого кошмара. Он посмотрел на терновые пути, затянувшиеся на его запястьях. Он оглядывался, словно никогда прежде не видел этого места. — Что происходит?

— Локи? — озадаченно произнесла Шу. — Это, правда, ты?

— Где я? — голос Локи внезапно стал девчачьим. Это был голос Фейбл.

— Фейбл? — пропищала Шу. — Какого черта происходит? Ты вообще кто: Локи или Фейбл?

— Я — Фейбл, — ответил Локи, озадачивая Шу еще больше. — Я использовала заклинание, чтобы завладеть телом Локи. Теперь он не связан с Кармиллой. Скажи, что мне сделать, чтобы спасти этот сон. Я не смогу задержаться надолго, но я хочу помочь.

— Уже слишком поздно. Выбирайся из тела Локи, Фейбл, — закричала на нее Шу. — Прямо сейчас!

— Почему? — спросила Фейбл.

— Потому что он умирает!

От криков Шу голос Локи снова стал нормальным, как и прежде:

— Помоги мне, Шу, — произнес он. — Я не понимаю.

Шу сделала шаг назад, глаза были полны слез. Ее сердце сжалось, когда заговорил настоящий Локи. Она ничего не могла поделать. Музыка уже околдовала его, и он неосознанно начал танцевать. Фейбл удалось проникнуть в его тело, вот только было уже слишком поздно. Терновая Стена игралась с ним и Шу предпочла отвернуться. Смерть окружала ее со всех сторон.

Шу обернулась, убеждая саму себя, что она разделалась с Охотником, а не с Локи. Она не знала как жить, если она будет считать иначе. Но следующие слова Локи были будто нож в спину:

— Ты прочла медальон? — взмолился он.

Шу упала на колени, умершая Серена лежала прямо перед ней неподалеку, позади тело Локи терзали терновые шипы. Ей стало лучше, когда его темная половина вернулась и он начал проклинать ее, пока шипы резали его на части. Мучения Шу были бесконечны, она знала, что они продолжаться даже после окончания сна.

Она подползла к мертвой Серене, чья кожа стала белее снега. Она провела рукой по ее волосам, прося у нее прощения:

— В конце концов, Бьянка оказалась права, — всхлипнула она. — Я не смогла защитить тебя.

У нее начала кружиться голова от рыданий. Она вот-вот должна была проснуться, совсем одна, без Серены или Локи. Она решила, что страдать — ее судьба. Ей хватило одного взгляда на Серену, чтобы разразиться новым приступом рыданий. Она увидела, как в уголке глаз Серены образовался песок, а после она увидела, как по щеке катятся Слезинки Красоты и падают в хрустальную урну. Она увидела, как отрастают вновь ее руки. Поле Сновидений было реально. Оно работало.

Шу широко распахнула глаза, и она почувствовала себя несколько лучше, снова проведя рукой по волосам Серены.

— Теперь я понимаю, почему Чармвилль стер о тебе все воспоминания, — прошептала она ей. — Чтобы Кармилла не добралась до тьмы целого мира, Ключ обречен спать вечно, — она поцеловала Серену в лоб. — Увидимся через сто лет, — произнесла она и

небо рассыпалось на тысячи осколков.

Шу сидела на диване в Сахарном Домике и переключала кнопки пульта. Она не хотела ничего смотреть. Просто убивала время. С каждым нажатием кнопки, на экране появлялся новый канал, который ровным счетом ничего для нее не значил. Как и большинство людей, которые смотрят телевизор, чтобы сбежать от реальности, Шу безуспешно пыталась забыть о Серене.

Она очень удивилась, когда поняла, что гибель Локи не причиняет ей столько боли, как гибель перепачканной золой девушки. Быть может, потому что темная сторона Локи оказалась слишком жестокой, чтобы принять ее или, быть может, потому что его убийство далось ей слишком тяжело. На самом деле, все было совсем не так. Шу знала настоящую причину. Она не могла простить ему убийство Серены, как жестоко он отрубил ей руки, не смотря на то, что это было столь предсказуемо, благодаря сказкам Братьев Гримм. Предательство в ее глазах все еще преследовало Шу. Тот взгляд, когда Серена задавала вопрос, как же она умрет, так и не узнав, кто она такая на самом деле, и так и не научившись создавать огонь по желанию.

Чем Серена заслужила все это?

Шу не могла простить саму себя. Они ведь должны были заботиться друг о друге, и она ненавидела Бьянку за правоту. *Ты не сможешь позаботиться обо мне так, как я о тебе.* И после всего, Серена погибла, потому что Шу не смогла убить Локи в самом начале.

Клик. Другой канал. Клик. Все каналы — отстой, как бы ей хотелось, чтобы этот пустой ящик больше никогда не попадался ей на глаза. Она как-то обходилась без него сотню лет в Шлоссе, и не чувствовала, что что-то упустила.

Шу была *потеряна*. Подавлять потребности Дампира оказалось не такой уж большой проблемой, не смотря на то, что в ее душе царил некий разлад, с тех самых пор, как она вернулась из Мира Сновидений.

Дверь наверху распахнулась, и Фейбл спустилась вниз, направляясь к холодильнику. С тех пор, как она побывала в теле Локи, она чувствовала себя не очень хорошо, она ведь вошла в Храм Сна и прошла сквозь лиловое свечение. Она была очень шокирована тем случаем, когда Локи пытался убить ее во Фьюрри Телл. Локи так же пытался убить Шу, так что она подумала, что двоим девушкам будет о чем поболтать, но Фейбл не хотела даже обсуждать это.

После вчерашнего возвращения из Шлосса, Фейбл принялась обучать алфавиту своего тарантула... он оказался способен написать лишь слово "придурак" в прошедшем времени, и то лишь потому, что хотел обозвать Аксея.

— Сосредоточься, Битси, — сказала она ему, перемешивая разноцветные магниты с буквами на холодильнике.

Битси не ответил, он взобрался на холодильник и начал двигать буквы. Фейбл велела ему написать: *"Я люблю фиалки"* или *"Аксель — придурак"*, чем он охотно и занялся.

— Умница, Битси, — Фейбл обхватила ладошками Битси.

Шу слабо улыбнулась, слушая Фейбл.

Потом дверь Сахарного Домика распахнулась, и вошел Аксель с парой одноклассников. Они несли хрустальный гроб Шу, и принялись затаскивать его внутрь. На одном из его

дружков красовались очки, которые, казалось, превышали вес самого гроба и содержимого в нем.

— Не урони, ботан, — подбодрил его Аксель, как только они начали опускать гроб на деревянный пол гостиной. — Эй, Эй. Слава Богу, — выдохнул Аксель, давая пять каждому из парней.

— Никто не должен узнать об этом, — со всей серьезностью заявил Аксель своим друзьям. — Не каждый день мы натываемся на внеземные цивилизации.

— Конечно, Аксель, — ответил один из парней. — А не то на нас откроет охоту правительство. Я такое видел по Дискавери.

Шу, сидя на диване, обменялась взглядом с Фейбл, которая стояла у холодильника. Они не совсем понимали, кто лежал в гробу.

— Само собой, парни, — улыбнулся им Аксель и проводил их до двери. — Просто держите рты на замке и никому не рассказывайте, что я поймал пришельца, — он закрыл дверь и, повернувшись к Шу и Фейбл, открыл гроб.

— Ты сказал им, что в гробу пришелец? — спросила Фейбл, показывая на тело Локи внутри. Он пребывал в коматозном состоянии Спящей Смерти, после того как Шу убила его в Мире Сновидений. Аксель разрисовал его зеленой краской и даже приделал две антенки к его голове.

Шу рассердилась и подошла поближе:

— Что ты сделал с Локи?

— Ты соврал друзьям, что Локи — пришелец? — произнесла Фейбл, открыв рот.

— Вообще-то, таскаться по городу с трупом наперевес задача не из легких, — фыркнул Аксель. — Кармен не работает, а вы двое ведете себя как пара девчонок из мыльной оперы. Сделал что смог.

— Мне сейчас же нужно отмыть Локи и позаботиться о его теле, — Шу опустилась на колени рядом с ним.

— погоди, — сказал Аксель. — Локи может подождать. Я должен рассказать вам нечто важное.

— Нет ничего важнее Локи, — произнесла Шу.

— Как на счет кое-чего важного о Серене, — произнес Аксель, зная, что Шу обязательно передумает. — Так и думал, — Аксель склонил голову набок. — А теперь девочки, присядьте на диван, пока дядюшка Акселиус Великий решит для вас загадки. Ну, или большую их часть.

Фейбл и Шу неохотно сели. Аксель, довольно, неплохо преуспел в своих исследованиях, так что они решили послушать, что он скажет.

— Теперь, послушайте, девушки, — объявил Аксель, вынимая драгоценные книги Локи: Руководство Охотника за Сновидениями и дневник Я.Г. — Я выслушал, что вы мне обе рассказали про Мир Сновидений, Серену, Королеву Скорби, Искусство, Мурано, Бабу Ягу Терновую Стену и прочее.

— Давай ближе к делу, Аксель, — вздохнула Шу.

— Вся правда в том, что никакого "дела" и нет, — ответил он. — Вообще-то, я понятия не имею, что происходит на самом деле. Все, что мне известно, вокруг меня одни сказочные персонажи, и, честно говоря, я с удовольствием открываю для себя кто они такие и как связаны друг с другом нашей мировой историей. Большинство из них, мягко говоря, не в себе, но кто не... не в обиду будет сказано, Шу, ты ведь знаешь, кто до смерти напугал нас в

Шлоссе.

— Не мог бы ты пропустить всю эту мамбу-джамбу, — попросила Фейбл. — Расскажи, что тебе известно.

— Вот что я узнал, — Аксель потер руки. — По пути сюда, я со своими друзьями-ботанами, членами невероятно крутого форума Харум Скарум и дорогим другом Гоблином Гением, я обдумал все то, что вы рассказали мне о произошедшем во сне. Я имею в виду, это и ежу понятно, что все ищут Семерых Потерянных, и что Феникс один из них, но кое-что из сказанного было действительно странно и вот над этим стоит подумать.

— Это помогло? — спросила Шу. — Ты нашел способ вернуть Серену обратно, быть может, — озвучила она желанные мысли. Ведь она оставила Серену спать на целых сто лет.

— Замечательные новости заключаются в том, что я обнаружил кое-что более важное, — сказал Аксель. — Все, что ты рассказала мне о Серене, ее Искусстве, то что она стеклодув, и о ее матери не заинтересовало меня. За исключением двух вещей, — ответил Аксель, почесав подбородок. — Мурано и Мотца.

— Что на счет них? — спросила Шу.

— Проводя свои гениальные исследования, я открыл, что Мотца — это национальный оскорбительный жест среди греков, — объяснил Аксель. — Нужно растопырить пальцы на ладони и указать ладонью на того, кого вы хотите оскорбить.

— И что? — нахмурилась Шу. — Скорее всего, это совпадение.

— Не совсем, его использовали в стародавние времена, в разных частях Европы в ритуалах по сжиганию ведьм, — Аксель широко распахнул глаза. — Ведьм, которые могли создавать огонь, — добавил он.

— Ты серьезно? — спросила Шу.

— И не только, — продолжил Аксель. — Ведьму обычно сажали на лошадь задом наперед и измазывали ее лицо чем-нибудь грязным, чтобы унижить перед изгнанием или даже смертью. Знаете, чем именно измазывали лицо?

— Кровью? — предположила Фейбл, и Шу начала волноваться о ее душевном здоровье.

— Золой, — гордо заявил Аксель.

— Золой? — ахнула обе девушки. Шу воспользовалась моментом, чтобы обдумать эту связь.

— Помнишь, когда Серена рассказывала тебе, что мать хотела назвать ее Золой или Золушкой? — спросил Аксель. — В дневнике Я.Г. упоминается, что Феникс также именуется Золой... одно из ее многочисленных имен. Золушкой же она назвалась, вдохновленная Фениксом, тем, как он возрождается из пепла, после того как сгорит.

— Но что именно это значит? — удивилась Шу.

— Как я уже говорил, я не совсем понимаю смысл, но вижу связь, — ответил Аксель.

— Что означает, что ты не можешь рассказать нам ничего полезного, — вздохнула Фейбл.

— Полегче, сестренка, — сказал Аксель. — Погоди, пока я не расскажу об острове Мурано.

— Мурано — это остров, куда ссылали венецианских стеклодувов, — объяснила Шу. — Там и родилась Серена. Что ты узнал о нем?

— Согласно истории загадочной Элис Гримм, которую ты повстречала... которая мне крайне интересна, создатель зеркала спрятал ключ в Серене, так? — произнес Аксель.

— Так и есть. Ключ, который обладает силой над всеми осколками в мире, —

объяснила Шу.

— Я продолжаю думать о том времени, когда все это произошло, — сказал Аксель. — Я имею в виду, то, что разожгло вражду между так называемыми силами добра и зла еще с начала времен, как тогда Серена оказаться ключом?

— Я не понимаю, — сказала Шу.

— Я имею в виду, Серена ведь твоего возраста, — сказал Аксель. — Создатель не мог создать зеркало и ключ в конце 18 века. Много веков назад, не меньше, а то и тысячи. Я точно не знаю, когда было начало времен.

Шу словно мешком огрели. Аксель был прав. Серена была слишком юна, чтобы быть ключом. Быть может ключ передавался по наследству в семье Серены. Быть может, она получила его от Бьянки, а Бьянка от своей матери.

— Поэтому я провел исследования, связанные с этим самым Мурано, когда стеклодувов вывозили из Венеции за то, что они устраивали слишком много пожаров, — сказал Аксель. — Это происшествие имеет значительное историческое значение в истории Венеции и стеклоделия. А знаете, когда все это произошло?

— Когда? — спросила Фейбл.

— В 1291, - Аксель хлопнул в ладоши. — Это почти восемьсот лет назад.

— Но это же..., - Шу напряглась.

— Невозможно, знаю, — ответил Аксель. — Но это не так. В своем дневнике, Я.Г. упоминает о зеркале. Создатель, для того чтобы убедиться, что ключ не умрет, создал бессмертную девушку, которая бы пронесла его сквозь века и время. Но потом, он, должно быть, узнал, что бессмертных можно убить во сне, поэтому он создал девушку неподвластную времени и бессмертию.

— Должно быть, так и было, — согласилась Фейбл. — Нет ничего более бессмертного, чем бессмертный.

— А вот и есть, — возразил Аксель. — Существует нечто более вечное и легендарное, чем любой другой бессмертный.

— Да говори уже, Аксель, — рассердилась Фейбл, в то время как у Шу промелькнула мысль, что ответ ей уже известен. — Что это?

— Феникс, — ответила Шу вместо Акселя.

— Именно, — кивнул Аксель. — Тот, кто возрождается из пепла, после всеожжения. Поэтому Создатель сделал ключ Фениксом, так что если она погибнет, то вновь восстанет из пепла, из чего следует, что ключ живет вечно и никогда не умирает, — Аксель хлопнул в ладоши самому себе. — Я.Г. упоминает, что каждый раз когда Феникс погибает и возрождается, она просыпается кем-то новым, свободной от воспоминаний прошлой жизни, с ней остается лишь малая толика информации, когда она перерождается, но ничего о том, кем она была прежде.

— Сереной? — спросила Шу. Рабыня, перепачканная золой девушка, которая отдала свой последний вдох, лишь бы Шу вернулась к жизни? Не удивительно, что она сама относилась к этому более легкомысленно. Глубоко внутри, должно быть, она чувствовала, что будет жить снова и снова. Потому-то она знала куда больше Шу. Не потому что Чармвилль или Бьянка рассказали ей, а потому что Серена прожила слишком долгую жизнь и кое-какие знания сохранились в ее памяти, вроде создания стекла.

— Настоящая Золушка не беспомощная служанка, которая мечтает повстречать принца на балу, — сказал Аксель. — Ее роль в этом мире не меньше, чем у Избранной. Самое

печальное в этом то, чтобы сохранить мир, ей лучше не знать кто она такая, в противном случае, она сама начнет искать ключ. Кто знает, быть может, если ей бы удалось найти его, она бы решила перейти на темную сторону.

— Серена бы никогда так не поступила, — вступилась за нее Шу.

— Из всех людей на земле уж ты-то должна знать, что тьма может сотворить с человеком, — сказал Аксель. — Помнишь те безобидные песенки, что Серена пела тебе о том, как мир сгорит?

— Да, — согласилась Шу. — Странные песенки о Лондоне, пепле и всесожжении.

— Не уверен, но у меня такое чувство, что все эти песенки, про пожары и огонь, все это произошло с Сереной в прошлых жизнях, — предположил Аксель.

— Она должна была каким-то образом быть связана с каждым историческим пожаром. Лондонский пожар в 1666, я полагаю. Потому она пела про то, как Лондонский Мост падает, который, судя по слухам, горел, — Аксель начал загибать пальцы. — Пепел, Пепел — это часть из "Кольцо из Роз", детского стишка. В нем говорится, что Черная Смерть, она же Чума, убила почти всех в мире. Людей, пораженных чумой сжигали живьем, чтобы они не могли распространить заразу. Опять, огонь. Помнишь, как она рассказывала тебе о Ла Фениче, знаменитой венецианской опере? В ней также был пожар. Как по мне, именно она его и устроила. Серена, должно быть, своими глазами видела, как горел Рим, а потом...

— Хватит! — не выдержала Шу. — Каждый раз, когда ты упоминаешь о ее смерти, я задыхаюсь. Почему ее обрекли на такие страдания?

— Полагаю, такова ее судьба, — Аксель пожал плечами.

— Неужели это значит, что она не мертва? — спросила Шу у Акселя. — Это значит, что она снова возродиться и не проспит сотню лет на Поле Сновидений?

— Я, правда, не знаю, Шу, — ответил Аксель. — У меня столько вопросов роится в голове. Например, кто эта так называемая приемная семья Серены? Какое отношение она имеет к каждому происшествию в истории, связанному с огнем? Кто сжег все эти места, и почему она всегда оказывалась там?

— Из всего этого следует ответ, кто постоянно спасал меня от Терновой Стены и пожара в Сахарном Домике, — сказала Шу.

— Только в том случае, если спасали именно тебя, — заметил Аксель. — Быть может, кто-то спасал Серену, ведь Ключ она, а не ты.

— Так что теперь, Аксель? — спросила Шу. — Так много загадок, и мне нужно разгадать их и найти Семерых Потерянных быстрее моей матери.

— Чтобы сделать это, нужно чтобы кто-нибудь помог нам добраться до... — начал Аксель.

— Мурано, — перебила Шу, и Аксель согласно кивнул. — Теперь, когда Кармила знает, кто такая Серена и откуда она, она последует за ней, неважно куда: в Мир Сновидений или Реальную Жизнь.

— Мне бы хотелось отправиться с тобой на Мурано, — сказала Фейбл. — Надеюсь, у них есть венецианские карнавалы, на которые надевают восхитительные маски.

— Мне бы тоже хотелось. Никогда не пробовал венецианской еды. Но, боюсь, добраться до Мурано будет нелегко, — сказал Аксель. — Я имею ввиду путешествие во времени к событиям 1291 года, сперва нужно найти Серену, а потом войти в ее сон, как Локи проделывал с Шу...

— А мы и понятия не имеем где искать Серену в Обычном Мире, — согласилась Фейбл.

— А если бы и знали, нам все равно понадобится Охотник за Сновидениями, чтобы войти в ее сон, — произнес Аксель, бросив взгляд на коматозного Локи.

— Чего у нас также нет, — сказала Фейбл.

— Опять же, помочь нам сможет только один человек, — сказал Аксель.

— Чармвилль Глиммер, — одновременно выдохнули Шу и Фейбл. — Он должен знать, как нам добраться туда, я поспорить могу, что он ответит на большую часть наших вопросов, — добавила Шу.

— Разве Серена не сказала тебе, что существует способ воскресить его? — спросила Фейбл у Шу.

— Она сказала, что Чармвилль назвал ей своё Истинное Имя, когда повстречал ее в домике, и оно поможет воскресить его, если он умрет, — ответила Шу. — К сожалению, у меня не было времени, чтобы узнать его у нее.

— Потому что Локи отрубил ей руки, — сказала Фейбл. Имя Локи с горечью сорвалось с ее губ.

— Мы, правда, ничего не сможем сделать без Истинного Имени Чармвилля, — сказал Аксель, глядя, как Битси копошится с магнитным алфавитом на холодильнике. На этот раз он составил имя Чармвилля.

Одно время Пиквик совсем потерялся без хозяина. Скорбь не казалась ему подходящим городом, но больше у него друзей не было. Не потому, что люди были безнадежно испорченными, а потому, что Пиквик боялся, что кто-нибудь подберется к нему довольно близко, чтобы разузнать секрет Книги Прекрасной Лжи. Главной целью жизни Пиквика было защитить книгу, из-за которой Чармвилль был убит Королевой Скорби. Даже Локи, который должен был присматривать за Пиквиком после кончины Чармвилля, куда — то подевался. В последний раз, когда Пиквик его видел, Локи лежал в гробу в Сахарном Домике, словно Спящая Красавица в ожидании волшебного поцелуя.

Аксель, Фейбл и Шу совсем позабыли о Пиквике. Никто не кормил и не играл с ним. Он знал, что вряд ли они будут ухаживать за ним, ведь они знают всего пару дней, но он привык, что хозяин хорошо заботился о нем. Даже кошка Девятка и Мистер Белка съедали всю еду Пиквика и ворчали на него.

Пиквик днями одиноко кружил над Скорбью, подбирая объедки оставленные у «Пузатой и Чудовища», надеясь, что хозяин вернется за ним. Точнее, он даже сам пытался воскресить Чармвилля. Давным-давно, Чармвилль рассказывал Пиквику, что немногие благословлены шансом на вторую жизнь и лишь в том случае, если близкий друг знает твое Настоящее Имя, что было крайне важно для процедуры воскрешения. Пиквик, как и Серена знал Истинное Имя Чармвилля. По иронии судьбы, он был нем и не мог произнести его.

Уставший Пиквик полетел обратно в Шлосс. Это было страшное место, а Пиквик был не так уж храбр. Его главной способностью была секретность, а не мужественность. Он решил повернуть обратно в Скорбь, пролетая над Черным Лесом, Болотом Скорби и Кладбищем Похороненной Луны.

Пиквик немного покружил над Сахарным Домиком, любопытствуя, чем все занимаются. Он опустился на окно, наблюдая, как Фейбл устала на магнитный алфавит на холодильнике. Битси составил из него имя Чармвилля Глиммера. Битси был так горд собой, сидя на ее плече, в то время как сама Фейбл думала над Истинным Именем Чармвилля. Пиквик чуть не сошел с ума. Если бы он только мог говорить, он бы сообщил Фейбл его имя. Все было так просто, прямо у нее под носом. Почему она ничего не видела?

Отчаявшись, Пиквик трижды постучался клювом в окно.

— Пиквик! — воскликнула Фейбл, обрадованная его появлением. — Где же ты был? — она открыла окно и впустила попугая. — Битси, поздоровайся с Пиквиком.

Было очевидно, что эти двое не нравятся друг другу. Пиквик взобрался на холодильник и указал на имя Чармвилля Глиммера.

— Да, знаю. Знаю я, — сказала Фейбл. — Мы все хотим узнать его Истинное Имя чтобы воскресить его. Кстати, Битси написала его. Разве он не очаровашка? — Фейбл поцеловала тарантула. Пиквик утер клюв крылом. — Я, правда, хотела бы выяснить Истинное Имя Чармвилля, — добавила она.

Расстроенный, Пиквик начал стучать по магнитным буквам клювом, пытаясь переставить их местами. Он хотел написать Истинное Имя Чармвилля, но Битси, обозленный тем, что ему помешали, атаковал Пиквика, прыгнув на него с холодильника. Пиквик попытался сбросить с себя Битси, боясь, что тот повыворачивает ему перья. Наконец,

Пиквик тюкнул тарантула по голове клювом. Он снова начал стучать клювом по алфавиту. Буквы скользили туда-сюда, и ему никак не удавалось собрать их в слова.

Фейбл по-прежнему казалась озадаченной:

— Ты пытаешься сказать мне, что знаешь Истинное Имя Чармвилля, Пиквик?

Пиквик закатил глаза и издал долгий вздох.

— Какое же? Скажи мне, — Фейбл тронула его за крыло, словно он был человеком. Она помяла ему перья, которые он приглаживал и заботился каждый день, на случай, если ему неожиданно повстречается попугай противоположного пола... он считал, что он принц-попугай, так что принцессой тоже станет попугай. Встряхнув его как следует, Фейбл осознала свою глупость. Пиквик был нем. Она встала напротив холодильника и снова начала менять буквы, теперь уже сама.

— Значит имя Чармвилля — это анаграмма его Истинного Имени, также как и Миркалла анаграмма для Кармиллы? — пискнула она, спрашивая Пиквика. Она подумала, что в анаграммах она разбирается, хвала дислексии. Тем не менее, ей до сих пор не удалось его выяснить.

Пиквик вылетел из комнаты довольный, что Фейбл наконец-то это поняла. Он клюнул ее в щеку... с поцелуями у него всегда были проблемы, и озадачился в который раз, как же ему испытать свой первый поцелуй, когда он встретит попугая своей мечты.

Затем, Пиквик покружил немного, проверяя где Аксель. Он не сомневался, что немного погодя Фейбл прочтет анаграмму. Пиквик увидел, что Аксель играет в свою дурацкую игру про Зомби на приставке. Он приземлился на диван рядом с Акселем, задаваясь вопросом, даст ли тот и ему поиграть немного. Убивать зомби на экране было весело. Кроме того, с тех пор как Локи отправился в гроб, Аксель играл в одиночку. Пиквик начала стучать по контроллеру клювом, потом попробовал играть когтями. Оказалось, это задача не из легких. Труднее всего было спорить с Акселем, который постоянно отгонял его и вообще сказал сидеть рядом с вредным тарантулом Итси. Пиквик умозаключил, что Аксель жадная задница. Он подумал, почему его так и не назвали — Задницей или еще чем похуже, и поклялся, что первое что он сделает, когда сможет говорить, сам скажет ему об этом.

Солнце почти зашло, когда Шу села на скамью на улице. Выпорхнув на улицу, он увидел, что она держит в руке медальон Локи. Пиквик молчаливо наблюдал, как она пытается прочесть то, что написано на лицевой и задней сторонах медальона. Она перепробовала все, что пришло ей на ум, а надпись по-прежнему так и не обрела смысл. Даже Пиквик не мог никоим образом интерпретировать значение медальона.

Аксель распахнул дверь ударом ноги и вышел на крыльцо, в то время как Пиквик пытался избежать его, словно от того несло гнилыми яблоками.

— Я узнал нечто новое, — сообщил он Шу. — Я.Г. обличает лишь троих из Семи Потерянных здесь, в Скорби. Остальные четверо все еще заточены в Мире Сновидений.

— И? — спросила Шу.

— Поэтому Акселиусу Великому придется найти и спасти их, — Аксель скрестил руки на груди. — Почему у меня такое чувство, словно это я должен быть Избранным?

— Для Избранного, ты слишком много ешь, — пошутила Шу, все еще глядя на медальон.

— На твоём месте, я бы попробовал вращать медальон, — сказал Аксель. — Если ты так сделаешь, два изображения соединятся в одно и получится новое изображение. Это старый трюк. Всем это известно.

Почему ей даже не пришло это в голову?

Пиквик, приземлившись на ближайшие ветви, наблюдал, как Шу вращает медальон. Лицевая и задняя часть гравюры увеличивая скорость при вращении складывались в единое предложение.

Вперед:

С 11 - 14

И на обороте:

21 14 45

Все было ясно как день и ночь. Прямо у нее под носом. Это был обычный мозаичный пазл. Все, что ей требовалось, лишь соединить их вместе. Даже Пиквику без труда удалось прочесть сообщение, которое Локи снова и снова пытался донести до Шу.

Шу прочла слова и начала истерично плакать. Ее трясло, медальон был зажат в руке. Как же так, подумала она. Теперь, когда ей пришлось убить Локи, она не чувствовала, что поступила правильно. Но прежде чем она смогла справиться с противоречивыми эмоциями из-за того, что она прочла на медальоне, в глубине дома раздался вопль Фейбл...

— Бо. Же. Мой. — пронзительно закричала Фейбл. — Я, черт подери, знаю настоящее имя Чармвилля! — судя по голосу она находилась в диком замешательстве.

Аксель бросился к задней двери, Шу следом за ним, в ее глазах блестели слезы. Пиквик последовал за ними обоими, заинтересованный их реакцией на сие открытие. Он подозревал, что Истинное Имя Чармвилля станет настоящей сенсацией для всех. Он действительно поможет им воскресить его, но за этим последует еще больше вопросов о Мире Сновидений и о том, что на самом деле произошло со сказками.

— Как *такое* может быть? — произнесла Фейбл, указывая на переставленные буквы имени Чармвилля Глиммера.

Битси снова прыгнул на холодильник, желая переставить местами буквы в имени Чармвилля. Он подумал, что имя, что он прочел, неверное. Такого просто не могло быть. Пиквик подхватил Битси и отшвырнул его на запотевшее окно, давая Шу и Акселю время, чтобы прочесть имя Чармвилля.

— Это анаграмма его имени? — Аксель напрягся, не в силах поверить в увиденное.

— Но какой в этом смысл? — произнесла Шу, все еще держа медальон Локи. — Чармвилль Глиммер, Хранитель Локи, на самом деле..., - она не смогла произнести это вслух.

— Фейбл? — Аксель тронул ее за плечо. — Ты уверена? Может ты добавила лишнего или перепутала алфавит?

— Да нет же, — Фейбл отодвинулась. — Тем же способом Кармила использовала анаграмму для Миркаллы, Чармвилль Глиммер — анаграмма Вильгельм Карл Гримм. (прим. Ред. Charmwill Glimmer — Wilhelm Carl Grimm)

Больше книг на сайте - Knigolub.net